

ВЕСТНИК МГЛУ

*СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ № 1 (122) / 2023*

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

Л. А. Тарасевич (*главный редактор*),
М. С. Рогачевская (*зам. главного редактора*),
А. Н. Баранов, Е. А. Булат, А. Н. Гордей, Е. А. Гапанович,
Е. Г. Задворная, Т. В. Поплавская,
А. А. Романовская, З. А. Харитончик

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

Ковалевская И. И. Концептуализация дискурса договорного права
и ее применение в переводе 7

Путрич Е. Н. Коммуникативный потенциал концепта «хрупкость»
в художественном тексте..... 15

Русина Ю. Н. Способы трансформации фразеологических единиц
и устойчивых сочетаний в заголовках газетных статей на тему коронавируса
(на материале англоязычных, русскоязычных
и белорусскоязычных статей) 21

Святощик М. И. О конвертации частей речи в части языка 29

Шестакова Е. В. Типы оценочных значений в русскоязычном
дипломатическом дискурсе 37

Романское и германское языкознание

Комаристова И. И. Онимы как потенциальные прецедентные феномены
(на материале современного американского художественного дискурса) 44

Лисова А. Б. Реализация категорий эмотивности и интенсивности
в научном и обыденно-разговорном диалоге
(на материале испанского языка)..... 53

Исследования славянских языков

Семянькевіч А. В. Лінгвапрагматычныя функцыі
множналікавых назоўнікаў у беларускай мове 61

Востоковедение

Юй Вэй. Тенденции развития и тематическая классификация финансовых
наименований в китайском и русском языках 71

Проблемы прикладной лингвистики

- Жданович М. А.* Компонентный анализ по словарным дефинициям как этап систематизации терминологии (на материале предметной области «Информационные технологии») 80

Литературоведение

- Астанчык Т. А.* Складаныя аказіянальныя прыметнікі ў паэзіі Міколы Шабовіча: семантычны аспект 89
- Зелезинская Н. С.* Этическое поле англоязычного проблемного романа о подростках с аутизмом 95
- Руклянскі Д. А.* Фразеалогія эпісталаярыя Ф. С. Кміты-Чарнабыльскага 107
- Старасценка Т. Я.* Рэалізацыя сэнсавых апазіцый у паэзіі Генадзя Пашкова 115
- Тарасава Т. М.* Навуменкаўскі аўтабіяграфізм і яго адметнасці ў аповесці “Вір” 121

Памяти...

- Мусиенко С. Ф., Рогачевская М. С., Белякова О. Ю.* Посвящается Любови Владимировне Первушиной – талантливой коллеге, рано ушедшей 128

CONTENTS

General and Typological Linguistics

- Kovalevskaya I.* Conceptualization of Contract Law Discourse
and its Application in Translation 7
- Putrich E.* Communicative Potential of the Concept “Fragility”
in a Literary Text 15
- Rusina Y.* Methods of Transformation of Idioms and Collocations
in the Headlines of Newspaper Articles on Coronavirus
(Based on English, Russian and Belarusian articles) 21
- Svyatoshchik M.* About Converting Parts of Speech Into Parts of Language 29
- Shestakova E.* Evaluative Meaning Types in Russian Diplomatic Discourse 37

Romance and Germanic Linguistics

- Komaristova I.* Onyms as Potential Precedent Phenomena
(Based on Modern American Fictional Discourse) 44
- Lisova A.* Implementation of the Categories of Emotivity
and Intensity in Scientific and Colloquial Dialogue
(Based on the Material of the Spanish Language) 53

Slavonic Languages

- Semenkevich O.* Linguopragmatic Functions of Pluralia Tantum Nouns 61

Oriental Studies

- Yu Wei.* Development Tendencies and Thematic Classification
of Financial Names in Chinese and Russian 71

Applied Linguistics

- Zhdanovich M.* Component Analysis of Dictionary Definitions
as a Part of Terminology Systematization Process
(Based on the «Information Technology» Domain) 80

Literary Studies

<i>Astapchyk T.</i> Compound Occasional Adjectives in Micola Shabovich's Poetry: Semantic Aspect	89
<i>Zelezinskaya N.</i> The Ethical Field of the Problem Novel About Teenagers with Autism	95
<i>Ruklianski D.</i> Phraseology of the Epistolary of F. S. Kmita-Chernobylski.....	107
<i>Starascienka T.</i> Realization of Semantic Oppositions in the Poetry of Hienadź Paškoŭ	115
<i>Tarasava T.</i> Autobiographical Features of I. Navumenka's Prose and its Characteristics in the Story "Whirlpool"	121

In Memory of...

<i>Musiyenka S. F., Ragachewskaya M., Belyakova O. Y.</i> In Memory of Lyubov Pervushina, a Talented Colleague who Passed Away too Soon... ..	128
--	-----

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК: 811.111'25

Ковалевская Ирина Ивановна

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой межкультурной
экономической коммуникации
Белорусский государственный
экономический университет
г. Минск, Беларусь

Irina Kovalevskaya

PhD in Philology, Associate Professor,
Chair of the Department of Intercultural
Economic Communication
Belarusian State Economic University
Minsk, Belarus
kovalevskaya@bseu.by

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ДИСКУРСА ДОГОВОРНОГО ПРАВА И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ В ПЕРЕВОДЕ

CONCEPTUALIZATION OF CONTRACT LAW DISCOURSE AND ITS APPLICATION IN TRANSLATION

В статье раскрывается специфика концептосфер русскоязычного и англоязычного дискурса договорного права. Выделяются базовые концепты, репрезентирующие предмет/объект договора. Рассматриваются специальные дефиниции концепта «имущество» в славянской и англосаксонской правовых системах и выявляются его отличительные признаки. Предполагается, что главным условием достижения адекватного перевода дискурса договорного права является транспонирование правового знания посредством воссоздания системных отношений между концептами в исходном и переводном дискурсах.

Ключевые слова: концепт; концептосфера; юридический дискурс; договорное право; имущество; интерсубъектное пространство.

The paper reveals the concept sphere specifics of the Russian and English Contract Law discourse. It identifies the basic concepts that convey the scope of a contract. The special definitions of such a concept as “property” in the Slavic and Anglo-Saxon legal systems, as well as its distinctive features are considered. It is suggested that the main condition for adequate translation of the Contract Law discourse should be the transposition of the knowledge of law by recreating the systemic relations between the concepts of the source and target discourse.

Key words: concept; concept sphere; legal discourse; Contract Law; property; intersubject space.

Когнитивная лингвистика, будучи одним из ведущих лингвистических направлений, предопределила динамику развития современных исследований дискурса. В выделении концептов как определенных фрагментов знаний проявляется их семантическое структурирование в индивидуальном и общественном сознании. Концепт считается основной единицей, позволяющей репрезентировать результаты познания с помощью языка [1, с. 73], ввиду

чего актуальным является представление правового сознания в виде системы концептов, так называемой концептосферы, в которой зафиксирован многовековой опыт взаимодействия субъектов правовых отношений.

Юридический дискурс служит определенным «социальным регулятором» правоотношений и характеризуется особой концептосферой, представляющей собой систему концептов, выполняющих регулятивную роль в организации и жизни общества. Через данный вид дискурса осуществляется контроль отношений в социуме, так как именно право ориентировано на определенную систему ценностей, отражает и охраняет эти ценности, имеет аксиологическую основу [2, с. 106–107].

Признавая имеющийся теоретический опыт анализа когнитивных и, в частности, категориально-терминологических аспектов юридического дискурса, отметим многообразие его типов, не получивших достаточного освещения ввиду того, что их проблематика выходит за пределы собственно лингвистических исследований. К числу таких типов принадлежит дискурс договорного права, субъектом которого в современную эпоху интенсивной интеграции экономических и социальных процессов оказывается вовлеченным каждый член общества.

Специфика концептосферы юридического дискурса обусловлена выполняемыми им нормативно-регулятивными функциями в целях правового взаимодействия и общественного развития с опорой на факты их нравственной оценки и концептуального терминологического закрепления. При выделении концептов правовой системы важно обратить внимание на их отличие от понятий, которое выражается в том, что концепт охватывает содержание понятия и смысл слова, соотносимого с данным понятием, а объем содержания понятия определяется совокупностью охватываемых им предметов или явлений [3, с. 41–42]. Справедливо в этой связи утверждение о том, что концепты шире понятий, которыми оперируют философия и логическая семантика, и строятся на других основаниях, нежели понятия, не отражающие специфики познания и общения [1, с. 68]. Концепты правовой сферы обозначаются терминами, создающими в составе терминологической системы модель фрагмента объективной действительности, необходимую в процессе ее познания и освоения.

В качестве терминов могут функционировать единицы естественного языка, которые в результате использования в дискурсе права становятся единицами юридического языка. В различных сферах правового регулирования тех или иных отношений (уголовного, административного, судопроизводства и т.д.) осуществляется переосмысливание данных единиц, т.е. процесс их концептуализации. Данный процесс носит комплексный, многоаспектный характер и предполагает юридическую оценку тому или иному факту или событию с опорой на правовые нормы, отражающие некоторое ментальное представление о социально-нравственной сути данного факта или события.

Согласно М. Н. Федуловой, «апелляция к нормам – это ментальная сторона концепта», а актуальное применение к конкретному факту или событию концепта есть не что иное, как его практическая, чувственная сторона. Автор предлагает в этой связи разделить концепты на ментальные и чувственные. Если первые отражают требования норм права, оставаясь более устойчивыми, то другие являются ситуативными, в большей степени интенциональными в коммуникативном контексте, отражают «требование момента» как части культурно-нравственной (правовой) ситуации [2, с. 109].

Принимая во внимание большую актуальность для всех разновидностей юридического дискурса ментальных концептов, мы все же придерживаемся точки зрения о том, что «разделение концептов на ментальные и чувственные носит скорее функциональный, а не семантический характер» [Там же]. Соответственно, один и тот же концепт в зависимости от его функциональной заданности может рассматриваться как ментальный или чувственный. Конкретика чувственной стороны каждого из них служит отправным пунктом коммуникативной аргументации, направленной на устранение когнитивного и аксиологического диссонанса. Функционально в их ситуативном применении они неразделимы и могут рассматриваться как две стороны одного и того же концепта в его функциональной заданности. Степень институциональной устойчивости дискурса определяется не чувственной, а ментальной стороной концепта, характером его закрепления в коммуникативном культурно-выразительном опыте языка.

К аргументативно-активным сферам юридического дискурса относится договорное право, являющееся отдельной подотраслью или самостоятельным институтом обязательственного права, входящего в особенную часть гражданского права [4], хотя считается, что сведение договорного права, представляющегося по сравнению со всеми другими обязательственными институтами наиболее весомым, лишь к одному гражданско-правовому институту неоправданно [5].

Договоры, отличающиеся особой гибкой правовой формой, используются на протяжении уже нескольких тысяч лет и находят применение в различных отраслях права: международной, публичной, административной и др., хотя наиболее широко применяются в гражданском праве. При этом романо-германская правовая доктрина, с которой близкими по внешней форме и по некоторым содержательным элементам являются правовые системы Республики Беларусь, России, а также таких стран, как Украина, Болгария, Босния и Герцеговина, Хорватия, Черногория, Северная Македония, Сербия, Словения, в целом «отрицает договор как источник права (за исключением нормативных договоров) на основании отсутствия в последнем правовых норм», создаваемых государственными органами [6, с. 202].

Примечательно, что в англосаксонском праве за договором (contract), составленным в соответствии с требованиями действующего материального и процессуального законодательства, признается роль источника права, в результате чего он считается законом для его сторон.

Исходя из предложенной в англоязычном юридическом словаре дефиниции, согласно которой «contract» определяется как *an agreement with specific terms between two or more persons or entities in which there is a promise to do something in return for a valuable benefit known as consideration* ‘соглашение, заключенное на определенных условиях между двумя или несколькими лицами или организациями, которое содержит обещание совершить какое-либо действие в обмен на такое ценное преимущество, как встречное удовлетворение’¹, видно, что в англосаксонском праве в основе договора лежит обещание что-либо сделать или не сделать [7]. В отличие от русскоязычных договоров, направленных на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, договоры в англосаксонской правовой системе направлены на конкретное действие или бездействие. Обещание, являющееся основой договора, следовательно, подразумевает получение оферентом определенной для себя выгоды. Принцип встречного удовлетворения конкретизируется при рассмотрении его различных видов: *adequate consideration* ‘соразмерное встречное удовлетворение’, *nominal consideration* ‘номинальное встречное удовлетворение’, *past consideration* ‘предшествующее встречное удовлетворение’ и т. п., которые сводятся, соответственно, к признакам, характерным для англоязычных договоров. Из этого следует, что англоязычный договор выполняет не собственно социальную функцию, а регулирует правоотношения на рынке товаров, работ и услуг.

Концепты договорного права объективируются посредством специальных лексем, функционирующих в русскоязычном и англоязычном договорном дискурсе. По итогам исследования его терминологической сферы в ней можно выделить следующие понятийные доминанты, соответствующие определенным семантическим группам и выраженные специальными терминами:

1) предмет/объект договора – *продукция* ‘products’, *оборудование* ‘equipment’, *патенты* ‘patents’ и др.;

2) субъекты договорных отношений – *цессионарий* ‘assignee’, *генеральный директор* ‘Managing Director’; *совместное предприятие* ‘Joint Venture Company’ и др.;

3) элементы, признаки и условия договора – *условия поставки* ‘terms of delivery’, *график выполнения* ‘schedule for performance’, *дата вступления в силу* ‘effective date’ и др.;

4) виды договора – *контракт об обратных закупках* ‘Buy-Back Contract’, *контракт о техническом содействии* ‘Technical Assistance Contract’, *контракт о товарообмене на условиях взаимозачётов* ‘Compensation Trade Contract’ и др.;

5) порядок заключения, исполнения, изменения и расторжения договора – *оговаривать условия* ‘specify the conditions’, *применять по отношению к чему-либо* ‘apply against something’, *выполнять обязательства* ‘perform the duties’ и др.;

---

¹Здесь и далее перевод наш.

б) виды правоотношений в договоре и их прекращение – *обязательства* ‘commitment’, *режим наибольшего благоприятствования* ‘most-favoured-customer conditions’, *освобождение от ответственности* ‘exemption’ и др.

Значения терминов и терминологических выражений приравниваются к эксплицируемым в них концептам. Базовыми среди правовых концептов считаются наиболее существенные для построения всей концептуальной системы культурные образования, имеющие различные формы проявления в правовом и языковом сознании ввиду культурно-исторической обусловленности правовых норм [8, с. 127]. Базовые концепты договорного дискурса можно выделить с опорой на значимые для договорного права признаки общественных отношений. Ключевыми из них признаются конечные экономический и юридический результаты, на достижение которых направлены основные действия участников договора [9]. В соответствии с этими признаками дифференцируются четыре группы договоров, направленных на передачу имущества, выполнение работ, оказание услуг или передачу денег. В качестве базовых концептов договорного дискурса в этой связи выделяются «имущество», «работы», «услуги» и «деньги», репрезентирующие предмет/объект договора, так как договор заключается ради обладания конкретными благами, являющимися его объектом, и содержит указание на данный объект и на совершаемые ради него действия, составляющие предмет договора.

Каждый из концептов имеет особые, юридически детерминированные содержание и структуру в отечественной и англосаксонской системах права в силу обусловленности их понятийно-содержательных и параметральных характеристик историко-культурными, социально-этическими, политико-экономическими, идеологическими и морально-нравственными факторами.

Определению отличительных признаков данных концептов как юридических явлений способствует рассмотрение их специальных дефиниций, указывающих на специфику договорного права. В частности, интерес представляют дефиниции концепта «имущество» как одного из наиболее репрезентативных в договорном праве. Экономическая составляющая данного понятия лучше всего представлена в статье 2 Конвенции ООН, относящей к имуществу «любые активы, будь то материальные или нематериальные, движимые или недвижимые, выраженные в вещах или в правах, а также юридические документы или акты, подтверждающие право на такие активы или интерес в них» [10]. Включение экономических терминов в предложенную дефиницию свидетельствует о потребности регулирования объектов прав, выражаемых соответствующими терминами.

Более обобщенный характер носит определение понятия «имущество» в статье 44 Модельного Налогового кодекса для государств – участников СНГ, включающее «виды объектов гражданских прав (за исключением имущественных прав), относящихся к имуществу в соответствии с гражданским кодексом страны» [11]. Наиболее конкретным по содержанию представляется определение данного понятия в статье 32 Уголовно-процес-

суального кодекса Республики Беларусь, где под имуществом понимаются «любые вещи, включая наличные денежные средства и документарные ценные бумаги, безналичные денежные средства, находящиеся на счетах, во вкладах (депозитах) в банках и (или) небанковских кредитно-финансовых организациях, бездокументарные ценные бумаги; электронные деньги; имущественные права, а также исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности» [12].

В англоязычных юридических словарях предлагается весьма широкая трактовка концепта «property», под которым подразумевается *anything that is owned by a person or entity* ‘всё, что принадлежит лицу или организации’. Содержание концепта конкретизируется в рамках определения двух основных видов имущества: *real property/realty* ‘недвижимая собственность’, *personal property* ‘движимая собственность’ [7]. Выявление специфики правоотношений в английском имущественном праве (Property Law) как особой отрасли договорного права предусматривает описание системных отношений (сходства, различия и иерархии), в которые вступают по отдельным своим признакам выделенные концепты [13, с. 26]. Совокупность этих отношений соответствует концептуальной модели дискурса, обобщающей знания в области договорного права. Выявление связей между ними как элементами единой системы лежит в основе концептуализации юридического дискурса и имеет особую значимость для достижения его адекватного перевода.

Так, при выборе переводческого соответствия для концепта «юридический адрес» необходимо знать, что под ним подразумевается место нахождения юридического лица. Соответствующий термин встречается в русскоязычных контрактах, хотя в нормативных правовых актах Республики Беларусь отсутствует его расшифровка, поскольку при использовании возникают ошибочные ассоциации: адрес имеют объекты права, к которым относится, например, недвижимое имущество, а лицо (юридическое или физическое) как субъект права имеет место жительства (пребывания, нахождения) по определенному адресу. Исходя из этого, содержание концепта «юридический адрес» в следующем фрагменте контракта об обратных закупках завода и оборудования транспонируется на английский язык посредством поясняющего перевода как *principal place of business*:

<p>Компанией В, компанией созданной и существующей по законодательству ..., имеющей юридический адрес ..., данное выражение включает всех правопреемников Z, именуемое в дальнейшем «Компания В».</p>	<p>Z, the company organized and existing under the laws of ..., having its principal place of business at ..., which expression shall include all assigns, assignees, licensees and successors in title of the Z, hereinafter referred to as «Company B».</p> <p style="text-align: right;">https://miripravo.ru</p>
---	---

Заслуживает внимания в рассмотренном выше переводе также концепт «правопреемник». В соответствии со статьей 6 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь правопреемником называют «лицо, к которому в силу закона или соглашения непосредственно от другого лица перешло установленное право» [12]. Поскольку в правовых системах США и Великобритании отсутствует эквивалент с таким же широким значением, содержание исходного концепта при переводе конкретизируется посредством английских терминов *assigns* ‘лица, которые приобретают имущество в результате покупки, дарения или по завещанию’; *assignees* ‘лица, которым имущество, в частности, недвижимость, переходит в результате продажи или дарения’, *licensees* ‘лица, которым выдана лицензия’, *successors in title* ‘стороны, приобретающие в собственность недвижимость или личное имущество в порядке правопреемства’ [7].

Таким образом, адекватный перевод достигается посредством трансляции исходных отношений между опорными концептами, выраженными в юридическом тексте при помощи базовых терминов, и не допускает искажения правового знания при их переводе. Совокупность этих отношений соответствует концептуальной модели исходного дискурса. В основе их осмысления лежит стратегия концептуализации, представляющая собой процесс воссоздания исходной модели правового знания, умение интерпретировать и понимать которое является важной составляющей профессиональной компетенции юридического переводчика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курганова, Н. И. Образ мира через призму концептов повседневности / Н. И. Курганова. – Минск : РИВШ, 2020. – 200 с.
2. Федулова, М. Н. Система концептов в юридическом дискурсе / М. Н. Федулова // Вопр. психолингвистики. – 2017. – № 4 (34). – С. 107–113.
3. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Языки рус. культуры, 1997. – 824 с.
4. Брагинский, М. М. Договорное право: общие положения / М. М. Брагинский. – М. : Статут, 2020. – 847с.
5. Груздев, В. В. Возникновение договорного обязательства по российскому гражданскому праву / В. В. Груздев. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – 253 с.
6. Бухалов, А. В. О договоре в англо-саксонской и романо-германской правовых семьях / А. В. Бухалов // Ленинградский юридический журнал. – 2009. – № 3(17). – С. 193–205.
7. The People’s Law Dictionary by Gerald and Kathleen Hill [Electronic resource]. – Mode of access : <https://dictionary.law.com/Default.aspx>. – Date of access : 15.08.2022.
8. Храмцова, Н. Г. Теория правового дискурса: базовые идеи, проблемы, закономерности / Н. Г. Храмцова. – Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2010. – 396 с.

9. *Романец, Ю. В.* Направленность договора как основа его квалификации / Ю. В. Романец // *Право и экономика.* – 1999. – № 9. – С. 63–65.
10. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.etalonline.by/?type=text&regnum=i00000091>. – Дата доступа : 22.08.2022.
11. Модельный Налоговый кодекс для государств – участников СНГ [Электронный ресурс]. – 29 ноября 2013 г. № 39-10: принят Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ. – Режим доступа : <https://iacis.ru/public/upload/files/1/530.pdf>. – Дата доступа : 22.08.2022.
12. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, с изм. и доп. : 18 июля 2017 г. № 53-З // *Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь.* – 2000 г. – № 77–78, 2/71.
13. *Попова, И. А.* Семантико-когнитивный анализ языка / И. А. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2007. – 250 с.

Поступила в редакцию 19.01.2023

Путрич Елена Николаевна
аспирант кафедры языкознания
и лингводидактики
Белорусского государственного
педагогического университета имени
Максима Танка
г. Минск, Беларусь

Elena Putrich
PhD student at the Department of Linguistics
and linguodidactics
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Belarus
el.fendich@gmail.com

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА «ХРУПКОСТЬ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

COMMUNICATIVE POTENTIAL OF THE CONCEPT “FRAGILITY” IN A LITERARY TEXT

В данной статье делается попытка описать коммуникативный потенциал концепта «хрупкость» в романе А. Платонова «Счастливая Москва» и повести Г. Фрумкера «Неоконченная повесть о ненастоящем человеке». Учитываются лексикографические данные номината концепта. Описывается лексико-семантическое поле художественного концепта «хрупкость». Выявляется широта и разнообразие когнитивных признаков. А также проводится сравнительный анализ данных ассоциативных словарей и художественных произведений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: концепт «хрупкость»; когнитивные признаки концепта; языковая картина мира; коммуникативный потенциал; полевая структура концепта.

This article attempts to describe the communicative potential of the concept of “fragility” in A. Platonov’s novel *Happy Moscow* and G. Frumker’s short novel “The Unfinished Tale of a Fake Man”. The lexicographic data of the concept nomination are taken into account. The lexical-semantic field of the artistic concept “fragility” is described. The scope and variety of cognitive features are revealed. A comparative analysis of the data of associative dictionaries and works of fiction is also carried out.

К e y w o r d s: the concept of “fragility”; cognitive features of the concept; language picture of the world; communicative potential; field structure of the concept.

Актуальным направлением современной когнитивистики является исследование концептуальной сферы художественного текста, представляющего собой «совокупность художественных концептов» [1, с. 5]. Еще известный лингвист С. А. Аскольдов описывал художественный концепт как «концепт познания общности, концепт искусства» [2, с. 37]. Л. В. Миллер рассматривает художественный концепт как элемент национальной художественной картины мира: «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [3, с. 42]. В аспекте коммуникативной стилистики художественный концепт – это «индивидуально-авторское психическое образование», «единица сознания поэта или писателя» [4, с. 6]. Важными отличиями кон-

цепта такого типа являются «контекстуально приращенные семантические признаки» [1, с. 58], а также «образность лексической репрезентации» [5, с. 43], которую С. А. Аскольдов называет «ассоциативной запредельностью» [2, с. 91].

К особенностям художественного концепта относятся: выборочное отражение национальных духовных ценностей; представление индивидуально-авторской картины мира; психологическая сложность; индивидуальность; расплывчатость; широкие возможности реализации; актуализация новых признаков, не отраженных в лингвокультурных концептах; структурная организация на основе ассоциативных связей; художественная ассоциативность; совокупность языковых и ментальных структур художественного мира автора [2; 6]. «Процесс формирования концепта в условиях культурной и языковой среды происходит в концептуальном пространстве текста» [7, с. 42]. Именно произведения художественной литературы как совокупность художественных концептов дают представление о концептосфере автора.

Целью данной статьи является описание коммуникативного потенциала концепта «хрупкость» в романе А. Платонова «Счастливая Москва» и повести Г. Фрумкера «Неоконченная повесть о ненастоящем человеке». Представленные в лексикографических источниках значения номината концепта образуют «понятийный субстрат концепта» [8, с. 22], минимум его смыслового объема. Этот минимум «является тем ассоциатом, который связывает концепт с ядерной и ближней периферийной зонами лексического значения слова» [8, с. 23].

Многозначность лексемы *хрупкость* ('слабость', 'ломкость', 'нежность', 'легкое раскалывание', 'непрочность', 'изящность', 'болезненность', 'осторожность', 'недолговечность' [9, с. 1456]) приводит к разнообразному коммуникативному потенциалу, под которым в след за Н. С. Болотновой понимаем «закрепленную в сознании носителей языка благодаря ассоциативности мышления и имеющейся в обществе традиции употребления потенциальную способность слов прямо или косвенно соотноситься с определенными ситуациями общения, передавая «квант» знания о явлениях реального мира или сознания и определенный прагматический заряд (он может быть и нулевым)» [10, с. 65]. Проведенный анализ коллективного ассоциативного поля концепта «хрупкость», представленного в Русском ассоциативном словаре [11] и в Словаре-тезаурусе ЕВРАС [12], показал, что в русской языковой картине мира хрупкость связана с определенными ассоциациями:

- нарушаемость стабильности (*мир, крик*);
- непрочность (*хрусталь, стекло, стеклянный, фарфор, как стекло, непрочный, алмаз, как лед, мел, вещество, как хрустальный, чугуны, нож, скелет, чайник, шар, стол, стул*);
- человек (*ребенок, мальчик, девочка, парень, мой, от себя, ты какой-то*);

- изящное сложение, утонченность (*цветок, девушка, женщина, тонкий, стан, юноша, стебелек, стебель, замок, ангел, балерина, венец, лепесток, ручки, стройный, иней*);
- гибкость (*как лоза*);
- ажурность (*ажурный, не кантовать*);
- нежность (*нежный, мягкий, росток, характер, маленький, малый, мелкий, нежность*);
- ломкость (*лед, ломкий, ломающийся, ломать, ломаться, голос, веточка, как соломинка, как веточка, кость, ломкий лед, скорлупа, слом, солома, сосулька, яичная скорлупа*);
- легкость (*легкий, снег, лист, парус, пластмасса*);
- слабость (*слабый, слабость*);
- ненадежность (*дом, прозрачный, механизм, мост, нестойкость, осторожность*);
- ранимость (*ранимый, намек*);
- беспомощность (*старик, всегда, трость, теленок, ослик*);
- болезненность (*организм, хилый, больной, орган, тощий*);
- растворимость (*сахар*);
- недостижимость (*как мечта, образ, счастье, линия*);
- бережное отношение (*белый, краска*);
- нетвердость (*вязкий, каша, липкий, малотвердый, мед*);

Рассмотренные ассоциации на номинат концепта «хрупкость» достаточно разнообразны, что объясняется, во-первых, сложностью данного явления, во-вторых, многозначностью лексемы и ее взаимосвязью с реалиями окружающей действительности.

Широту и разнообразие признаков содержания концепта «хрупкость» демонстрируют произведения «Счастливая Москва» А. Платонова и «Неоконченная повесть о ненастоящем человеке» Г. Фрумкера. Нами была отобрана 121 лексема-ассоциат, иллюстрирующая когнитивные признаки концепта «хрупкость». С учетом стилистической принадлежности большинство единиц являются стилистически нейтральными (94,3 %), 2 единицы имеют помету «высок.» – *прах, покоиться* (1,6 %), разговорной является только одна лексема – *нервы* (0,8 %), среди лексем встречаются 4 грубопросторечивые единицы – *издохнуть, мучаться, ошалеть, ошалело* (3,3 %). Общеупотребительными являются 98,2 % лексических единиц, и только одна лексема *усопший* имеет помету «устар.». В свою очередь все лексические единицы используются в прямом значении.

Опишем когнитивные признаки концепта «хрупкость» в художественных текстах. В проанализированных произведениях нами было выявлено 10 признаков художественного концепта в повести Г. Фрумкера и 8 – в романе А. Платонова. В романе «Счастливая Москва» хрупкость ассоциируется с:

- патологическим состоянием (*безногий, лысеть, немой, опухнуть, хромой, ослепление, слепой, слепнуть*);

- мучительным ощущением (*болезненный, боль, больно, вопль, вопиющий, замучиться, мучение, мучимый, мучаться, мучительный, мучить, наболевший, нестерпимость, нестерпимый, трястись, удушающий*);
- наличием болезни (*болезнь, больной, болеть, гной, жар, заболевание, заболевать, заживление, безумный, заражение, исхудалый, исхудать, кровь, операция, оперированный, опухоль, сухость, тиф, эпидемический*);
- разрушением (*искрошить, разбитый, раздробить, размалывать, разрушение, разрушить, разорить, рассыпаться*);
- неустойчивостью (*погнуть, расшататься, шататься*);
- травмой (*изувеченный, оторвать*);
- слабостью, усталостью (*бессилие, измождение, изможденный, измученный, изнеможение, изнемогать, истома, истомиться, истощенный, обессиленный, ослабеть, ослабить, слабость, слабый, слабеть, усталость, усталый, устать, утомление, утомленный, утомиться, утомительно*);
- смертью (*безжизненность, издохнуть, исчахнуть, мертвец, мертвый, насмерть, неживой, окоченелый, погибать, покойник, покойный, покоиться, прах, скончаться, смерть, смертельный, смертный, труп, увядший, умереть, усопший*).

Внешнее проявление хрупкости наблюдаем в контекстах *была размята правая нога; кость была раздроблена по всему сечению; из нее вышла кровь; блестящие глаза и губы были красные от здоровья или от высокой температуры; перед смертью стал на короткое время безумным; руки высохли; пожелтела*.

Общее количество лексем, характеризующих концепт в романе А. Платонова, в 4 раза больше, чем в повести Г. Фрумкира. Но это не препятствует выявлению общих и отличительных признаков. В повести Г. Фрумкира представлены все 9 когнитивных признаков концепта: патологическое состояние (*бессонница, глуховатость, подслеповатый, пьянство*); мучительное ощущение (*боль, завизжать, подбить, прострелить*); наличие болезни (*больной, инфаркт, кровь, лихорадочно*); разрушение (*вдребезги, разбить*); неустойчивость (*пошатнуться*); травма (*вывихнуть, травма*); слабость, усталость (*вяло*); смерть (*морг*). В «Неоконченной повести о ненастоящем человеке» концепт «хрупкость» характеризуется недолговечностью (хрупкость времени), которая представлена в контексте: – *Боюсь, что временно, – проговорил он, глядя прямо в глаза*. А также потерей рассудка (*нервы, нервничать, нервно, ошалеть, ошалело*).

Учитывая частотность употребления единиц, а также их общность в описании когнитивных признаков, объединим данные лексемы в виде ядра и периферии лексико-семантического поля концепта «хрупкость». В состав ядра входят 9 лексем (7,4 %) с наибольшей частотностью и стилистической нейтральностью, обозначающие неприятное ощущение (*боль, болеть*), хрупкость человеческой жизни (*мертвый, смерть, умереть*) и болезненность (*больной, кровь, операция, слабый*).

Ближняя периферия представлена 41 лексической единицей (33,6 %), имеющей следующие значения:

- гибель человека (11 ед.): *мертвец, покойник, прах, труп, неживой, погибать, покойный, скончаться, смертный, удушающий, усопший*;
- патологическое состояние (4 ед.): *немой, слепой, хромой, слепнуть*;
- наличие заболевания (8 ед.): *безумный, заболевание, заболеть, гной, оперированный, опухоль, опухнуть, сухость*;
- мучительное ощущение (9 ед.): *больно, вопль, мучение, вопиющий, мучительный, наболевший, замучиться, изнемогать, мучаться*;
- состояние утомления (7 ед.): *измученный, истощенный, усталость, усталый, утомление, утомленный, утомиться*;
- слабость (4 ед.): *слабость, ослабеть, слабеть, ослабить*.

В состав дальней периферии входят 72 лексические единицы (59 %), характеризующие концепт «хрупкость»:

- ломкость (9 ед.): *разрушение, разбитый, искрошить, разбить, раздробить, размалывать, разрушить, рассыпаться, вдребезги*;
- прекращение существования (9 ед.): *безжизненность, морг, гибель, окоченелый, увядший, издохнуть, исчухнуть, покоиться, смертельный*;
- физический недостаток (5 ед.): *ослепление, глуховатый, подслеповатый, безногий, лысеть*;
- травма (2 ед.): *травма, изувеченный*;
- неустойчивость (3 ед.): *пошатнуться, расшататься, шататься*;
- недолговечность (1 ед.): *временно*;
- подверженность заболеваниям (13 ед.): *болезнь, бессонница, жар, заживление, заражение, инфаркт, нервы, пьянство, тиф, болезненный, эпидемический, нервничать, нервно*;
- упадок физических сил (16 ед.): *бессилие, измождение, изнеможение, истома, нестерпимость, изможденный, истомиться, исхудалый, мучимый, нестерпимый, обессиленный, исхудать, устать, утомительно, мучить, вяло*;
- реакция на боль (5 ед.): *завизжать, ошалеть, лихорадочно, ошалело, трястись*;
- действия, направленные на причинение боли (6 ед.): *вывихнуть, подбить, оторвать, погнуть, простреленный, разорить*.

Приведем сравнительный анализ репрезентаций концепта в художественных текстах и в ассоциативных словарях русского языка. Общими являются представления о хрупкости как о ломкости, болезненности и слабости, а также как о человеческом качестве. Особенностью художественного концепта «хрупкость» является его связь с концептами «смерть», «боль» и «время». Отсюда вытекают его новые когнитивные признаки: патологическое состояние, мучительное ощущение, травма, усталость, упадок физических сил, недолговечность, хрупкость человеческой жизни, потеря рассудка. В свою очередь в коллективном ассоциативном поле концепта ядерными являются ассоциации, описывающие человеческую нежность

и ранимость, внешнюю утонченность (изящное сложение, утонченность, легкость, ажурность, бережное отношение), непрочность материала (его гибкость, растворимость, нетвердость, ломкость).

Таким образом, сравнение лексикографических данных с содержанием лексико-семантического поля позволяет судить о сходстве и различии вербализованного концепта, представленного в художественных текстах и в словарных дефинициях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Огнева, Е. А.* Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста / Е. А. Огнева. – М. : Эдитус, 2013. – 282 с.
2. *Аскольдов, С. А.* Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская речь. Новая серия. Л., 1928. – Вып. 2. – С. 28–44.
3. *Миллер, Л. В.* Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория / Л. В. Миллер // Мир русского слова, 2000. – № 4. – С. 41–45.
4. *Беспалова, О. В.* Концептосфера поэзии Н. Гумилева в ее лексикографическом представлении : автореф. дис.... канд. филол. наук : 10.02.01 / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2002. – 24 с.
5. *Афанасьева, О. В.* Особенности лексической репрезентации художественного концепта (на примере концепта времени в произведении Р. М. дель Валье-Инклана «Весенняя соната») / О. В. Афанасьева // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Междунар. науч. конф., посвященная 200-летию Казан. ун-та (Казань, 4–6 октября 2004 г.) / под общ. ред. К. Р. Галиуллина. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2004. – С.43–44.
6. *Милейко Е. В., Рус-Брюшнина, И. В.* Художественный концепт как объект лингвистического исследования / Е. В. Милейко, И. В. Рус-Брюшнина / Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11–3 (65). – С. 128–130.
7. *Зайченко, С. С.* Концепт как средство реализации семиотико-синергетических особенностей организации художественного дискурса / С. С. Зайченко // Вестник Челяб. гос. ун-та. – 2014. – №6 (335). – С. 47–50.
8. *Приходько, А. Н.* Концепты и концептосистемы / А. Н. Приходько. – Днепропетровск : Белая Е. А., 2013. – 307 с.
9. Новейший большой толковый словарь русского языка / авт. и рук. проекта, гл. ред. С. А. Кузнецов. – М. ; СПб., 2008.
10. *Болотнова, Н. С.* Коммуникативно-когнитивный потенциал слова и его текстовая реализация / Н. С. Болотнова // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. – 2012. – Т. 11, № 9. – С. 51–55.
11. Русский ассоциативный словарь (РАС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://thesaurus.ru/dict/>. – Дата доступа : 15.07.2022.
12. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras>. – Дата доступа : 15.11.2022.

Поступила в редакцию 08.12.2022

Русина Юлия Николаевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории
и практики перевода № 1
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Yuliya Rusina
PhD in Philology,
Associate Professor at Translation &
Interpreting Theory and Practice Department № 1
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
jrusina@mail.ru

**СПОСОБЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
И УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ В ЗАГОЛОВКАХ ГАЗЕТНЫХ СТАТЕЙ
НА ТЕМУ КОРОНАВИРУСА**

(на материале англоязычных, русскоязычных и белорусскоязычных статей)

**METHODS OF TRANSFORMATION OF IDIOMS AND COLLOCATIONS
IN THE HEADLINES OF NEWSPAPER ARTICLES ON CORONAVIRUS**

(Based on English, Russian and Belarusian Articles)

Статья посвящена анализу способов трансформаций фразеологических единиц и устойчивых сочетаний в заголовках газетных статей на тему коронавируса. Исследование показало, что русскоязычные заголовки содержат ФЕ и УС чаще, чем англоязычные и белорусскоязычные, и в большинстве случаев они представлены в трансформированном виде. Выявлены следующие типы трансформаций: лексическая замена, добавление, усечение, семантическое преобразование и их сочетания. Самой частотной из них является лексическая замена.

К л ю ч е в ы е с л о в а: фразеологическая единица; устойчивое сочетание; трансформация; газетный заголовок; лексическая замена, добавление, усечение, семантическое преобразование.

The article is devoted to the analysis of transformation methods of idioms and collocations in the headlines of newspaper articles on coronavirus. The study shows that Russian headlines contain idioms and collocations more often than English and Belarusian ones, and in most cases they are transformed. The following types of transformations are identified: lexical substitution, addition, omission, semantic transformation and their combinations. The most frequent of them is lexical substitution.

Key words: idiom; collocation; transformation; newspaper headline; lexical substitution; addition; omission; semantic transformation.

В публицистическом дискурсе, давно ставшем актуальным объектом лингвистических исследований, особое значение имеют газетные заголовки. Именно заголовком статьи журналисты пытаются заинтересовать потенциальных читателей. Для того чтобы заголовок привлек внимание, журналисты используют различные средства: игру слов, прецедентные тексты, фразеологизмы. Именно фразеологические единицы (далее ФЕ) и различные виды устойчивых сочетаний (УС) являются объектом изучения в данной работе, цель которой – определить способы трансформаций ФЕ и УС в заголовках СМИ. Материалом являются онлайн-версии англоязычных, русскоязычных

и белорусскоязычных газетных статей на тему коронавируса, что свидетельствует о новизне предпринятого нами исследования: статьи о коронавирусной инфекции до сих пор встречаются на страницах газет, хотя им сейчас отводится не такое важное место, как это было в 2020–2021 гг.

Прежде всего поясним, что мы в своей работе понимаем под ФЕ и УС. Как известно, вопрос об объеме фразеологии до сих пор является в лингвистике дискуссионным. Мы принимаем точку зрения тех ученых А. В. Кунина, которые придерживаются широкого подхода [2, с. 77], относя «все устойчивые сочетания слов с осложненным значением», в том числе пословицы, поговорки и крылатые выражения [1, с. 26]. Что касается отдельного термина «устойчивое сочетание», то он имеет широкое содержание. Т. А. Лапаева в своей работе проводит детальный обзор существующих в лингвистике подходов к его определению [2, с. 77]. Проанализировав концепции известных языковедов, занимающихся проблемами сочетаемости лексических единиц, автор указанной работы предлагает употреблять термин «устойчивое сочетание» для «обозначения большого пласта словосочетаний, занимающих переходное положение между свободными словосочетаниями и ФЕ, к которым относим составные термины, фиксированные наименования, перифразы, словосочетания с метафорическим характером или ограниченной сочетаемостью одного из компонентов и др.». Мы добавим сюда также так называемые речевые стандарты, речевые штампы, клише. Таким образом, в своей работе мы рассматриваем как традиционные ФЕ (типа *бить баклуши*), так и УС (типа *массовые мероприятия*), которые охватывают достаточно большой перечень разнообразных сочетаний лексических единиц.

Вообще изучение ФЕ и их преобразований в различных текстах, в том числе в газетных заголовках, привлекало и продолжает привлекать внимание исследователей [3; 4; 5; 6; 7; 8]. Однако до сих пор нет четкой классификации способов трансформации ФЕ. Если одни лингвисты говорят о существовании двух или трех типов преобразований ФЕ – структурных, семантических, структурно-семантических, – каждый из которых включает в себя несколько подтипов, то другие ученые не разделяют способы трансформации ФЕ на подобные общие группы, а выделяют лишь конкретные приемы, причем, их число различается от автора к автору. Так, согласно классификации представителей первого подхода А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко, выделяются два типа преобразований ФЕ: 1) семантические и 2) структурно-семантические. К первым относят приобретение ФЕ дополнительного семантического оттенка, двойную актуализацию, буквализацию значения ФЕ и др. Вторые включают расширение состава, замену компонента, эллипсис и др. [3]. Поскольку, на наш взгляд, любые трансформации, затрагивающие структуру ФЕ, приводят к изменению семантики, не всегда возможно говорить о чисто структурных способах, как это делают некоторые лингвисты. В то же время классификация А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко, согласно которой выделяются именно структурно-семантические трансфор-

мации, а не просто структурные, кажется нам достаточно логичной. Именно ее мы и возьмем за основу, причем использовать ее положения будем как для анализа трансформаций ФЕ, так и УС.

Для проведения исследования нами были отобраны заголовки статей на тему коронавируса, содержащие в своем составе ФЕ и УС: 100 русскоязычных заголовков (онлайн-версии газет «Известия» (далее Изв.), «Правда» (далее Пр.), «АиФ», «Комсомольская правда» (далее КП), 60 англоязычных (онлайн-версии газет ‘The Guardian’ (далее G.), ‘The Times’ (далее T.), ‘The Telegraph’ (далее Tel.) и 25 белорусскоязычных заголовков (онлайн-версии газет «Рэспубліка», «Звязда» (далее Зв.), сайт БЕЛТА).

Проведенный анализ показал, что УС и ФЕ могут в заголовках **воспроизводиться дословно**, причем чаще это наблюдается на материале английского и белорусского языков: «*Kali trapiu u balyńcu i ŭbachyŭ, колькі там людзей, адразу ж адкрываюцца вочы*» (Зв., 27.05.2020) / “*There’s nothing to keep a lid on it”: is lockdown making us eccentric?* (G., 15 Nov. 2020) / ‘*Sheer fear’: mental health impacts of Covid-19 come to fore* (G., 14 Aug. 2020). В русскоязычных заголовках отсутствие трансформаций наблюдалось лишь в 4 % отобранного материала: «*Не надо полагаться на авось!*»: Мишустин призвал россиян не допустить третьей волны пандемии и быстрее сделать прививку (КП, 06.04.2021) / В Роспотребнадзоре назвали вакцинацию **ключом к победе над COVID-19** (Изв., 20.03.2021) / Ученые обнаружили **ахиллесову пяту** коронавируса (Изв., 28.01.2021) / **Коронавирусный прогноз-2021: год будет тяжелым, но появился свет в конце тоннеля** (КП, 14.01.2021).

Выявленные трансформации и количественные данные об их частоте представлены в таблице.

Т а б л и ц а

Виды трансформаций ФЕ и УС в заголовках статей

Вид трансформации	Русскоязыч. заголовки	Англоязыч. заголовки	Белорусскоязыч. заголовки
лексическая замена, основанная на звуковом сходстве	48 (48 %)	1 (1,7 %)	–
лексическая замена	28 (28 %)	–	4 (16 %)
семантическая трансформация (буквализация или двойная актуализация)	8 (8 %)	4 (6,6 %)	2 (8 %)
без изменений (дословно)	4 (4 %)	47 (78,3 %)	17 (68 %)
усечение	4 (4 %)	1 (1,7 %)	1 (4 %)
добавление	3 (3 %)	5 (8,3 %)	1 (4 %)
замена с усечением	2 (2 %)	1 (1,7 %)	–
графическое преобразование	2 (2 %)	–	–
замена с графич. преобразованием	1 (1 %)	–	–
добавление с усечением	–	1 (1,7 %)	–
Всего	100	60	25

Как видим из таблицы, наибольшее разнообразие трансформаций наблюдается в русскоязычных заголовках, хотя их частотность различна. В подавляющем большинстве заголовков (76 %) наблюдается лексическая замена, остальные виды трансформаций обнаружены лишь в единичных случаях. Проиллюстрируем использование трансформаций на примерах.

- **Замена, основанная на звуковом сходстве:** подбирается слово, созвучное с тем или иным компонентом ФЕ или УС и связанное с содержанием статьи:

Решающая игла: как будет проходить вакцинация в мире (Изв., 11.12.2020). Использованное в данном заголовке УС *решающая игра* имеет значение 'нечто важнейшее, то, что определяет дальнейшее развитие событий'. На момент написания статьи решение вопросов, связанных с вакцинацией, было очень важным. Замена компонента, основанная на звуковом сходстве слов *игра* и *игла*, оставляет данное УС узнаваемым, добавляя новые оттенки значения.

Турное предчувствие: покроет ли страховка в агентстве лечение COVID-19 в Турции (Изв., 03.08.2020). В данном заголовке УС *дурное предчувствие*, имеющее значение 'чувство тревоги, ожидания, что может произойти что-то плохое', также трансформируется при помощи изменения звуковой оболочки компонента. Однако общее значение данного выражения не исчезает, в результате чего читатель по данному заголовку может понять, что поездки в другие страны в период пандемии ничего хорошего не принесут.

Еще примеры: **Ковидное упорство:** число заразившихся растет, но смертность снижается (Изв., 06.12.2020) / **Наградить от бед:** появятся ли преференции за прививку от ковида (Изв., 15.01.2021) / **Органичный контроль:** почему Британия оставляет свои границы открытыми (Изв., 10.08.2020) / **Пожизненное злключение:** COVID-19 может стать хронической болезнью (Изв., 11.03.2020) / **Масковые мероприятия:** ограничения из-за COVID-19 становятся всё более масштабными (Изв., 11.03.2020) / **Очная вставка:** откуда в SARS-CoV-2 фрагмент человеческого гена (Изв., 29.07.2020) / **Кривое пике:** ВОЗ проведет работу над ошибками в борьбе с COVID (Изв., 20.05.2020) / **Гуманный Альбион:** как британцы выходят из самоизоляции (Изв., 01.06.2020) / **Примеры предосторожности:** закроются ли торговые центры в Москве (Изв., 15.11.2020) / **Ковиданное зрелище:** выход на плато передвинули к середине зимы (Изв., 13.11.2020).

В англоязычных заголовках был найден лишь один пример такой трансформации: *The Guardian view on hair salons reopening: **hair today, gone tomorrow*** (G., 11 Apr. 2021) (<here today, gone tomorrow).

- **Лексическая замена компонента (без звукового сходства)** (тж. встречается термин «субституция»):

Батюшки быстрого реагирования: московские священники, рискуя жизнью, причащают больных ковидом (КП, 06.12.2020). В данном заголовке наблюдается замена компонента в устойчивом выражении-термине *силы быстрого реагирования* ('часть вооруженных сил, нацеленная на решение внезапно возникающих задач'). Точно так же и московским священникам приходится решать новые, внезапно возникшие задачи.

Игла Купидона: прививка от COVID-19 стала предлогом для свиданий (Изв., 24.01.2021). Здесь трансформируется ФЕ *стрела Купидона*. Согласно мифу, человек, пораженный стрелой, сразу же влюбляется. В статье говорится о том, что в профилях пользователей сервисов онлайн-знакомств все чаще упоминается факт прохождения вакцинации от COVID-19 или факт наличия антител. Так, люди пытаются повысить свою привлекательность в виртуальной реальности и дать предлог для встречи: сделана прививка или есть антитела – можете смело влюбляться и быть любимыми.

Еще примеры: **Болезненный отбор:** ученые просчитали, с кого начать вакцинацию от COVID-19 (Изв., 24.12.2020) / **Роботы в белых халатах:** машины могут заменить медиков в ковидных зонах (Изв., 12.11.2020) / **Ковид-контроль:** на дискотеку пустят по QR-коду (Изв., 15.10.2020) / **Вирус замедленного действия:** станет ли Африка новым очагом эпидемии (Изв., 08.07.2020) / **«Бейджики раздора»** (Изв., 14.01.2021) / **Эффект маски** (Зв., 20.11.20) / **Гульні падчас «чумы».** Чаму Алімпіяду ў Токіа ахрысцілі самай скандальнай? (Зв., 31.07.2021).

На наш взгляд, замена лексического компонента практически всегда сочетается с семантической трансформацией, так как появляется единица с новым семантическим ядром, с новыми оттенками значения.

• **Добавление нового компонента** (тж. «расширение компонентного состава», «вклинивание компонентов») в той или иной степени усиливает или уточняет значение ФЕ или УС, способствует появлению нового оттенка значения. Этот вид трансформации чаще наблюдался в англоязычных заголовках: *From hotel to pizza shop to lockdown: has South Australia learned Victoria's Covid tracing lessons?* (G., 18 Nov. 2020). Обычно в английском языке используется ФЕ *to learn one's lesson* со значением 'получить, извлечь хороший урок'. В данном случае трансформация представляет собой добавление компонента, обозначающего, со стороны кого получен урок (*Victoria* – штат Виктория) и какой именно (*Covid tracing*).

Еще примеры: *Letting teachers jump the vaccine queue would be a costly mistake* (Tel., 25 Jan. 2021) / *Cancer patients to pay heavy price for checks lost to coronavirus lockdown* (T., 15 Aug. 2020) / *On the Covid frontline: our vaccine programme has been put on hold* (T., 11 Jan. 2021) / *Sunak is so desperate to be Prime Minister that he has decided to rewrite Covid history* (G., 26 Aug. 2022) / **СААЗ: няроўнасць у размеркаванні вакцын з'яўляецца плямай на калектыўным сумленні** (БЕЛТА, 14.09.2021).

- **Усечение** (тж. «опущение», «сокращение», «редукция», «эллипсис»):

Сор из избы (Пр., 26.11.2020). В заголовке наблюдается усечение ФЕ *выносить сор из избы*, имеющей значение ‘разглашать неприятности, ссоры, касающиеся только узкого круга лиц’. Суть статьи: медики одной из больниц Свердловской области обнародовали тот факт, что руководство не начисляет обещанную доплату за работу с ковидными больными.

Еще примеры: **Третье пришествие**: *накроет ли очередная волна Европы* (Изв., 01.03.2021) / *Any Covid inquiry must help us ‘fix the roof’ before the next pandemic hits* (G., 18 March, 2021) (<fix the roof while the sun is shining) / *Зубы на палицу. Чаму разгарнуўся глабальны дэфіцыт?* (Зв., 24.10.2021).

- В англоязычном материале был обнаружен пример усечения с добавлением частицы *no* (т.е. наблюдается переход утвердительной формы в отрицательную): *‘No light at the end’: How Hong Kong’s Covid response went so wrong* (G., 18 Feb. 2022).

- **Замена в сочетании с усечением:**

Не БАДом единым: *COVID-19 вдвое поднял продажи витаминов* (Изв., 22.10.2020) / **Деньги на вирус**: *мошенники торгуют поддельными справками об отсутствии COVID-19* (Изв., 11.10.2020). В англоязычном материале был обнаружен следующий пример: *London’s cafe culture has left a sour taste for stressed residents* (G., 14 Aug. 2021) (<leave a bad/nasty taste in the mouth). Стоит отметить, что именно такая замена в данной ФЕ встречается очень часто. Эта ФЕ с компонентом *sour* даже зафиксирована в онлайн-словаре ‘The Free Dictionary’, хотя в более авторитетных лексикографических источниках она идет с компонентами *bad/nasty*.

- **Семантические преобразования:**

Что касается чисто семантических преобразований, то самыми частыми, по мнению многих исследователей, являются двойная актуализация и буквализация. Под двойной актуализацией понимают совмещение образного и буквального значения в одном контексте [6, с. 110]. При буквализации же прямое значение сочетания не только актуализируется, но и выступает на первый план [6, с. 100].

Так, двойная актуализация наблюдается в следующих заголовках: **Мировой подарок**: *РФ передала за рубеж более миллиона тестов на COVID-19* (Изв., 14.11.2020). Обыгрываются прямое значение слова *мировой* ‘распространяющийся на весь мир, имеющий значение для всего мира’ и переносное разговорное значение ‘отличный, прекрасный’. **Подставили плечо**. *Как москвичи внесли вклад в коллективный иммунитет* (АиФ, 07.04.2021). Обыгрываются образное значение ‘прийти на помощь в трудную минуту’ и буквальное значение (в статье говорится о том, как москвичи проходят вакцинацию, а прививка делается именно в плечо).

В качестве примера заголовка с буквализацией можно привести следующий: **«Хочу подарить им тепло!»**: *81-летняя сибирячка вяжет варежки для медиков ковидного госпиталя* (КП, 08.12.2020). Выражение

дарить тепло означает ‘делать что-то хорошее другим людям, делать добрые дела’. В контексте обыгрывается буквальное значение данного УС: бабушка вяжет теплые вещи для медиков.

Еще примеры: *Hands off! Why statement gloves are having a fashion moment. Billie Eilish and Beyoncé among celebrities to have embraced latest pandemic-inspired trend* (G., 19 March, 2021) / *Captain Van-Tam manned the bridge over troubled water – and gave us an extraordinary plot twist* (Tel., 07 Apr., 2021) (введение сочетания *to man the bridge* актуализирует прямое значение ФЕ *troubled water*) / *«Карона» цісне. Як пандемія расхістала сусветную эканоміку?* (Зв., 29.05.2021) / *На адным дыханні. Што адбываецца ў пульманалагічным аддзяленні, дзе лечаць хворых на COVID-19* (Зв., 02.08.2021).

• **Графическое изменение:** *След веСоV: анализ комнатной пыли предскажет вспышки эпидемии* (Изв., 27.01.2021) / *Правила без опасности: почему ВОЗ не признает «вторую волну»* (Изв., 10.08.2020).

• **Замена с графическим изменением:** *Экстренное ВОЗвещение: источник COVID-19 может быть так и не определен* (Изв., 30.03.2021).

Итак, проведенный нами анализ на материале трех языков показал, что заголовки статей на тему коронавируса могут содержать в своем составе ФЕ и УС, в которых выявляются различные типы трансформаций: лексическая замена, добавление, усечение, семантическое преобразование, графическое изменение и их сочетания. Наибольшая частотность использования заголовков с ФЕ и УС и разнообразие их преобразований наблюдаются в российских газетах. Такие заголовки обладают высокой степенью экспрессивности и оценочности и, несомненно, привлекают внимание читателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кунин, А. В.* Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. В. Кунин. – 2-е изд., перераб. – М. : Высш. шк., Дубна: Феникс, 1996. – 381 с.
2. *Лапаева, Т. А.* Устойчивые сочетания в системе языковых единиц / Т.А. Лапаева // Вестник НовГУ. – 2007. – № 44. – С. 75–77.
3. *Мелерович, А. М.* Фразеологизмы в русской речи / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко // М. : Русские словари, Астрель, 2005. – 864 с.
4. *Абдуллина, А. Р.* Контекстуальные трансформации фразеологических единиц в английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А. Р. Абдуллина ; Казанский гос. ун-т. – Казань, 2007. – 21 с.
5. *Зеленов, А. Н.* Фразеологизм в роли газетного заголовка: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. Н. Зеленов ; Новгород. гос. ун-т, 2009. – 21 с.
6. *Куклина, И. Н.* Явления фразеологизации и дефразеологизации в языке современной прессы : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. Н. Куклина. – М., 2006. – 251 л.

7. Кугультинова, Н-Г. С. Трансформация фразеологизмов в газетных текстах (на примере газеты «Известия Калмыкии») / Н-Г. С. Кугультинова // Вест. КалмГУ. – 2018. – № 1 (37). – С. 83–90.

8. Саютина, Н. В. Трансформация фразеологизмов: общее и национально-характерное в русских и немецких публицистических текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. В. Саютина ; Саратовский гос. ун-т. – Саратов, 2012. – 23 с.

Поступила в редакцию 19.12.2022

Святошик Марина Игоревна
аспирант кафедры теории и практики
китайского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Marina Svyatoshchik
PhD Student of the Department
of Theory and Practice
of the Chinese Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
svyatoshchikm@mail.ru

О КОНВЕРТАЦИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ЧАСТИ ЯЗЫКА

ABOUT CONVERTING PARTS OF SPEECH INTO PARTS OF LANGUAGE

Статья посвящена конвертации частей речи в части языка (категории китайско-японской лингвистической традиции). В статье демонстрируется семантическое преобразование русских лексических единиц предметной области историко-культурного наследия Республики Беларусь в соответствии с предложенной системой (тайгенов и ёгенов) в ручном режиме. Рассматриваются конкретные приемы и методы конвертации. Подтверждается перспективность электронного словаря частей языка, демонстрируются его фрагменты.

Ключевые слова: конвертация; части речи; части языка; лексическая разметка; предметная область; историко-культурное наследие; тайген; ёген.

The article is devoted to the conversion of parts of speech into parts of language (categories of the Sino-Japanese linguistic tradition). It demonstrates the semantic transformation of Russian lexical units of the subject area of the historical and cultural heritage of the Republic of Belarus in accordance with the proposed system (taigens and yogens) in manual mode. Specific conversion techniques and methods are considered. The prospects of the electronic dictionary of parts of the language are confirmed, its fragments are demonstrated.

Keywords: conversion; parts of speech; parts of language; lexical markup; subject area; historical and cultural heritage; taigen; yogen.

Идеи возникновения концепций частей речи уходят своими корнями в глубокую древность. Ученые Александрийской школы (например, Дионисий Фракийский) зафиксировали наличие восьми частей речи для древнегреческого языка: имя, глагол, артикль, причастие, наречие, местоимение, предлог, союз. Учение о восьми частях речи содержалось в первых грамматиках церковнославянского языка XVI–XVII вв. В работах Ломоносова также рассматривались восемь частей речи, что соответствовало латинскому варианту, но в своей «Грамматике» Ломоносов, в отличие от ученых древности, разграничил знаменательные и служебные части речи на две категории. Знаменательные части речи указывают на предмет, явления, факты реального мира, то есть выполняют номинативную роль. Служебные части речи включают слова, которые не называют ни предметов, ни признаков, а обозначают лишь отношения между ними. В русском языкознании известный отход от античных схем грамматических воззрений начинается в XIX веке с грамматики А. Х. Востокова, в которой причастие как

часть речи было заменено прилагательным. Г. П. Павский и Ф. И. Буслаев ввели имя числительное. Последними, уже в XIX веке, в структуре частей речи были введены частицы [1].

«Частями речи называются слова, выделяемые в некоторые классы по форме, значению и функции» [1]. Особая роль в этом определении отводится форме... Если следовать рассматриваемому определению, то можно сказать, что в китайском языке части речи отсутствуют, так как в нем нет ни склонения существительных, ни спряжения глаголов и т. п. Не удивительно поэтому, что «проблема частей речи обсуждалась 50 лет и это обсуждение не принесло никаких результатов...» [1].

Если ремонт – существительное, тогда как объяснить синтаксис сочетания ремонт автомашин? Известно, что в русском языке имена согласуются в роде, числе и падеже, здесь же одно имя ремонт, словно глагол, управляет другим именем автомашин. С точки зрения частей речи это досадное исключение, «языковой парадокс», а с точки зрения частей языка – стандартный синтаксис, ибо ёгенам вне зависимости от их морфологии свойственно сочетаться с тайгенами. Новая теория тогда чего-либо стоит, если она выясняет все, что выясняла старая, а также то, что старая выяснить не могла. Со времен атомистов парадигма в физике менялась много раз, лингвистика же никак не справится с противоречиями в греко-римских частях речи. Если последовательно применять семантический критерий в разграничении элементов языковой системы и строго следовать правилам вывода, то неизбежно возникает понимание частей языка как подмножеств языковой системы, элементами которых являются знаки с общим предельно абстрактным значением, а именно: обозначающие индивидов в модели мира тайгены и признаки индивидов ёгены. Здесь мы не открываем ничего нового, лишь, выражаясь словами Конфуция, “возрождаем утраченное” [2, с. 17].

В традиционном учении о частях речи присутствует ряд противоречий, которые вызывают у ученых, в течении всей истории развития лингвистики, сомнения в его научной достоверности. «Например: наряду с существительными, прилагательными, глаголами и наречиями, обозначающими, соответственно, предметы, признаки предметов, процессы и признаки процессов, в самостоятельные части речи выделены местоимения и числительные, которые по содержанию являются разновидностями существительных (*он, это, восемь*) или прилагательных (*его, этот, восьмой*). Слово *столовая* (место приема пищи) вопреки морфологии считается существительным, в то же время среди существительных оказывается и слово *бег* с глагольной семантикой. К междометиям относят слова, выражающие, но не называющие эмоции и волеизъявления. Вместе с тем, во фразе: «*А девица хи-хи-хи да ха-ха-ха!*» слова *хи-хи-хи* и *ха-ха-ха* рассматриваются как междометия, хотя они обозначают процесс и играют роль сказуемого» [3, с. 174]. К сожалению, избежать противоречий в рамках греко-латинской классификации невозможно, поскольку между синтаксисом, морфологией и семантикой не однозначного соответствия. Решить данную проблему призвана парадигма частей языка [4, с. 44], восходящая к китайско-японской лингвистической

традиции [5]. С исходными понятиями и описанием тайгенов и ёгенов можно ознакомиться подробнее в работе А. Н. Гордея: «Парадигма частей языка» [3, с. 176].

Рис. 1. Графическая репрезентация тайгенов.

Рис. 2. Графическая репрезентация ёгенов.

Целью нашей работы является преобразование частей речи в части языка и создание словаря частей языка. Нами были взяты фрагменты текстов из истории культурного наследия Республики Беларусь, которые мы разбили на сегменты (слова) и представили в виде словаря. В словаре разграничиваются категориальные признаки в соответствии с парадигмой частей языка А. Н. Гордея, представленной на рисунке 1 и 2.

Например, слово «*богатое*» в терминах частей речи рассматривается как – прилагательное, в терминах частей языка как – ёген (свернутый – сокращенный – физический – постоянный – 2-й положительной степени – многоместный – интенсивный – нарицательный – качественный – произвольный – относительный – повествовательный).

Рассмотрим слово «*археологическое*». В терминах частей речи рассматривается как – прилагательное, в терминах частей языка как – ёген (развернутый – сокращенный – физический – постоянный – 1-й степени – многоместный – интенсивный – нарицательный – качественный – произвольный – относительный – повествовательный).

В терминах частей языка слово: «*культурный*» – ёген (свернутый – сокращенный – информационный – постоянный – 2-й положительной степени – многоместный – интенсивный – повествовательный – нарицательный – качественный – произвольный – относительный).

Например, также слово «*историко-культурный*» – ёген (развернутый – составной – информационный – постоянный – 1 степени – интенсивный – повествовательный – нарицательный – качественный – произвольный – относительный).

В терминах частей речи «*бег*» – существительное, в терминах частей языка – ёген (свернутый – сокращенный – физический – постоянный – 1-й степени – повествовательный – нарицательный – качественный – произвольный – относительный).

	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L
1	Лексема	Ошибка	ЗАС	Тайген	Ёген	Развернутый	Свернутый	Составной	Сложный	Сокращенный	Сжатый	Информационный
2	культурный				1		1			1		1
3	культурного				1		1			1		1
4	культурному				1		1			1		1
5	культурным				1		1			1		1
6	культурном				1		1			1		1
7	культурная				1		1			1		1
8	культурной				1		1			1		1
9	культурную				1		1			1		1
10	культурною				1		1			1		1
11	культурное				1		1			1		1
12	культурные				1		1			1		1
13	культурных				1		1			1		1
14	культурными				1		1			1		1
15	культурен				1		1			1		1
16	культурна				1		1			1		1
17	культурно				1		1			1		1
18	культурны				1		1			1		1
19	культурные				1		1			1		1

Рис. 3. Представление ёгенов в словаре частей языка.

Тайгены в словаре представлены аналогичным образом. Например, в терминах частей речи «*родословная*» – существительное, в терминах частей языка – тайген (развернутый – сложный – информационный – постоянный – нарицательный – качественный – многоместный – интенсивный).

Например, также слово «*злотый*» – существительное, в терминах частей языка – тайген (свернутый – сокращенный – сжатый – физический – постоянный – 1 степени – нарицательный – качественный – повествовательный).

В терминах частей языка слово: «*подлежащее*» – тайген (свернутый – сокращенный – физический – переменный – одноместный – интенсивный – повествовательный), а в терминах частей речи – существительное.

1	Лексема	Ошибка	ЗАС	Тайген	Еген	Развернутый	Свернутый	Составной	Сложный	Сокращенный	Сжатый	Информационный
18926	биографические				1	1			1			1
18927	биографических				1	1			1			1
18928	биографическими				1	1			1			1
18929												
18930	родословная			1		1			1			1
18931	родословной			1		1			1			1
18932	родословную			1		1			1			1
18933	родословною			1		1			1			1
18934	родословные			1		1			1			1
18935	родословных			1		1			1			1
18936	родословным			1		1			1			1
18937	родословными			1		1			1			1

Рис. 4. Представление тайгенов в словаре частей языка.

«Парадигмы частей языка достаточно для переписывания основ китайского синтаксиса [6, с. 22]. Перспективность ее для английского и русского языков также не вызывает сомнений, потому что путем бесконечного членения множества тайгенов и множества ёгенов на подмножества и подмножества подмножеств достигается любой уровень дискретности в репрезентации языковых единиц» [3, с. 175].

Данный словарь является контекстно-свободным и применим для любого нетерминала, т.е. объекта, обозначающего какую-либо сущность языка (например, – формулы арифметического выражения, команды), причем, независимо от контекста этого нетерминала. Любой контекст проходит стадию лемматизации и теггирования.

Теггирование – маркировка, нанесение тегов на поверхность предложения. Тег – метка, которая размечает информацию и позволяет облегчить процесс поиска необходимой информации. Например, слову *лектор* присваивается тег: тайген, свернутый, сокращенный, переменный, многоместный, интенсивный, качественный, относительный. Одному знаку также могут принадлежать разные теги: *коса* (девичья), *коса* (инструмент для покоса травы и т.д.); *он* – для обозначения как живых индивидов, так и неживых и т.д.

Решить проблему омонимии на синтаксическом уровне признан парсер. Парсер – это программное обеспечение (ПО), выделяющее определенные части информации из массива данных по определенным правилам.

После теггирования, с опорой на словарь А. А. Зализняка, нами составляются парадигмы для каждой части языка и выделяются леммы. Лемма – первоначальная словарная форма слова [7]. Лемматизация (англ. *lemmatization*) – метод морфологического анализа, который сводится к приведению словоформы к ее первоначальной словарной форме (лемме).

В результате лемматизации от словоформы отбрасываются флективные окончания и возвращается основная или словарная форма слова. Например, в русском языке словарной формой для существительного считается именительный падеж, единственное число (*мечами – меч*); для глагола – инфинитивная форма (*читали – читать*); для прилагательного – единственное число, именительный падеж, мужской род (*заснеженными – заснеженный*) [8].

Тайгены в именительном падеже в единственном и множественном числе рассматриваются как разные леммы, а ёгены во множественном числе – варианты одной леммы.

«Необходимо отметить, что семантическая категория количества не имеет своим прямым коррелятом морфологическую категорию числа. Во-первых, не все греко-латинские части речи имеют парадигму единственного и множественного числа. Во-вторых, для некоторых частей речи категория числа оказывается не связанной с их семантикой (знак *белые* имеет форму множественного числа, однако обозначает только одно свойство индивидов, знак *пестрый* имеет форму единственного числа, но обозначает некоторую совокупность свойств; *умерли* – единократный процесс, несмотря на морфологическую форму множественного числа, *стучал* – многократный процесс, несмотря на единичность участвующего в нем индивида), и для того, чтобы описать количественность обозначаемых данными частями речи явлений, требуется введение дополнительных категорий: итеративность или фреквентативность для глаголов [9, с. 450–451]. В-третьих, даже для частей языка, которые обозначают индивидов, а не их признаки, морфологическая категория числа не всегда верно отражает количественный характер этих индивидов: знак *Афины* имеет форму множественного числа, однако обозначает один индивид, в то время как знак *толпа*, имеющий форму единственного числа, служит для обозначения множества, некоторой совокупности индивидов. Таким образом, применение морфологической категории числа в анализе языка весьма ограничено и даже в рамках этой ограниченной области не всегда дает однозначные результаты относительно отражения идеи единичности/множественности в языке.

«Для обозначения категорий языка, соответствующих категории количества в модели мира, мы будем придерживаться терминологии А. Н. Гордея [3, с. 174] и вслед за ним выделять одноместные, то есть обозначающие один индивид или один признак индивида, и множественные, то есть обозначающие множество индивидов или множество признаков индивидов, части языка» [10, с. 96–97]. Тогда *Афины* – одноместный тайген, *толпа* – множественный тайген; *белые*, *стукнули* – одноместные ёгены, а *пестрый*, *стучал* – множественные ёгены.

«Для одноместных и множественных, интенсивных и экстенсивных частей языка пока были приведены лишь декларативные и интуитивные определения, которых недостаточно для полного «количественного» анализа языка. Необходимо дать процедуральные определения, которые, во-первых, помогут формализовать количественный аспект языка, а во-вторых, позволят

с помощью установленных процедур однозначно разграничить части языка в сложных случаях». Эти определения и процедуры были даны и установлены А. Н. Гордеем. Прежде всего сформулируем вышеприведенные определения, используя математическую терминологию. Итак, одноместные части языка обозначают множество с числом индивидов равным одному, или мощностью один; многоместные части языка обозначают множество с числом индивидов больше одного, или мощностью больше единицы. Тогда процедуральные определения будут звучать следующим образом. Одноместные – части языка, обозначающие целое множество, многоместные – части языка, обозначающие целое множество и его некоторую часть. Интенсивные тайгены и ёгены обозначают целое множество и его некоторую часть, представленную собственным подмножеством с числом индивидов больше одного, экстенсивные же тайгены и ёгены называют целое множество и его некоторую часть, представленную группой подмножеств с числом индивидов больше либо равно одному [3, с. 178–179].

Процедура конвертации частей речи в части языка помогает устанавливать одно-однозначное соответствие между синтаксическим и семантическим анализом предложения.

Создание электронного словаря и ручная лексическая разметка тестов предметной области историко-культурного наследия Беларуси в семантических категориях частей языка (субстантивах-тайгенах и предикативах-ёгенах) являются обязательным предварительным этапом для построения алгоритмов машинного обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Методика изучения частей речи [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа : <https://ik-ptz.ru/dictations-on-the-russian-language-grade-5/metodika-izucheniya-chastei-rechi-referat-istoriya-izucheniya-chastei.html>. – Дата доступа : 22.04.22.
2. Гордей, А. Н. Semantic Categories in the Sino-Japanese Linguistic Tradition / А. Н. Гордей // Иностранные языки в высшей школе : научный журнал. – 2018. – № 4 . – С. 7–22.
3. Гордей, А. Н. Парадигма частей языка / А. Н. Гордей // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках : материалы VIII Междунар. науч. конф., Гродно, 15–16 апр. 2003 г. / Гродн. гос. ун-т ; отв. ред.: С. А. Емельянова [и др.]. – Гродно, 2003. – С. 173–179.
4. Заде, Л. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию решений. – М. : Мир, 1976. – С. 167.
5. Цзин, Чжаоцзы. Исследование грамматики национального языка. – Шанхай : Языки и языкознание, 1955. – С. 199.

6. *Задоевко, Т. П., Хуан Шуин.* Учебник китайского языка. М. : Цитадель, 2002. – С. 79.
7. Автоматическая обработка текстов на естественном языке и анализ данных: учеб. пособие / Е. И. Большакова [и др.]. – М.: НИУ ВШЭ, 2017.
8. Лемматизация. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://promopult.ru/library/> / Лемматизация. – Дата доступа : 22.04.2022.
9. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. М., 1988.
10. *Руденко, Н. И.* Языковые категории интенсивности и экстенсивности в процедуральном представлении / Н. И. Руденко // Весн. Бел. дзярж. ун-та. Сер. 4, Філ. Журн. Пед. – 2006. – № 2. – С. 94–100

Поступила в редакцию 09.12.2022

Шестакова Евгения Владимировна
аспирант кафедры славянских языков
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Evgeniya Shestakova
PhD Student of the Department
of Slavic Languages
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
yeshestakova7@gmail.com

ТИПЫ ОЦЕНОЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

EVALUATIVE MEANING TYPES IN RUSSIAN DIPLOMATIC DISCOURSE

Статья посвящена исследованию типов оценочных значений в дипломатическом дискурсе на материале русского языка. В качестве критерия выделения типов оценочных значений принимается параметр – основание оценки. Анализ языковых единиц позволяет установить типы оценочных значений с учетом широкого контекста и классифицировать выявленные оценочные единицы.

Ключевые слова: оценка; эмотивность; основание оценки; шкала оценок; институциональный дискурс; дипломатический дискурс

The article deals with the types of evaluative meaning in the diplomatic discourse on the material of the Russian language. The semantic basis of evaluation is taken as a criterion for differentiating the types of evaluative meaning. The analysis of language units makes it possible to establish the types of evaluative meaning taking into account the broad context and to classify the identified evaluative units based on the distinguished meaning types.

Key words: evaluation; emotiveness; semantic basis of evaluation; evaluation scale; institutional discourse; diplomatic discourse

Оценка как семантическое понятие представляет собой ценностное отношение субъекта к объектам окружающей действительности. Оценка зависит прежде всего от субъекта, является выражением мнений и вкусов, которые различны у разных людей. Зачастую оценка связывается с проявлением эмоций и приравнивается к эмотивности, однако представляется важным разграничивать данные понятия. Эмотивность – семантическое свойство выражения эмоциональности как факта психики [1, с. 24]. Но оценочное значение связано не только с эмоциональным фактором, оно может включать этические, эстетические, интеллектуальные, нормативные, утилитарные и другие компоненты, при этом эмоциональная сторона может отступать на второй план, в связи с чем термин *эмотивность* представляется недостаточно широким для описания отношения субъекта к действительности и в данном отношении уступает место термину *оценка*. Оценка является одной из форм отражения действительности и трактуется как широкая категориально-семантическая закономерность [2, с. 52–61].

Оценка как комплексный языковой феномен исследуется в различных аспектах, одним из которых является вопрос классификации оценочных единиц. Классификация единиц может осуществляться по типу оценочного

знака (положительная/отрицательная оценка), по количеству объектов оценки (абсолютная/сравнительная оценка), по характеру взаимодействия дескрипции и оценки в семантике слов (функциональная/прагматическая/коннотативная оценка), по наличию или отсутствию эмотивного компонента в значении слова (эмоциональная/рациональная оценка), однако в основе большинства классификаций лежат различия в основании оценки. Под *основанием* оценки понимается тот признак, с точки зрения которого производится оценивание объекта [3, с. 27]. Основанием оценки объекта может выступать его важность/неважность, удобство/неудобство, польза/вред, вызываемая объектом эмоция и целый ряд других параметров. Основание считается наиболее общей и существенной стороной оценки, так как им определяется *шкала* оценок – важный элемент структуры оценки, выражающий содержание и степень определенного признака [4, с. 39–40; 5, с. 48].

Особенностью большинства существующих классификаций оценочных единиц является то, что в основу их построения ложатся единицы языка, относимые к тому или иному типу на основании исключительно лексикографических данных. Представляется актуальным исследование типов оценочных значений в дискурсе, что позволит получить полное представление о характере оценочных единиц с учетом широкого контекста.

В данной статье оценочные единицы анализируются в дипломатическом типе институционального дискурса. Институциональный дискурс понимается как вид коммуникации, реализуемый в рамках определенного общественного института [6, с. 195]. Дипломатический дискурс как отдельный вид институциональной коммуникации, связанный с институтом дипломатии, имеет определенные языковые и речевые ограничения, носит клишированный и относительно закрытый характер, что, однако, не делает его свободным от оценочных единиц.

Материалом нашего исследования послужили тексты 48 выступлений официальных представителей Республики Беларусь на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН на русском языке за период с 2017 по 2020 годы (полные тексты выступлений представлены в Системе официальной документации ООН [7]). В данной статье анализируются лексические средства выражения оценки по качественным признакам, а именно имена прилагательные – единицы, обладающие наиболее широким оценочным потенциалом. Как отмечал А. Н. Шрамм, именно прилагательные обладают целым рядом ассоциативных сем, на основе которых формируются переносные значения в многозначных прилагательных, для которых характерны разнообразная сочетаемость и наличие оценочного компонента [8, с. 25]. В исследуемом материале было выявлено 485 оценочных прилагательных, оценочность которых устанавливалась методами дефиниционного [9; 10] и контекстологического анализа. При описании типов оценочных значений за основу нами был взят принцип выделения общей и частной оценки, подробно описанный Н. Д. Арутюновой [11, с. 75–77], и в ходе анализа возникла необходимость модифицировать ряд предлагаемых частнооценочных значений с учетом особенностей дипломатического дискурса.

Анализ текстов выступлений показал, что в дипломатическом дискурсе обнаруживаются прилагательные общей оценки *хороший, плохой*, а также их синонимы с различными экспрессивными оттенками, нередко сопровождающиеся оценкой интенсивности (*оптимальный, позитивный, положительный, прекрасный; вопиющий, негативный, отрицательный*) (30 выявленных единиц, 6,2 % от общего числа прилагательных). Общая оценка дается по совокупности различных свойств объекта: *МАГАТЭ, на наш взгляд, удалось достичь позитивных результатов во всех трех основных областях деятельности (А/72/PV.46); Такое положение вещей <...> несет в себе встречный отрицательный эффект для самих жителей Соединенных Штатов Америки (А/72/PV.39).*

Частные оценки выделяются по основанию и по тому, какие объекты они могут квалифицировать. В классификации Н. Д. Арутюновой частные оценки распределяются по трем группам: 1) сенсорные, характеризующие больше вкусы субъекта оценки, чем сам объект; 2) сублимированные, связанные с духовным началом человека; 3) рационалистические, связанные с практическими интересами человека. В группу сенсорных оценок входят сенсорно-вкусовые (*приятный, непривлекательный*) и психологические оценки; последние, в свою очередь, подразделяются на интеллектуальные (*умный, скучный*) и эмоциональные (*радостный, грустный*). В группу сублимированных входят эстетические (*прекрасный, уродливый*) и этические (*моральный, безнравственный*) оценки. Группа рационалистических оценок включает утилитарные (*полезный, вредный*), нормативные (*правильный, некорректный*) и телеологические (*эффективный, нецелесообразный*) оценки [11, с. 75–77].

В ходе анализа текстов выступлений было установлено, что для дипломатического дискурса характерно практически полное отсутствие сенсорно-вкусовых оценок, связанных с восприятием признаков органами чувств (*вкусный, душистый*). Такие оценки основываются преимущественно на физическом опыте и не мотивируются, а характер дипломатического дискурса предполагает мотивированное оценивание объектов по ряду оснований. Не обнаруживаются и эстетические оценки, связанные с «удовлетворением чувства прекрасного» (*прекрасный, безобразный*) [11, с. 76], что объясняется целью дипломатического дискурса – давать оценку действиям, событиям, лицам с точки зрения их важности, эффективности, пользы и иных параметров, а не с опорой на эстетическую сторону объекта.

С учетом отсутствия указанных типов значений в исследуемом типе дискурса и наличия оснований для оценочных значений, не выделенных в существующей классификации, в нашей работе предпринимается попытка распределить частнооценочные единицы дипломатического дискурса по двум группам следующим образом.

1. Психологические оценки:

а) интеллектуальные оценки, обозначающие оценку предмета с точки зрения его отношения к разуму, сознанию человека; данный тип реализуется

прилагательными *двусмысленный, здравый, логичный, однозначный, очевидный, понятный, последовательный, продуманный, прозрачный, противоречивый, разумный, транспарентный* (45 выявленных единиц (9,3 %)): **Неоднозначными** остаются вопросы практической реализации этой концепции (A/74/PV.52); Она сегодня справедливо может считаться эффективной и **транспарентной** международной мерой в сфере предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве (A/72/PV.25);

б) эмоциональные оценки, обозначающие оценку предмета с точки зрения вызываемой им эмоции; данный тип представлен прилагательными *агрессивный, дерзкий, жесткий, отстраненный, печальный, пронзительный, трагический, тревожный* (37 выявленных единиц (7,6 %)): Сотни тысяч людей вынуждены страдать из-за **агрессивных** геополитических амбиций отдельных государств (A/72/PV.87); Следует отметить еще одну **тревожную** тенденцию, влияющую на рост расходов на деятельность Совета (A/72/PV.40).

2. **Рационалистические** оценки, связанные с практической деятельностью человека:

а) нормативные оценки, предполагающие соответствие *норме* – зоне оценочной шкалы, отражающей признаковые характеристики стереотипа оцениваемого объекта [5, с. 54]. Представляется важным разграничивать понятия *нормы* и *стандарта*, так как в сферу нормы включаются как объективно существующие, так и эмотивные признаки, что позволяет выделить оценку рациональную и эмоциональную, в то время как стандарт предполагает большую степень договоренности и отсутствие оценки [2, с. 60]:

○ собственно нормативные оценки, в основании которых лежит общая ориентация на определенную норму (*высокий, должный, интенсивный, компетентный, нормальный, подавляющий, полноценный, правильный, приемлемый, равномерный, сбалансированный, скоординированный, согласованный, сомнительный, стабильный*) (58 выявленных единиц (11,9 %)): Все это ведет к еще одной болезненной проблеме – **неравномерному** характеру экономической глобализации (A/74/PV.8); Крайне важно, чтобы любые меры в области сокращения и ограничения вооружений носили **справедливый и сбалансированный** характер (A/C.1/72/PV.8);

○ этические оценки, в основании которых лежит ориентация на мораль и этическую норму, принятую в обществе (*благородный, взаимоуважительный, враждебный, дискриминационный, добропорядочный, добросовестный, доброжелательный, мирный, миролюбивый, насильственный, нравственный, принудительный, равный, справедливый, уважительный, честный*) (49 выявленных единиц (10,1 %)): Республика Беларусь подтверждает свою готовность и открытость к всестороннему **взаимоуважительному** сотрудничеству (A/C.1/75/PV.5); Уделяем высокое внимание вопросам наращивания потенциала в сфере международной информационной безопасности с целью минимизации рисков **недобросовестного, враждебного** использования информационно-коммуникационных технологий (A/C.1/75/PV.5);

о структурные оценки – оценки по признакам целостности, устойчивости или полноты содержания объекта. Выделение данного типа значений обусловлено характером институционального дискурса, где оценки по данному основанию занимают особое место и используются субъектом при описании структуры или свойств документов, проектов, инициатив (*всеобъемлющий, всесторонний, всецельный, емкий, инклюзивный, комплексный, многомерный, многоплановый, многосторонний, надежный, обстоятельный, полноформатный, прочный, углубленный, универсальный, устойчивый*) (52 выявленных единицы (10,7 %)): *Это затрудняет полноформатное участие Гаваны в мировых финансово-экономических процессах (A/74/PV.27); Большое значение придаем резолюции 1540 (2004) Совета Безопасности, которая занимает особое место среди существующих сегодня универсальных режимов нераспространения и обеспечивает комплексный, всеобъемлющий подход к борьбе с распространением ОМУ (A/C.1/75/PV.5);*

б) оценки по признакам важности/неважности реализуются большим количеством прилагательных и широко представлены в дипломатическом дискурсе, что объясняется стремлением участников дискурса подчеркнуть значимость обсуждаемых событий (*важный, весомый, востребованный, главный, знаковый, значительный, ключевой, критический, неоценимый, основополагающий, особый, ответственный, первостепенный, принципиальный, приоритетный, решающий, фундаментальный, центральный*) (85 выявленных единиц (17,5 %)): *Поэтому деятельность МАГАТЭ по содействию развитию безопасной ядерной энергетики сегодня особо востребована и важна (A/72/PV.46); Все меры в данной области должны соответствовать основополагающим принципам (A/C.1/72/PV.8).* Отметим, что в существующих классификациях оценка важности не выделяется как отдельный вид и включается в психологические или прагматические оценки [4, с. 42; 11, с. 75]. В нашей работе при выделении данного типа значения мы опираемся на принцип деления оценочной лексики, разработанный В. В. Морковкиным. В словаре В. В. Морковкина «Лексическая основа русского языка» в его идеографической части оценочная лексика сгруппирована по разделам «Общая оценка качества», «Частная оценка качества», «Ценность» и «Значение, важность», что позволяет выделять оценку по параметру важность/неважность как самостоятельный тип [12, с. 319–323];

в) темпоральные оценки – оценки предметов с точки зрения их отношения к действительности, реализуемые прилагательными *актуальный, беспрецедентный, истинный, ложный, настоящий, непереходящий, новый, переменный, подлинный, реальный, рутинный, современный* (41 выявленная единица (8,5 %)): *Беларусь остается приверженной позиции о необходимости разрешения разногласий между странами путем выстраивания реального диалога (A/72/PV.39); Беларусь <...> продемонстрировала пример истинной приверженности идее разоружения (A/C.1/74/PV.23).*

г) утилитарные оценки – оценки объекта по признакам пользы (*благоприятный, выгодный, действенный, дестабилизирующий, перспективный,*

полезный, прагматический, разрушительный) (15 выявленных единиц (3,0 %)): *Подключение к таким мероприятиям широкого круга государств <...> будет **перспективным и полезным** для всех нас (A/72/PV.95); Создание **благоприятной** международной обстановки, обеспечение более широкого доступа к финансовым ресурсам <...> имеют решающее значение (A/74/PV.15);*

д) статусные оценки – оценки по признакам значимости объекта или положения его среди таких же объектов. Выделение данного типа значений связано с наличием в исследуемом типе дискурса прилагательных, указывающих на статус или значимость описываемого объекта по отношению к другим объектам в рамках соответствующей ситуации (*авторитетный, безоговорочный, беспрецедентный, видный, выдающийся, исключительный, новаторский, передовой, рекордный, узнаваемый, уникальный*) (25 выявленных единиц (5,2 %)): *Встречи основной группы Мюнхенской конференции по безопасности, которая собрала <...> **видных и авторитетных** политических деятелей (A/73/PV.79); Для достижения устойчивого развития необходимы **новаторские** подходы и расширение международного сотрудничества (A/74/PV.15);*

е) телеологические оценки – оценки по признакам эффективности и целесообразности оцениваемых объектов или событий (*действенный, конструктивный, плодотворный, продуктивный, результативный, процветающий, целесообразный, эффективный*) (31 выявленная единица (6,4 %)): *Мы искренне надеемся на возобновление **конструктивного** двустороннего диалога между двумя странами (A/74/PV.27); Попытки подменить его [Договор] параллельными, не пользующимися всеобщей поддержкой инструментами, **контрпродуктивны** (A/C.1/74/PV.7);*

ж) оценки по признакам опасности/безопасности. Одной из целей дипломатического дискурса является обеспечение мира и безопасности, что обуславливает употребление оценочных единиц, в основании которых лежат данные признаки (*воинственный, защитный, злоедей, катастрофический, конфронтационный, критический, опасный, превентивный, смертоносный*) (17 выявленных единиц (3,5 %)): *<...> в известном смысле она [данная резолюция] обо всех нас, собравшихся в ООН для поиска путей к более **безопасному, устойчивому и справедливому** миру (A/71/PV.82); Беларусь всегда придерживалась принципов миролюбивой, **неконфронтационной** политики на основе многосторонности и взаимоуважения (A/73/PV.68).*

Таким образом, анализ текстов выступлений официальных представителей Республики Беларусь в ООН показал, что дипломатический тип институционального дискурса обладает широким оценочным потенциалом, заключенным в единицах лексического уровня языка, а именно в именах прилагательных. Выявленные оценочные единицы классифицируются по тому признаку, с точки зрения которого производится оценивание, – по основанию оценки. В дипломатическом дискурсе выделены общеоценочные и частнооценочные прилагательные; частнооценочные прилагательные рас-

пределяются по двум группам: психологические (интеллектуальные и эмоциональные) и рационалистические (нормативные (собственно нормативные, этические, структурные), темпоральные, утилитарные, статусные, телеологические оценки, а также оценки по признакам важности/неважности и опасности/безопасности). Среди частнооценочных значений представляется важным выделить дополнительные значения, а именно темпоральные, структурные, статусные оценки, оценки по признакам важности/неважности и опасности/безопасности, что объясняется характером дипломатического дискурса: выбранные объекты, оцениваются с точки зрения дополнительных параметров. Данная классификация предложена с учетом не только лексикографических данных, но и контекстуальных значений оценочных единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. – 206 с.
2. Романовская, А. А. Системная организация лексики: взаимодействие дескрипции и оценки / А. А. Романовская. – Минск : МГЛУ, 2013. – 132 с.
3. Ивин, А. А. Основания логики оценок / А. А. Ивин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 232 с.
4. Шрамм, А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных / А. Н. Шрамм. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1979. – 134 с.
5. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 2-е изд., доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
6. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
7. Система официальной документации ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://documents.un.org/>. – Дата доступа : 07.09.2022.
8. Шрамм, А. Н. Аспекты семасиологического исследования качественных прилагательных : на материале соврем. рус. яз. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / А. Н. Шрамм ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1980. – 27 с.
9. Большой академический словарь русского языка : в 27 т. / редкол.: К. С. Горбачевич, А. С. Герд (гл. ред.) [и др.]. – СПб. : Наука, 2004–2017.
10. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
11. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
12. Лексическая основа русского языка : Комплексный учебный словарь / В. В. Морковкин [и др.] ; под ред. В. В. Морковкина. – М. : Рус. яз., 1984. – 1168 с.

Поступила в редакцию 26.10.2022

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.111'42:39(73)

Комаристова Инна Игоревна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры лексикологии
английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Inna Komaristova
PhD in Filology,
Associate Professor
of the Department of English Lexicology
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
innakomaristova@mail.ru

ОНИМЫ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ
(на материале современного американского художественного дискурса)

ONYMS AS POTENTIAL PRECEDENT PHENOMENA
(Based on Modern American Fictional Discourse)

Статья посвящена вопросу выявления наиболее частотных, соответственно, наиболее значимых для американского языкового сообщества, онимов в определенном историческом срезе. Предполагается, что такие онимы имеют высокий метафорический потенциал, позволяющий им при определенных условиях переходить в прецедентные феномены. В результате сопоставительного анализа американской художественной литературы двух периодов (1987–2004 и 2014–2018) делается вывод о том, что ранжирование областей по количеству представленных онимов может меняться; о содержательной изменчивости онимов; об уменьшении количества онимов, значимых для американского языкового сообщества.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *оним; наиболее частотный оним; наиболее значимый оним; прецедентный феномен; языковое сообщество.*

The article focuses on the problem of identification of the most frequent, and consequently, most significant onyms for the American language community in a certain historical period. It is assumed that such onyms have a high metaphoric potential, which allows their conversion into precedent phenomena under certain conditions. As a result of the comparative analysis of American fiction of two periods (1987–2004 and 2014–2018) the author of the article comes to a conclusion that distribution of spheres of onyms may change. Onyms also change on the level of their subject matter. The number of the most significant onyms for the American language community has reduced.

Key words: *onym; the most frequently used onym; the most significant onym; precedent phenomenon; language community.*

Явление прецедентности служит объектом пристального внимания лингвистов и психолингвистов: определяется понятие прецедентности, рассматриваются факторы, влияющие на формирование фонда прецедентных текстов, устанавливаются источники прецедентности, описывается психологический механизм обращения к тем или иным прецедентным текстам в различных видах дискурса, предлагаются многочисленные классификации

прецедентных текстов, разработанные на основе различных критериев. Цель статьи – установление областей, в которых используются онимы, выявление в них наиболее частотных онимов. Характеризуясь общеизвестностью, как и прецедентные феномены, самые значимые из онимов в культуре могут при определенных условиях стать прецедентными феноменами. Гипотеза нашего исследования состоит в том, что частота обращения к онимам авторами художественных произведений свидетельствует об их значимости для языкового сообщества. Именно наиболее важные из них могут перейти в прецедентные феномены посредством метафоризации.

Исходя из определения, что оним – слово, словосочетание, предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов [1, с. 91], в данной статье под онимом понимается слово, словосочетание, употребляемое в своем первичном значении (не метафорично), для номинации единичных объектов. Принимая терминологическую классификацию Ю. Н. Караулова, который к прецедентному феномену относит прецедентные тексты, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации и прецедентные имена [2, с. 128], прецедентный феномен определяется как прецедентные тексты, прецедентные ситуации, прецедентные имена, которые обладают ценностной значимостью и хорошо знакомы любому среднему члену языкового сообщества. В художественном тексте прецедентные феномены используются метафорично.

Источником материала исследования послужили 50 романов современных американских писателей (конец XX в. – настоящее время), повествующих о событиях, описывающих реалии, которые являются актуальными на момент создания этих художественных произведений. В результате исследования данных романов (период 1 с 1987 по 2004 г. – 30; период 2 с 2014 по 2018 г. – 20) были выявлены и проанализированы 4027 онимов (период 1–2148, период 2–1879).

Исследование американской художественной литературы периода с 1987 по 2004 год позволило определить следующие области использования онимов: «Искусство», «История», «Пресса», «Религия», «Наука», «Мифология», «Спорт» (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Области использования онимов (период 1)

Область	Количество в выборке, %
Искусство	52
История	23
Пресса	17
Религия	4,5
Наука	1,7
Мифология	1,1
Спорт	0,7

В результате анализа американской художественной литературы периода с 1987 по 2004 год установлено, что самые многочисленные онимы представляют область «Искусство», в частности сферу «Массовая культура», к которой относятся подсферы: «Кино», «Музыка», «Литература», «Телевидение», «Мюзиклы», «Мода» (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Онимы из сферы «Массовая культура» (период 1)

Подсфера	Количество в выборке, %
Кино	57
Музыка	36
имена исполнителей/групп	18
названия песен	14
имена музыкантов XX–XI вв.	1,1
имена композиторов XX–XI вв.	1
названия детских песен	0,9
названия музыкальных альбомов	0,5
названия современных музыкальных произведений	0,4
имена поэтов-песенников	0,2
события в мире музыки	0,1
названия наград	0,1
Литература	0,1
названия комиксов	0,1
Телевидение	6
Мюзиклы	0,5
Мода	0,2

Сфера «Классическая культура» представлена такими подсферами, как «Литература», «Живопись», «Музыка», «Ювелирное дело», «Архитектура» (табл. 3). Менее многочисленные – онимы из области «История», далее следуют онимы из областей «Пресса», «Религия», «Наука», «Мифология» и «Спорт».

Онимы из сферы «Классическая культура» (период 1)

Подсфера	Количество в выборке, %
Литература	73,6
имена писателей	35
названия художественных произведений	18
нехудожественная литература	5,3
имена персонажей художественных произведений	5
имена поэтов	4,4
названия наград в области литературы	3,4
названия пьес	1,2
названия поэм/стихотворений	1
имена персонажей/пьес	0,3
Живопись	15,5
Музыка	9,5
имена классических композиторов	6,3
названия классических музыкальных произведений	3,2
Ювелирное дело	0,9
Архитектура	0,3

В шести из семи областей («Искусство», «История», «Пресса», «Религия», «Наука», «Спорт») на основе критерия частотности нами выявлены онимы, значимые для американского языкового сообщества. В области «Мифология» не обнаружены онимы, которые бы упоминались несколькими авторами. Самыми частотными и, соответственно, значимыми для американского языкового сообщества онимами в сфере «Искусство» (подсфере «Кино») являются: *Кэри Грант, Марлон Брандо, Спенсер Трейси, Гэри Купер, Дастин Хоффман, Арнольд Шварценеггер, Аль Пачино, Кевин Костнер, Бэтмен, Микки Маус*; в подсфере «Музыка» – *Битлз, Элвис Пресли, Майкл Джексон, Мадонна, Бритни Спирс, Бетховен, Моцарт*; в подсфере «Литература» – *«Красавица и Чудовище», Уильям Шекспир, Чарльз Диккенс, Марк Твен, Дракула, Белоснежка*; в подсфере «Живопись» – *Пикассо, ван Гог и Ренуар*; в области «История» – *Джон Кеннеди, Роберт Кеннеди, Линкольн, принцесса Диана, Рузвельт, Рейган, Мартин Лютер Кинг, Никсон, Билл Клинтон, Джекки Кеннеди, Джордж Буш, Горбачев, Вторая мировая война, Гражданская война в США между Севером и Югом, война во Вьетнаме*; в области «Пресса» – *Нью-Йорк таймс, Таймс, Пипл, Плейбой, Ньюсуик*; в области «Религия» – *Иисус Христос, Будда, Сатана, Библия*; в области «Наука» – *Фрейд*; в области «Спорт» – *Майкл Джордан*.

Подчеркнем, что онимы употребляются не метафорично, как иллюстрирует следующий пример:

He hates the way Michael Jordan's pink tongue rolls around his mouth as he goes up for a drink 'Он ненавидит, как Майкл Джордан облизывает рот своим розовым языком, когда идет попить воды' [3, p. 279–280].

В табл. 4 представлено процентное соотношение самых частотных, соответственно, значимых онимов для американского языкового сообщества в период с 1987 по 2004 год.

Т а б л и ц а 4

Онимы, значимые для американского языкового сообщества (период 1)

Онимы	Количество в выборке, %
Нью-Йорк таймс	6
Иисус Христос, Джон Кеннеди, Вторая мировая война	по 5
Таймс	4,5
Пипл, Библия	по 3
Плейбой, Кэри Грант, Элвис Пресли, Рузвельт, Рейган, Мартин Лютер Кинг	по 2,5
Чарльз Диккенс, Пикассо, ван Гог, Ренуар, Роберт Кеннеди, Линкольн, принцесса Диана, Билл Клинтон, Фрейд	по 2
Микки Маус, Битлз, Бритни Спирс, Бетховен, Моцарт, Уильям Шекспир, Никсон, Джекки Кеннеди, Сатана, Майкл Джордан	по 1,5
Марлон Брандо, Спенсер Трейси, Гэри Купер, Дастин Хоффман, Арнольд Шварценеггер, Аль Пачино, Кевин Костнер, Бэтмен, Майкл Джексон, Мадонна, «Красавица и чудовище», Марк Твен, Дракула, Белоснежка, Джордж Буш, Горбачев, Гражданская война в США между Севером и Югом, война во Вьетнаме, Ньюсуик, Будда	по 1

Данные, представленные в табл. 4, иллюстрируют, что значимые в языковом сообществе онимы могут не входить в их самую многочисленную область. Например, самой многочисленной областью является «Искусство» (в частности, «Массовая культура»), но самый значимый для американского языкового сообщества оним *Нью-Йорк таймс* относится к области «Пресса».

Анализ литературы периода 2 позволил определить сферы онимов, которые не выявлены при исследовании литературы периода 1: «Интернет», «Компьютерные игры». Также обнаружены подсферы «Фотография» и «Скульптура» в сфере «Искусство» (табл. 5, 7).

Т а б л и ц а 5

Области использования онимов (период 2)

Область	Количество в выборке, %
Искусство	60,5
История	21
Пресса	5,5
Религия	4,5
Интернет	3,5
Спорт	2
Наука	1,5
Мифология	1,2
Компьютерные игры	0,3

Исследование онимов литературы периода 2 свидетельствует о преобладании в настоящее время онимов из области «Искусство», в частности из сферы «Массовая культура», куда относятся подсферы «Музыка», «Кино», «Телевидение», «Мюзиклы», «Мода» (табл. 6).

Т а б л и ц а 6

Онимы из сферы «Массовая культура» (период 2)

Подсфера	Количество в выборке, %
Музыка	62,8
имена исполнителей/групп	30,4
названия песен	18,4
имена музыкантов XX–XI вв.	7,3
имена композиторов XX–XI вв.	3,1
названия современных музыкальных произведений	1,1
названия музыкальных альбомов	0,9
имена поэтов-песенников	0,8
имена музыкальных продюсеров	0,2
названия клубов музыкантов	0,2
названия детских песен	0,2
события в мире музыки	0,2
Кино	26,8
Телевидение	8,6
Мюзиклы	1,6
Мода	0,2

Онимы из сферы «Классическая культура» представлены следующими подсферами: «Литература», «Живопись», «Архитектура», «Музыка», «Фотография», «Скульптура» (табл. 7).

Т а б л и ц а 7

Онимы из сферы «Классическая культура» (период 2)

Подсфера	Количество в выборке, %
Литература	59
Живопись	35,6
Архитектура	2
Музыка	1,6
имена классических композиторов	1,2
названия классических музыкальных произведений	0,4
Фотография	1,4
Скульптура	0,2

Сопоставительный анализ онимов двух периодов демонстрирует, что ранжирование областей по количеству представленных онимов может меняться. Например, ранее онимы из области «Спорт» были выявлены в меньшем количестве по сравнению с их числом из областей «Наука» и «Мифология». В литературе периода 2 онимы из области «Спорт» используются чаще чем онимы из областей «Наука» и «Мифология». Изменения в ранжировании областей по количеству представленных онимов обусловлены и наличием областей, которые не выявлены в литературе периода 1: «Интернет», «Компьютерные игры».

Количество и характер подсфер в двух периодах не совпадают. Например, в сфере «Искусство» в литературе периода 1 выявлена подсфера «Ювелирное дело», которая не обнаружена в литературе периода 2. Однако в литературе этого периода в сфере «Искусство» представлены подсферы «Фотография» и «Скульптура», не выявленные в литературе периода 1. В литературе периода 1 зафиксировано самое большое количество онимов в сфере «Искусство» в подсфере «Кино». В литературе периода 2 оно установлено у онимов в этой же сфере, но в подсфере «Музыка». В наименьшем количестве в литературе периода 1 представлены онимы из подсфер «Мода» и «Архитектура», а в литературе периода 2 – онимы из подсфер «Скульптура» и «Мода».

Ранжирование областей по количеству представленных онимов может оставаться неизменным. Например, сопоставительный анализ онимов двух периодов иллюстрирует, что распределение областей «Искусство», «История», «Пресса», «Религия» осталось прежним.

Содержательная изменчивость онимов проявляется в том, что ранее значимые онимы для американского языкового сообщества могут потерять

эту важность. Например, оним *Дракула*, являвшийся частотным в подсфере «Литература» в 1987–2004 годах, не был обнаружен в литературе периода 2. Ранее употребительные онимы в подсфере «Кино» *Кэри Грант*, *Марлон Брандо*, *Спенсер Трейси*, *Гэри Купер*, *Дастин Хоффман*, *Арнольд Шварценеггер*, *Аль Пачино*, *Кевин Костнер*, *Микки Маус* не упоминаются в литературе периода 2. В области «История» оним *Роберт Кеннеди*, в области «Пресса» оним *Ньюсуик*, в области «Спорт» оним *Майкл Джордан* утратили свое прежнее значение для американского языкового сообщества.

Выделяются онимы, которые не теряют своей значимости для американского языкового сообщества: оним *Битлз* в подсфере «Музыка»; онимы *Линкольн*, *Вторая мировая война*, *война во Вьетнаме* в области «История»; оним *Таймс* в области «Пресса»; онимы *Иисус Христос*, *Библия* в области «Религия»; онимы *Пикассо* и *Моне* в области «Живопись»; оним *Фрейд* в области «Наука».

Вследствие общественного развития может наблюдаться появление новых онимов, важных для языкового сообщества. Например, в области «Интернет», которая иллюстрирует изменения в развитии общества, значимым онимом является *Ютуб*:

She'd been studying some of the videos people posted on the Internet, especially on YouTube, and when she was done she wanted to figure out how to post hers 'Она изучала некоторые видео, которые были размещены в интернете, особенно на ютубе, и когда она закончила, то хотела выяснить, как разместить ее видео' [4, с. 337].

В целом в литературе периода 2 количество онимов, значимых для американского языкового сообщества, уменьшилось. Если в литературе периода 1 выявлено 52 самых частотных онима, соответственно, значимых для американского языкового сообщества, то в литературе периода 2 таких онимов 11 (табл. 8).

Т а б л и ц а 8

Онимы, значимые для американского языкового сообщества (период 2)

Онимы	Количество в выборке, %
Вторая мировая война	16
война во Вьетнаме	15
Библия	15
Иисус Христос	10
Линкольн	8
Пикассо	7
Таймс	7
Ютуб	7
Битлз	5
Моне	5
Фрейд	5

Таким образом, изменение частотного ранга областей онимов свидетельствует об изменениях в качестве и количестве онимов, значимых для американского языкового сообщества. Часть онимов продолжают оставаться актуальными, другие теряют свое значение для языкового сообщества, и на смену приходят онимы, которые соответствуют общественному прогрессу и отражают его.

Количество онимов свидетельствует об их общеизвестности в языковом сообществе, которая, по нашему мнению, способствует переходу онимов в прецедентные феномены. Процесс перехода онимов в прецедентные феномены станет предметом дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Подольская, Н. В.* Словарь ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
2. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 259 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

3. *Updike, J.* Rabbit at Rest / J. Updike. – New York : Ballantine Books, 1990. – 427 p.
4. *Halverson, S. P.* The House of Frozen Dreams / S. P. Halverson. – London : HarperCollinsPublishers, 2015. – 388 p.

Поступила в редакцию 18.10.2022

Лисова Алла Борисовна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры лексикологии
испанского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Alla Lisova

PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of Spanish Lexicology
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
lisovaab@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИЙ ЭМОТИВНОСТИ И ИНТЕНСИВНОСТИ
В НАУЧНОМ И ОБЫДЕННО-РАЗГОВОРНОМ ДИАЛОГЕ
(на материале испанского языка)

IMPLEMENTATION OF THE CATEGORIES OF EMOTIVITY
AND INTENSITY IN SCIENTIFIC AND COLLOQUIAL DIALOGUE
(Based on the Material of the Spanish Language)

В статье рассмотрены варианты реализации эмотивности и интенсивности в научной дискуссии и обыденно-разговорном диалоге на испанском языке: независимое употребление единиц со значением эмотивности или интенсивности в высказывании, их сочетание и синергия. Выявлена обусловленность специфики интенсификации эмотивности (общей востребованности данного приема, преобладания интенсифицированных позитивных или негативных эмотивов, функций анализируемых сочетаний) характеристиками дискурсивной сферы, в рамках которой протекает общение.

Ключевые слова: *эмотивность; интенсивность; интенсификация; сочетание; научная дискуссия; обыденно-разговорный диалог.*

The article discusses the options for implementing emotivity and intensity in scientific discussion and everyday colloquial dialogue in Spanish. These include the independent use of units with the meaning of emotiveness or intensity in the statement, their combination and synergy. The article also reveals the conditionality of the specifics of the intensification of emotivity (the general demand for this technique, the predominance of intensified positive or negative emotives, the functions of the analyzed combinations) by the characteristics of the discursive sphere within which communication takes place.

Key words: *emotivity; intensity; intensification; combination; scientific discussion; colloquial dialogue.*

Значимость коммуникативно-прагматического и когнитивно-дискурсивного подходов в современных лингвистических изысканиях побуждает ученых искать новые ракурсы в исследовании самых разных языковых и речевых явлений. Это касается и таких сложных семантико-прагматических категорий, как, например, экспрессивность, эмотивность, оценка, интенсивность и др. Сами по себе данные феномены изучены уже достаточно детально, при этом в их взаимодействии в рамках возможного многообразия коммуникативных ситуаций в разных типах дискурса можно обнаружить немало лакун. Это и обусловило выбор эмотивных и интенсифицирующих единиц в качестве объекта настоящей работы.

Эмотивность и *интенсивность* представляют собой самостоятельные категории. *Эмотивность* языковых единиц выражает, как известно, эмоциональное состояние или отношение к чему-либо [1, с. 27]. Основным же предназначением *интенсивности* является субъективно воспринимаемое изменение степени проявления качества [2, с. 111; 3, с. 304]. Очевидный прагматический потенциал обоих феноменов порождает справедливый интерес к изучению их реализации в языке и речи, еще более любопытным представляется рассмотрение их комплексной актуализации, не становившейся ранее предметом специального исследования.

Цель данной работы заключается в выявлении специфики реализации категорий *эмотивности* и *интенсивности* в разных типах дискурса на испанском языке. Данная цель предполагает решение ряда задач: а) описание вариантов реализации рассматриваемых категорий; б) определение количественно-качественных параметров комплексной реализации *эмотивности* и *интенсивности* в научной дискуссии (НД) и обыденно-разговорном диалоге (ОРД) на испанском языке; в) выявление функциональных характеристик взаимодействия *эмотивности* и *интенсивности* в двух типах диалога.

Материалом для настоящего исследования послужили диалогические фрагменты художественных произведений современных авторов и стенограммы научных дискуссий на испанском языке.

Категории *эмотивности* и *интенсивности* могут быть реализованы как самостоятельно, так и в сочетании (синкретичном или дифференцированном) друг с другом. Рассмотрим специфику этих позиций подробнее.

❖ Автономная репрезентация *эмотивности* и *интенсивности*, например:

Me sorprende que hayas asistido a la fiesta 'Меня удивляет, что ты присутствовал на празднике'. В данном высказывании посредством лексемы *sorprender* 'удивлять' выражается только *эмотивность*;

Este chaval es bastante inteligente 'Этот парень достаточно умен'. В этом же случае с помощью интенсификатора *bastante* 'достаточно' усиливается оценочная лексема *inteligente* 'умный';

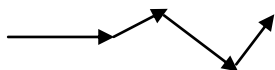
Me alegro de que hayas podido recibir lo que deseabas tanto 'Меня радует, что ты смог получить то, что так сильно желал'. Возможны случаи использования *эмотивной* единицы и интенсификатора в рамках одного высказывания, но при этом в фокусе их действия находятся разные объекты.

❖ Синергичность *эмотивности* и *интенсивности*, т.е. их слияние в рамках той или иной языковой единицы:

¡Somos tremendamente diferentes! 'Мы ужасно разные!'. Такой тесный контакт *эмотивности* и *интенсивности* фиксируется прежде всего в случае с интенсификаторами, имеющими эмоциональный оттенок, типа *terriblemente* 'ужасно', *tremendamente* 'ужасно', *locamente* 'безумно', *sorprendentemente* 'удивительно' и т.п.

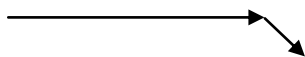
Данный вариант взаимодействия рассматриваемых категорий реализуется главным образом в рамках лексических единиц. Тем не менее важно

отметить уникальное для устной разговорной речи просодическое средство, актуализирующее такую неразрывную репрезентацию. Речь идет об особой интонационной организации сегмента высказывания, завершаемого существительным с неопределенным артиклем, в котором отсутствуют языковые элементы, способные передавать значения этих категорий, например:

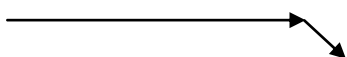
Me costó un dinero 'Мне это стоило денег'.

Данная просодическая модель отражает скачкообразную мену восходяще-нисходяще-восходящего тона в конце высказывания, не характерную для подобного синтаксического типа и используемую при выражении эмоционального состояния говорящего (в данном примере – удивления или возмущения) как реакции на увеличение/уменьшение, ассоциируемое с лексемой *деньги*. Таким образом, именно и только с помощью интонационного оформления мы понимаем главную цель высказывания, заключающуюся в выражении эмоционального переживания говорящего и сообщении о том, насколько дорого ему обошлась покупка. Ср. аналогичный пример, но с интенсифицирующей единицей:

Me costó un dineral 'Мне это стоило деньгищ'.

В приведенном высказывании выражается тот же смысл, различие состоит лишь в способе интенсификации: в данном случае используется увеличительный суффикс *-al*. Интонационная характеристика (понижение тона в конце предложения) является традиционной для этой синтаксической модели. При этом идентификация эмоциональности говорящего остается затруднительной.

Me costó un gran esfuerzo 'Мне это стоило больших усилий'.

Данный пример иллюстрирует то, что позиция интенсификатора в высказывании не влияет на его просодический рисунок.

❖ Среднюю позицию на шкале взаимодействия эмотивности и интенсивности занимает их дифференцированное сочетание в речи, например:

Me alegre tanto haberte conocido 'Я так рад, что познакомился с тобой'.

Из двух вариантов комплексной реализации интенсивности и эмотивности (дифференцированного и недифференцированного) синкретичный является весьма низкочастотным: в нашем материале на него приходится не больше 5 % анализируемых употреблений. Это мотивирует более детальное изучение именно дифференцированных сочетаний интенсификаторов с лексемами, передающими эмотивность.

Поле эмотивности в рамках данного исследования представлено единицами со значениями эмоционального состояния, эмоционально-оценочного

отношения, эмоциональной оценки. Специфика же интенсификации этих значений проявляется главным образом применительно к коммуникативно-прагматическим характеристикам дискурсивной сферы, в которой протекает общение. С этой точки зрения интересно сопоставить особенности комбинирования интенсивности и эмотивности в двух различных типах дискурса, а именно: институциональном и личностно-ориентированном. Научная дискуссия и обыденно-разговорный диалог, послужившие материалом для исследования по данной теме, характеризуются рациональностью, логичностью, объективностью, точностью, толерантностью, неэмоциональностью, интеллектуальностью, полемичностью, оценочностью [4; 5; 6] и политематичностью, минимальной формальностью общения, спонтанностью, неприужденностью, экспрессивностью, акцентированной эмоциональностью [7, с. 40; 8, с. 89–90] соответственно.

Количественно-качественный анализ употребительности выявленных сочетаний с интенсификаторами в двух коммуникативных сферах позволяет сформулировать ряд выводов.

1. Общая употребительность интенсифицированных эмотивов в рассматриваемых типах диалогического дискурса вполне предсказуема – их частотность в ОРД в рамках проанализированного корпуса примеров в четыре раза превосходит их востребованность в научном диалоге: из 400 употреблений интенсифицированных конструкций в каждом из рассматриваемых типов дискурса корпус примеров сочетаний интенсификаторов с лексемами, передающими значение эмотивности, в обыденно-разговорном диалоге составил 158 единиц, в научном – 44. Данное отличие очевидно ввиду указанных выше черт: неэмоциональности НД и, наоборот, акцентированной эмоциональности ОРД.

2. Что касается позитивного/негативного характера интенсифицированных эмотивов в исследуемых типах диалога, следует отметить преобладание лексем со значением негативных эмоций в научной дискуссии (78 % сочетаний), в то время как различия в употребительности анализируемых комбинаций со значением позитивной/негативной эмотивности в обыденно-разговорной речи не позволяют утверждать доминирование одних или других (53 % сочетаний с позитивной эмотивностью и 47 % – с негативной). В случае научной дискуссии, на наш взгляд, подобный результат согласуется с такой особенностью данной коммуникативной сферы, как полемичность: НД как таковая предполагает постановку проблемы и совместный поиск ее решения, неотъемлемой частью которого будет несходство в позициях собеседников.

Haciendo un recuento de los premios Nobel que han recibido los países, nuestro asunto es muy triste ‘Анализ количества Нобелевских премий, выданных странам, показывает, что наша ситуация **очень прискорбна**’. Интенсификация негативных эмотивных значений в научной дискуссии, как правило, используется в рамках характеристики некоторого положения дел и не соотносится с кем-либо из коммуникантов.

Es muy vergonzoso decir que en el nivel 6 México no tuvo ninguno, ni lo tuvo Argentina, ni lo tuvo Colombia ‘**Очень стыдно** говорить, что на 6 уровне в Мексике не было ни одного, как и в Аргентине и Колумбии’. В данном случае говорящим также выражается усиленное негативное эмоционально-оценочное отношение к описываемой ситуации.

В ОРД же незначительную разницу в востребованности интенсификации позитивной/негативной эмотивности, по-видимому, можно объяснить политематичностью, вариативностью коммуникативных ситуаций и их всевозможных обстоятельств, а также отсутствием ограничений на выражение говорящим своего эмоционального состояния. Рассмотрим примеры:

No se enfade, mujer, yo también estaba muy a gusto hablando con usted, se me había cambiado hasta el humor ‘Не злитесь, мне тоже было **очень приятно** разговаривать с вами, у меня даже настроение поменялось’. В данном случае говорящий сообщает собеседнику в интенсифицированной форме об удовольствии, вызываемом самим процессом коммуникации.

Es que yo pronuncio mi malamente. Y me da un poco de vergüenza ‘Дело в том, что у меня очень плохое произношение. И мне **немного стыдно**’. В этой же реплике изменение степени негативного эмоционального состояния связано с манерой говорить коммуниканта.

3. В функциях, реализуемых сочетаниями интенсификаторов с эмотивами, также отражаются особенности рассматриваемых типов диалогического дискурса.

Что касается специфичных функций интенсифицированной эмотивности, основное различие здесь заключается во вполне предсказуемом их многообразии в обыденно-разговорном диалоге и скромном наборе в научном дискурсе.

В НД анализируемые сочетания используются говорящим для

- акцентирования требующих обсуждения проблемных ситуаций:

Luego me preocupa bastante también la mala herencia que hemos dejado a los jóvenes durante los años de prosperidad ‘Кроме того, меня также **достаточно беспокоит** то плохое наследие, которое мы оставили молодому поколению в годы процветания’;

- оценки способов / средств решения проблемных ситуаций / поставленных задач:

Me siento muy orgullosa de los esfuerzos de General Motors en México en esta área y deseo compartir tres iniciativas en las que estamos trabajando ‘Я **очень горжусь** усилиями, предпринимаемыми в этой области компанией General Motors в Мексике, и хотела бы представить три инициативы, над которыми мы работаем’.

В единичных случаях возможна реализация и такой функции, как оценка собеседника, его деятельности, вклада в разрешение проблемной ситуации (сразу подчеркнем, что контексты, в которых представлена эта функция, отличаются не только малочисленностью, но и доминированием позитивной оценки):

Me alegra mucho que un ingeniero tenga una visión tan global y tan compleja ‘Меня **очень радует**, что инженер обладает таким глобальным и комплексным видением’.

В ОРД интенсифицированные эмотивные лексемы призваны

- эксплицировать эмоциональное состояние или эмоциональное отношение говорящего, вызываемые предметами / явлениями / ситуациями:

¡Qué horror, qué cucaracha más enorme, nunca he visto una cucaracha tan grande! ‘**Какой ужас!** Какой огромный таракан, я никогда не видела такого большого таракана!’;

- выразить эмоционально-оценочное отношение к собеседнику или третьему лицу:

Qué pena me das, compañero. ¡Qué pena más grande! ‘**Как** мне тебя жаль, друг. **Как же** мне тебя жаль!’;

- воздействовать на поведение собеседника:

No sea uzte tu severo con la zeñora, y deje que me vaya... ‘**Не будьте так строги** со мной и позвольте мне уйти...’;

- поддерживать коммуникативный контакт с собеседником или выразить согласие:

– *Entonces, decidido. Te instalas con nosotras. ¿A que será divertido, Sol?*

– *Sí, Marga, será muy divertido. Pero me llamo Solange.*

‘– Значит, решено. Ты остановишься у нас. Будет весело, правда, Соль?’

– Да, Марга, будет **очень весело**. Только меня зовут Соланж’.

В приведенном диалогическом единстве в ответной реплике говорящий интенсифицирует эмотив, употребленный собеседником в предшествующей реплике, при этом семантика эмотивности теряет свою значимость.

Кроме того, анализируемые комбинации в обыденно-разговорном дискурсе участвуют и в метакоммуникативной организации диалогического взаимодействия и характеризуют

- тему разговора:

Vah, no me haga caso, hablar de Deirdre me pone de muy mal humor ‘Ох, не обращайтесь на меня внимание, разговор о Дьердре **очень портит мне настроение**’;

- способ выражения идеи / мысли:

Pero me gusta oírle hablar de Joan, resulta muy divertido ‘Но мне нравится слушать, как вы говорите о Жоане, получается **очень забавно**’.

Помимо специфических функциональных характеристик интенсификации эмотивов в рассматриваемых типах диалога справедливо отметить и их общие черты: прежде всего это касается интенсификации эмотивности в рамках использования речэтикетных формул. При этом важно подчеркнуть очевидную умеренность и, напротив, нередко бóльшую выразительность в использовании подобных комбинаций в научном и обыденно-разговорном диалоге соответственно. Ср. примеры из двух типов диалога:

Agradezco mucho la invitación que me hacen los organizadores de participar en este Foro ‘Я **очень благодарен** организаторам за приглашение поучаствовать в этом форуме’;

¡Te lo agradezco tanto! ‘Я **так** тебе **благодарен!**’

Кроме того, еще одно различие касается разнообразия этих формул вежливости в двух типах дискурса. В то время как в научной дискуссии в анализируемом материале эмотивность интенсифицируется в рамках выражения почти исключительно благодарности (редко – приветствия), то в обыденно-разговорном диалоге помимо указанной функции исследуемые сочетания весьма употребительны для приветствия (в этом случае сочетания интенсификаторов с эмотивами эксплицируют значение эмоционального состояния говорящего в связи со встречей собеседника и используются в качестве его приветствия), а также просьбы и извинения. См. примеры:

¡Me alegro tanto de verte, hermano! ‘Я **так рад** видеть тебя, брат!’;

Pero, por favor, no se enfade, siento mucho no haber podido bajarle las cartas ‘Но, пожалуйста, не злитесь, я **очень сожалею**, что не смог вынести вам письма’;

A lo mejor me lo ha dicho y no lo he oído. Repítamelo, si es tan amable ‘**Может**, вы мне говорили, а я не услышал. Повторите, будьте **так любезны**’.

Таким образом, существуют разные варианты реализации категорий эмотивности и интенсивности: независимое употребление и комплексное (синкретичное или дифференцированное). Анализ представляющих наибольший интерес дифференцированных сочетаний интенсификаторов с лексемами, передающими значение эмотивности, показывает, что характеристики их использования варьируются в зависимости от специфики дискурсивной сферы: объективность, рациональность, полемичность научного дискурса определяет сравнительно сдержанное обращение к подобным комбинациям, а также преимущественную интенсификацию конструкций с негативной эмотивностью для обозначения проблемного поля; многообразие же коммуникативно-ситуативных факторов, характерное для обыденно-разговорного диалога, обуславливает большую востребованность интенсификации эмотивности независимо от ее полярности, а также полифункциональность анализируемых сочетаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шаховский, В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – 3-е изд. – М. : Книжный дом «Либроком», 2009. – 208 с.
2. *Вольф, Е. М.* Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 2-е изд., доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
3. *Родионова, С. Е.* Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий / С. Е. Родионова // Славян. вестн. – 2004. – Вып. 2. – С. 300–313.

4. *Аликаев, Р. С.* Стилистическая парадигма языка науки : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 ; 10.02.04 / Р. С. Аликаев ; Кабардино-Балкар. гос. ун-т. – Краснодар, 1999. – 36 с.
5. *Иванов, Л. Ю.* Семантико-прагматические характеристики текста научной дискуссии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. Ю. Иванов ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М., 1991. – 26 с.
6. *Соловьева, Н. В.* Толерантность в научной дискуссии: лингвостилистический аспект (на материале текстов научных дискуссий 1950–2000-х гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. В. Соловьева ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2008. – 22 с.
7. *Скребнев, Ю. М.* Разговорная речь и объект коллоквиалистики / Ю. М. Скребнев // Введение в коллоквиалистику / под ред. О. Б. Сиротиной. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1985. – С. 5–71.
8. *Солганик, Г. Я.* Стилистика текста : учеб. пособие / Г. Я. Солганик. – М. : Флинта, Наука, 2009. – 256 с.
9. *Тубалова, И. В.* Специфика организации дискурсов повседневности / И. В. Тубалова // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2011. – № 4 (16). – С. 41–52.

Поступила в редакцию 03.02.2023

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК 811.161.3'36(045)

Семянькевич Аксана Васільеўна
кандыдат філалагічных навук,
дацэнт кафедры беларускай мовы
і літаратуры
Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт
г. Мінск, Беларусь

Oksana Semenkevich
PhD in Philology,
Associate Professor of the Department
of Belarusian Language and Literature
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
oksanasemenkevich@gmail.com

ЛІНГВАПРАГМАТЫЧНЫЯ ФУНКЦЫІ
МНОЖНАЛІКАВЫХ НАЗОЎНІКАЎ У БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

LINGUOPRAGMATIC FUNCTIONS OF PLURALIA TANTUM NOUNS

У артыкуле даследуюцца лінгвапрагматычныя функцыі некарэлятыўных форм множнага ліку беларускіх назоўнікаў. Іх функцыянальны спектр выяўляецца на аснове аналізу кантэкставага ўжывання.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *множналікавыя назоўнікі; некарэлятыўная форма ліку; моўная функцыя; лексікалізацыя; полісемія.*

The article examines the linguo-pragmatic functions of Belarusian non-correlative plural forms of Belarusian nouns. Their functional spectrum is revealed on the basis of the analysis of their contextual usage.

К e y w o r d s: *pluralia tantum nouns; non-correlative number form; language function; lexicalization; polysemy.*

Феномен pluralia tantum (далей plt) займае важнае месца ў лінгвістычных даследаваннях, што абумоўлена яго значнасцю ў трактоўцы граматычнай катэгорыі ліку. Эвалюцыя поглядаў на plt прайшла шлях ад анамальнай, перыферычнай і несістэмнай з'явы да заканамернай тыпалагічнай уласцівасці мовы. Лінгвістычныя падыходы да вывучэння множналікавых назоўнікаў змяняліся ў напрамку ад пошукаў тэарэтычнага абгрунтавання іх месца ў сістэме катэгорыі ліку да высвятлення прычын іх некарэлятыўнасці (Г. Д. Архіпкіна, Л. А. Брусенская, Т. В. Булыгіна, Г. Вяжбіцкая, У. І. Дзегцяроў, А. А. Залізняк, А. В. Ісачанка, В. М. Ляшэўская, І. Р. Міласлаўскі, Г. К. Паліванава, С. В. Півавава, М. В. Пярцоў, П. А. Собалева, А. А. Рэфармацкі). Вывучэнне форм ліку ў рэчышчы кагнітыўных практык паказала, што назоўнікі plt не толькі выражаюць аб'ектыўныя колькасныя адносіны, але і даюць магчымасць увасабляць камунікатыўныя намеры моўцы, ствараць асаблівыя стылістычныя і прагматычныя эфекты, што выбар формы ліку не заўсёды дэтэрмінуецца дэнататыўнымі характарыстыкамі слова, а з'яўляецца вынікам іх моўнай канцэптуалізацыі. Аднак функцыі множналікавых назоў-

нікаў не былі аб'ектам спецыяльнага вывучэння. У даследаванні ажыццяўляецца спроба выявіць і апісаць функцыянальны спектр беларускіх рлт на аснове аналізу іх кантэкставых ужыванняў¹.

1. **Функцыя спецыялізацыі значэння для размежавання полісеміі.** Формы множнага ліку (далей мн. л.), якія выконваюць намінацыйную функцыю, дэманструюць моўны механізм маніпуляцыі семантыкай слова з дапамогай граматычных сродкаў. Мова выбірае плюральную форму для намінацыі новага аб'екта. Напрыклад, форма мн. л. слова *крышаны* рэалізуе значэнне 'суп з нарэзанай кавалкамі бульбы', утворанае ў выніку метанімічнага пераносу ад *крышан* – *крышаны* 'нарэзаныя кавалкі чаго-н.'; *балясы* 'агароджа са слупкоў' ад *баляса* – *балясы* 'точаны фігурны слупок у агароджы' (сінекдаха); *іерогліфы* 'неразборлівы почырк' ад *іерогліф* – *іерогліфы* 'фігурны знак у сістэме ідэаграфічнага пісьма' (метафара)². Лексікаграфічнае апісанне не можа адлюстравіць усе факты лексікалізацыі як градуальнай і дынамічнай з'явы, паколькі ў слоўніках фіксуецца вынікі гэтага працэсу. Дыскурсіўна арыентаваныя даследаванні плюралізацыі «дазваляюць гаварыць пра розныя ступені і стадыі лексікалізацыі, а таксама пра сутнасць розных працэсаў (тыпы, спосабы пераходу значэнняў), якія ляжаць у аснове іх утварэння» [2, с. 143–144]. Такім чынам, семантызацыя форм мн. л. разглядаецца сучаснай навукай як працэс, абумоўлены мноствам фактараў. Гэта палажэнне добра ілюструе слова *воды*. Глумачальны слоўнік фіксуе дзве плюральныя семы: 1) 'курорт з мінеральнымі крыніцамі'; 2) 'водныя прасторы, участкі рэк, азёр, мораў' [3, с. 448]. Аналіз жа кантэкставых ужыванняў формы *воды* сведчыць, што для яе дакладнага семантыка-ідэаграфічнага апісання недастаткова такой інтэрпрэтацыі. Абсяг множналікавых лексіка-семантычных варыянтаў гэтага назоўніка значна шырэйшы.

• 'Водная маса, яе плынь, струмені, хвалі': *А калі зірнуць яшчэ глыбей, у бяздонныя беларускія воды – пераканамся, што нацыя чэрпала паляўнічую псіхалогію поўнай мераю з кожнай рачулки* (П. Севярынец). Кагнітыўнай падставай плюралізацыі ў такіх выпадках з'яўляецца не столькі прасторавае значэнне, колькі паказчык колькасці вады. У многіх кантэкстах ёсць словы, якія акцэнтуюць дэнататывую прымету 'многа': *рака несла свае глыбокія воды, бяздонныя воды; вольныя, магутныя воды, імклівыя воды, поўныя воды, хуткія воды; рака пхнула, каціла свае воды*. Часам спалучэнне лакатывага і колькаснага параметраў ('многа вады з розных тэрыторый') дазваляе ўжываць формы *воды* з квантыфікатарамі: *Цяпер вада бегла і на новым рэчышчы, і кручком, рэчка ўсё ж не наважвалася замыць сваю старую кружную дарогу, як не наважвалася пуціць усе свае воды на новым*

¹ Аналізуюцца кантэксты, выбраныя з Беларускага нацыянальнага корпуса.

² Падрабязны аналіз лексікалізацыі форм мн. л. як лінгвістычнай з'явы і мадэлей семантычнай плюралізацыі ў беларускай мове, вылучаных на аснове лексікаграфічнага матэрыялу, ажыццяўляецца аўтарам у дысертацыйным даследаванні «Словаўтварэнне, семантыка, функцыі множналікавых назоўнікаў у сучаснай беларускай мове» [1, л. 71–88].

рэчышчы (В. Казько). Трэба адзначыць, што ў падобных кантэкстах можа ўжывацца і адзіночналікавая форма. Плюральную форму, верагодна, дыктуе сінтаксічная пазіцыя, а таксама спалучальнасць. Так, напрыклад, у сказе *Рака маўкліва несла свае воды* (М. Лупсякоў) наўрад ці магчыма форма адзіночнага ліку (далей адз. л.).

• ‘Вадаёмы пэўнай тэрыторыі або дзяржавы’: *Але ж Беларусь – гэта не столькі зямля, колькі вада. «Краіна водаў і туманаў» паводле Дарыя* (П. Севярынец); *Паводле канстытуцыі ў нас нетры, воды, лясы, землі могуць знаходзіцца толькі ва ўласнасці дзяржавы; Беларускае рэспубліканскае таварыства ратавання на водах*. Плюралізацыі такіх форм спрыяе іх тэрміналагізацыя (*памежныя воды, унутраныя воды Беларусі, забароненыя воды, тэрытарыяльныя воды*).

• ‘Мінеральныя крыніцы, лекавыя воды’: *Крыніцы – месца выхаду на паверхню зямлі падземных, па народных уяўленнях, лекавых, гаючых і цудадзейных водаў* («Звязда»). Асновай плюралізацыі такіх форм з’яўляецца семантычнае прырашчэнне ‘від, гатунак’: *Пры гэтай форме хваробы рэкамендуюцца мінеральныя воды з нізкай і сярэдняй мінералізацыяй*. Відавы параметр канцэптуалізацыі вады як злічальнай субстанцыі з’яўляецца вызначальным і ў такіх сказах: *Паласавацца шклянкай бярозавіку за тагачасны пятак можна было ледзьве не ў кожным гастраноме, не гаворачы пра сталойкі, кафетэрыі, кіёскі «Сокі-воды»* («Звязда»); *І мінеральныя, і пітныя воды прыйшліся даспадобы беларускім спажывуцам* («Звязда»); *У крамы паступілі туалетныя воды серыі...* («Звязда»).

• ‘Назва курорта, дзе лечацца мінеральнымі лекавымі водамі’. Гэта фактычна другасны метанімічны перанос, які ўжо даўно даследаваны ў русістыцы (*адпачываць на водах, паехаў лячыцца на воды*). Аднак у беларускіх тэкстах ёсць прыклады выкарыстання формы *воды* для абазначэння любога курорта на паўднёвым марскім узбярэжжы (не толькі такога, дзе лечаць мінеральнымі водамі). Такое ўжыванне характэрна для гутарковай мовы. Значэнне множналікавай формы сінтаксічна звязанае, бо ўзнікае ў спалучэнні з атрыбутам *цёплыя воды*: *Бусел, журавель і чапля паляцелі на цёплыя воды, каб адпачыць ад згрызот і направіць здароўе* (Я. Колас); *Ходзіць вунь па парку, як певень той галанскі, упраўляючы наш, пуза адрасціў. Ды што б яшчэ было, калі б не ездзіў штогод сала спускаць на тые цёплыя воды* (М. Лынькоў).

• Тэрміны: *артэзіянскія воды, карставыя воды, ліўневыя воды, падземныя воды, талыя воды, тэрмальныя (геатэрмальныя) воды, дажджавыя воды, снежавыя воды, сцёкавыя воды, серавадародныя воды, пітныя воды, радонавыя воды, жалезістыя воды*. Такое ўжыванне формы *воды* характэрна для прафесійнай мовы. У прафесійнай сферы ў гэтай функцыі выкарыстоўваюцца звычайныя формы адз. л.: *Цурком, як цэд, лілася са страхі і пляскала тут, каля парога, па лужыне, што пачала ўжо збірацца, снежавая вада* (В. Адамчык). Зразумела, што форму вызначае і спалучальнасць з прыметнікам – спецыяльныя атрыбуты (*карставыя, серавадародныя,*

радоनावыя і пад.) прадвызначаюць множналікавую форму, а агульнаўжывальныя – лікавую форму ў залежнасці ад стылю. Такім чынам, форма ліку абумоўлена рознай канцэптуалізацыяй субстанцыі – наўнай або навуковай.

- Мастацка-вобразнае метафарычнае значэнне: *Імклівыя воды старой радаводнай ракі* (Л. Рублеўская); *Мы слаба ўяўляем, куды нясе воды наша бурлівая сучаснасць* (А. Мальдзіс); *Сэрфінг па вірлівых водах беларускіх медыяў вынес мяне да новага аб'екта майго пакланення* («Звязда»).

- Значэнне кванта. Характэрна для гутарковай мовы, калі плюральная форма спалучаецца з лічэбнікамі ці няпэўна-колькаснымі квантыфікатарамі: *Адзенне трэба было памыць, і то ў трох водах* (С. Яновіч); *Зніжэння колькасці радзьяцыі ў грыбах можна дасягнуць іх варкай у некалькіх салёных водах* («Звязда»). Фактычна тут рэалізуецца не паўнавартавая дэнататыўная злічальнасць рэчыўнага субстантыва, а маюць месца кампрэсіўныя сінтаксічныя канструкцыі: *адзенне трэба было памыць тры разы, кожны раз у чыстай вадзе*.

- ‘Фізіялагічныя выдзяленні падчас нараджэння дзіцяці’: *каляплодныя воды, адышлі воды*. У гэтым выпадку плюралізацыя адбываецца пад ціскам намінатыўнага стандарту лікавага афармлення назваў прадуктаў фізіялагічнай жыццядзейнасці чалавека і жывёл (*ваніты, слёзы, слінкі, смаркачы, шлак*). Магчыма, у такіх парах, як *вада – воды, газ – газы, шлак – шлакі, соль – солі* формы мн. л. «знімаюць» аманімію паміж двума недыскрэтнымі паняццямі.

Такім чынам, аналіз паказвае, што розныя лексікалізаваныя формы мн. л. адлюстроўваюць, з аднаго боку, розныя механізмы фарміравання кагнітыўных структур, з другога – розныя ступені завершанасці працэсу іх фіксацыі ў свядомасці носьбітаў мовы.

Семантызаваныя формы мн. л. дазваляюць дыферэнцаваць пераносныя значэнні полісемантаў. Напрыклад, пераноснае значэнне слова *капейка* ‘пэўная сума грошай’ рэалізуецца сінгулярнай формай, а пераноснае ацэначна-іранічнае значэнне ‘невялікія грошы’ або ‘апошнія грошы’ – плюральнай: *Не хочаш у хаце жыць – прадай, лішняя капейка не пашкодзіць* («Звязда»). – *У горадзе з мая месяца памідоры былі, а цяпер яны капейкі каштуюць, купляй колькі хочаш!* (Л. Адамовіч); *А перадалася мне гэтая хвароба ад старэйшага брата Косціка, які начытаўся паляўнічай літаратуры, наслухаўся розных манюкаў і за апошнія капейкі купіў ружжо* (С. Давідовіч).

Некарэлятыўныя формы адз. і мн. л. дыферэнцуюць значэнні лексем *астатак – астаткі*: за plr замацавалася значэнне ‘адходы вытворчасці’ (*кіслотныя астаткі*), за singularia tantum (далей sgt) – ‘апошняя частка чагосьці’ (*астатак дарогі, адпачынку, доўгу, дня*), напрыклад: *У прэс-службе падкрэслілі, што да найбольш значных праектаў можна аднесці будаўніцтва ўстаноўкі завазенага каксавання нафтавых астаткаў* («Звязда»). – *Астатак ночы паліцыянт праспалі ў солтысавай адыне* (У. Дамашэвіч).

Новае пераноснае значэнне формы мн. л. *мазгі* ‘кваліфікаваныя кадры’ рэалізуецца ў кантэкстах *уцечка мазгоў за мяжу, адток мазгоў за мяжу* і пад. Форма адз. л. замацавалася за пераносным значэннем ‘ядро, цэнтр чаго-н.’, а дэнататыўная множнасць рэфэрэнта і стылістычная маркіраванасць дэтэрмінавалі форму мн. л. як намінатыўную для другога пераноснага значэння, напрыклад: *Арыштавалі беларускую інтэлігенцыю, мозг нацыянальнага руху, яго тэарэтыкаў і практычных выканаўцаў* («Звязда»). – *Гэта сапраўдны праклён нашага часу: адток мазгоў з нашых краін у грамадстве Захаду* («Звязда»).

2. **Функцыя ацэнкі**, якая дазваляе моўцу ігнараваць рэальную колькасную інфармацыю, але актуалізаваць важную для камунікатыўнай сітуацыі ацэначную характарыстыку аб’екта намінацыі. Агульная ацэнка можа стаць інтэгральнай прыметай аб’ектаў, названых лексікалізаванай формай мн. л. Напрыклад, негатыўны ацэначны кампанент семантыкі, абумоўлены кантэкстам, з’яўляецца фактарам плюралізацыі формы *элементы* ‘прадстаўнікі якога-н. асяроддзя, грамадства’: *У Дзюсельдорфе фашысцкія і абскурантысцкія элементы распачалі раз’юшаную кампанію супраць аднаго з прагрэсіўных літаратараў ФРГ Гюнтара Граса* (В. Быкаў); *Ці не баіцеся вы, што нараджаць пачнуць асацыяльныя элементы, калі паабяцалі 10 тысяч еўра за дзіця?* («Звязда»); *Прэзідэнт Бэн Алі на ТВ звінаваціў дэструктыўныя элементы ў беспарадках, але праз гадзіну ўцёк з краіны* («Звязда»).

У некаторых выпадках ацэнка можа выконваць функцыю дыферэнцыяцыі семантыкі аднакаранёвых рознааформленых паводле ліку вытворных назоўнікаў. Так, пара суфіксальных назоўнікаў *жадункі – жаданне (жаданні)* мае агульнае значэнне, абумоўленае вытворнасцю ад дзеяслова *жадаць*, але ў семантыцы плюратыва актуалізавана ацэначная сема ‘дзіўныя жаданні, капрызы’, напрыклад: *Ён даволі капрызлівы, зменлівы. Пакупніцкія жадункі, навагоднія павевы* («Дзеяслоў»). Ацэначная функцыя плюратыва ў такіх парах, як *жадункі – жаданне, хітрыкі – хітрасць, пешчы – пшчота*, дэтэрмінуе і іх стылістычную дыферэнцыяцыю. Трэба заўважыць, што ў кантэксце і формы мн. л. у названых парах (*жаданні, хітрасці, пшчоты*) могуць набываць ацэначную функцыянальную нагрузку, аднак у плюратывах яна фармалізавана суфіксам і флексіяй і з’яўляецца дамінантнай у семантыцы.

Найбольш паказальна функцыя ацэнкі як фактар плюралізацыі выяўляецца ў назоўнікаў з канкрэтна-зборнай семантыкай, якія дэманструюць высокую ступень дэнататыўнай аргументацыі лікавай аформленасці (напрыклад, *бачалкі, бельканы, лупачы, дрыгалы, цыбалы, шкрабаны, каўтуны* і інш.)¹. Пералічаныя ацэначныя формы назваў пар ігнаруюць колькасную інфармацыю, бо яна камунікатыўна нерэлевантная, а прыяры-

---

¹ Роля ацэначнай функцыі ў лікавай аформленасці назоўнікаў на прыкладзе назваў вачэй прааналізавана аўтарам у артыкуле [4].

тэтнай з'яўляецца маўленчая ацэнка аб'екта. Такія назоўнікі дэманструюць «здольнасць чалавека аддзяляць у працэсе маўленчай дзейнасці суб'ектыўны момант ад уласна інфармацыйнага, нейтральна-фактычнага» [5, с. 18].

Ацэначнае значэнне формы мн. л. можа дэтэрмінавацца і марфемнымі сродкамі. Багаты ацэначны патэнцыял маюць дэмінітыўныя суфіксы. Прыярытэт кваліфікатыўна-ацэначнай функцыі дэмінітыўных форм мн. л. нівелюе квантытатыўнае значэнне, што спрыяе іх наміналізацыі (*вочанькі, коленкі, ноздзеркі*). У некаторых выпадках дэмінітыўныя суфіксы маркіруюць плуратывы з абстрактнай семантыкай (*смейшчкі, жартачкі*). Акрамя таго, у дэрывацыйнай сістэме рлт ёсць некалькі суфіксаў, якія адначасова «задаюць» і множналікавую флексію, і ацэначна-стылістычную функцыю. Такую спецыялізацыю выяўляюць суфікс *-ят(ы)*, які выражае пазітыўную ацэнку і канатацыі ласкальнасці, ухвальнасці (*вачаняты, пальчаняты, ручаняты, нажнаняты, маляты, маладзяты*), і суфіксы *-ас(ы)* і *-ошч(ы)* з пеяратыўнай ацэнкай (*выкрутасы / выкрунтасы, віхлясы, біліндрасы, мардасы, талабасы; любошчы, мілошчы, смакошчы*). Ацэначная функцыя названых суфіксаў мае сістэмны характар, бо не залежыць ад кантэксту, але яе экспрэсіўна-эматыўны дыяпазон кантэкстава абумоўлены.

Значную ролю ў працэсе семантычнай плуралізацыі ацэначных форм мн. л. адыгрывае нацыянальна-кагнітыўны фактар. У многіх выпадках негатыўна-ацэначны кампанент значэння лексікалізаваных форм мн. л. носіць прадказальны характар, бо пеяратыўныя канатацыі або прысутнічаюць у семантыцы ўтваральнага слова, або матывуюцца ўласцівасцямі аб'ектаў пераносу (*анучы 'ўбранне, адзенне', балясы 'рэдкаія зубы'*). Аднак ацэначна-пеяратыўныя канатацыі некаторых множналікавых назоўнікаў не вынікаюць з семантыкі ўтваральнага слова. Напрыклад, пеяратыўнае значэнне слоў *органы* 'карныя органы савецкай улады', *марцыпаны* 'занадта складаныя для прыгатавання стравы-далікатэсы' мае пазамоўную аргументацыю. Такія вытворныя з'яўляюцца вынікам складаных псіхалагічных актаў асацыяцыі і аперцэпцыі ў сукупнасці з эксплікацыяй негатыўнай эмацыйнай ацэнкі.

3. Функцыя стылістычнага маркера ў сінанімічных парах. Формы адз. і мн. л. словаўтваральных сінанімаў могуць функцыянаваць у мове як стылістычныя варыянты. Часцей стылістычна маркіраванымі з'яўляюцца плуратывы, а формы адз. л. – нейтральнымі словамі. Такую функцыянальна-камунікатыўную дыферэнцыяцыю можна назіраць у парах *парша* – *пархі*, *разлука* – *разлучыны*, *вітанне* – *вітанкі*, *мозг* – *мазгі*, *сліна* – *слінкі*, *здань* – *зданкі* і інш., напрыклад: *Барацьба з сацыяльнымі хваробамі ў БССР павінна ісці на чатырох галаўнейшых інфекцыях: туберкулёзу, сіфілісу, трахоме і грыбковых захворваннях валасоў (парша) («Звязда»).* – *Абцёр троху пархі, дык і капызіца* (Р. Барадулін.); *Разлука* з *блізкімі, любімымі, разлука* *назаўсёды і туга на іх – гэта таксама адчуванне абавязку* (Я. Брыль). – *А цяпер давайце гуляць іх прымацкія заручыны, а нашы – прымацкія разлучыны* (Я. Купала); *І табе вітанне, брат Юры, – змрочна адказаў гаспадар («Дзеяслоў»).* – *Вітанкі ўсім слухачам радыё з Брэста! (радыё);*

Калі сутыкаўся тварам у твар са смерцю, з'яўлялася энергія, імкліваець, **мозг** выдаваў думкі, што навальнічная хмара маланкі (І. Шамякін). – У галаве ўсё блыталася, **мазгі** адмаўляліся штосьці аналізаваць і ўзважваць (А. Гара); Сцёпка, глытнуўшы **сліну**, раптам на ўсю глыбіню адчуў свой пусты жы вот (В. Быкаў). – Голадна глытаючы **слінкi**, Хведар скурчыўся пад кустамі (В. Быкаў); Што ў ім засталася ад ранейшага Хведара? Цяпер ён **здань**, начны, бесцялесны прывід, ад якога жахаюцца людзі (В. Быкаў). – Высокія таполі змроку **зданкамі** ўстаюць (Я. Колас).

4. **Тэрмінаўтваральная функцыя.** Наміналізацыя формы мн. л. можа адбывацца ў выніку яе тэрміналагізацыі. Напрыклад, форма *травы* з'яўляецца рlt у функцыі гетэрагеннай назвы класа раслін: *Сезонныя алергічныя рэакцыі могуць з'яўляцца ў людзей, якія пакутуюць ад пылку дрэваў, дзесьці з сярэдзіны красавіка да сярэдзіны ліпеня; далей эстафету ўжо прымаюць складанакветныя **травы** – з ліпеня і практычна да першага снегу* («Звязда»).

Тэрміналагізацыя адбываецца ў выніку звужэння лексічнай спалучальнасці і кантэкставай ідыяматызацыі. Форма мн. л. *пошукі* наміналізуецца ў значэнні 'разведачныя работы па адшуканні карысных выкапняў' дзякуючы ўжывальнасці ў кантэкстах з адпаведнай лексікай (*разведка, разведачны; назвы выкапняў*), напрыклад: *Здзіўляе той факт, што, нягледзячы на відавочную бесперспектыўнасць **разведкі на нафту і газ**, знаходзяцца кіраўнікі, якія, сыходзячы з вузкіх інтарэсаў мясцовага патрыятызму, упарта працягваюць **пошукі**, не задумваючыся над тым, уякую капейку абыходзіць дзяржаве іх неразумная ўпартасць* (Л. Гаўрылкін).

Гетэрагенная сема 'розныя віды, аб'яднаныя агульным прызначэннем' і кантэкставая звязанасць абумовілі тэрміналагізацыю формы мн. л. *работы* ў спалучэннях з атрыбутамі *агдзелачныя, аднаўленчыя, будаўнічыя, выпраўленчыя, вышуковыя, дарожныя, доследна-канструктарскія, земляныя, кансервацыйныя, меліярацыйныя, падрыхтоўчыя, палявыя, падземныя, планавыя, праектныя; па аднаўленні, па азеляненні, па ачыстыцы, па будаўніцтве, па добраўпарадкаванні, па ліквідацыі, па мадэрнізацыі і інш.*, напрыклад: *Сумесна з Мінсельгасхарчам цэнтр вызначае стратэгію развіцця тэхнічнага забеспячэння вёскі, выконвае **навукова-даследчыя і доследна-канструктарскія работы па механізацыі, электрыфікацыі і аўтаматызацыі сельскагаспадарчых працэсаў*** («Звязда»); *Згодна з умовамі кантракта ў абавязкі Тэхнапрамэкспарта ўвойдуць праектаванне і выкананне **будаўнічых работ**, пастаўка і мантаж абсталявання, **пусканаладачныя работы і ўвод гідравузлоў у эксплуатацыю*** («Звязда»). Як бачна з прыкладаў, тэрміналагічная функцыя формы *работы* рэалізуецца найперш у публіцыстыцы, аднак актуалізацыя гетэрагеннага кампанента семантыкі дае магчымасць ужываць яе і ў іншых кантэкстах, напрыклад: ***Усе работы**, якіх было процьма, **былі мужчынскія*** (І. Федасенка); *Дзядзька Ціхон працаваў у саўгасе кавалём, але часта выконваў і **самыя далікатныя слясарныя работы*** (М. Паслядовіч).

Прыкладам плюралізацыі ў выніку рэгулярнай тэрміналагізацыі форм мн. л. могуць служыць метафарычныя назвы раслін (*званочки, боцікі, скачкі, слёзкі* і інш.) і метанімічныя назвы класаў хімічных рэчываў (*цукры, тлушчы* і інш.).

5. **Функцыя выражэння прагматыкі «модных» слоў**, якая адлюстроўвае нацыянальна-пурыстычныя тэндэнцыі ў беларускай мове. У сучасным узусе актывізаваліся плюратывы, што рэпрэзентуюць уласнабеларускія словаўтваральныя тыпы. Такія множналікавыя назоўнікі, як *шлюбавіны, разлучыны, даведзіны, паседзіны, перапросіны, прымусіны, даручыны, даследзіны, народзіны, запросіны, дакладзіны, замовіны, дамовіны, пацвердзіны, угоды, вышукі, вымогі, наездзіны*, функцыянуюць у ролі альтэрнатыўных лексічных сродкаў для ўжо наяўных, напрыклад: *Завітаў і Васіль Быкаў. Некалі ў свае наездзіны з Гародні быў чаканым гасцём у Навума* (Р. Барадулін); *Парная лічба паленцаў або штыкецін прадказвала хуткія шлюбавіны, няпарная ж – сведчыла пра тое, што бліжэйшы год давядзецца «хадзіць у дзеўках» («Звезда»); Але навошта ён паддаваўся на вымогі рэдактараў-цэнзараў* (Г. Севярынец); *Глянулі сцяжэласцю навек // І пачулі музыку разлучыны* (Р. Баравікова); *Калі і здаралася каму «падкасіць» у суседа, перапросіны наступалі адразу* (Я. Жамойцін); *Пасля выбараў мэра раз'юшаны натоўп уварваўся наўпрост у мэрыю на паседзіны* («Звезда») і інш. Ужыванне такіх назоўнікаў рlt з'яўляецца вынікам выбару моўцам нацыянальна скіраванага канкурэнтнага лексічнага варыянта і адлюстроўвае яго далучанасць да «моднага» кола носьбітаў беларускай мовы, хаця далёка не ўсе з пералічаных вышэй плюратываў трэба лічыць інавацыямі. Большасць з іх дэманструе механізм рэактывізацыі ў выніку дзеяння пурыстычных тэндэнцый, якія знаходзяць сваё выражэнне ў імкненні да рэвізіі перыферыйнай лексікі і яе нарматыўнай пераацэнкі. Узуальна ўзмацняецца камунікатыўная значнасць і такіх плюратываў, аднесеных у лексікаграфічных выданнях да ўстарэлых, як *дачыненні, запросіны, вакацыі, ловы, любошчы, варункі, таргі, пярэбары, наступствы, угоды*. Прычым актуалізацыя плюратыва можа суправаджацца пашырэннем аб'ёму яго семантыкі. Напрыклад, назоўнік *ловы* функцыянаваў у значэнні 'паляванне без зброі', у сучасным узусе ён канкурыруе з назоўнікам *паляванне* (без спецыфікацыі 'без зброі') або рэалізуе працэсуальную сему ад дзеяслова *лавіць*, напрыклад: *Урад ідзе на бяспрыкладны ў мірны час крок: з Каўказа на ловы Савіцкага перакідаецца Дзікая дывізія* (П. Малафей); *Марныя ловы таксоўкі* (А. Хадановіч).

6. **Функцыя інтэнсіфікатара дэнататыўнай ці акцыянальнай множнасці ў сінанімічных парах**. У беларускай мове выяўлены корпус сінанімічных пар, у якіх назоўнікі рlt і sgt рэалізуюць тоесную семантыку. У такіх парах, як *прычындалы – прычындалле, прыпасы – прыпас*, плюральныя флексіі фармалізуюць дэнататыўную множнасць аб'екта намінацыі, напрыклад: *Выкінь вон усе свае рыбацкія прычындалы і на рэчку больш не хадзі* (В. Шырко). – *Вадалазы прызджалі ўранні і марудліва, як на запаво-*

лених кінакадрах, выгрузалі на бераг сваё мудрагелістае **прычындалле** (У. Арлоў); *Кацярына паслала абрусок, уключыла электрычны чайнік і пачала даставаць з баульчыка брынзу, халоднае кураня, прыпасы, падрыхтаваныя, відавочна, не для мяне* (М. Лужанін). – *Прысадзісты, з рабым тварам немец раскладваў нейкі прыпас на вечку драўлянае скрыні, акуратна засланай чыстай белай цыратай* (В. Быкаў).

У парах *грымоты* – *грымота*, *прыцемкі* – *прыцемак* (*поцемкі* – *поцемак*, *суцемкі* – *суцемак*), *халады* – *холад*, *маразы* – *мароз*, *пярэпалахі* – *пярэпалах* формы мн. л. інтэнсіфікуюць акцыянальна-часавы ці акцыянальна-перцэптыўны кампанент семантыкі, напрыклад: *Мы спраўна куляліся, сумяшчалі карыснае з прыемным і адчувалі, што наступныя грымоты пужалі нас меней* (С. Давідовіч). – *Вы – дождж і грымота маланак* («Дзеяслоў»); *Бралася на прыцемкі, машын амаль не было* (Л. Гаўрылкін). – *У наваколлі браўся хуткі асенні прыцемак* (В. Быкаў); *Надышла восень, а за ёю – і першыя халады* (З. Прыгодзіч). – *Ён быў адзін сярод цемры, снегу, возера, дзікіх паўночных качак, што прынеслі з сабой паўночны холад* (К. Травень); *На дварэ стаялі лютыя маразы, вецер дзьмуў у вокны і высвістваў хату за ноч* (У. Дамашэвіч). – *Мароз стаіць сіберны, усю мінулую ноч круціла завіруха, і не дзіва, што ў хаце хоць ваўкоў ганяй* (І. Кудраўцаў); *Тарнак быў здаравенны, грудасты, шыракаплечы, і яго пярэпалахі выклікалі агульны смех* (Я. Колас). – *Хлопчыка хопіліся рانیцай. Не цяжка ўявіць пярэпалах кіраўніка турыстычнай групы* (А. Наварыч).

7. **Фразеўтваральная функцыя.** У выніку метафарызацыі і звужэння семантычнай (і сінтаксічнай) спалучальнасці формы мн. л. могуць губляць сувязь з карэлятыўнымі формамі адз. л. і станавіцца кампанентам фразеалагізаваных канструкцый, напрыклад: *Праз месяц-другі некаторыя мае сябрукі ў прымы да тутэйшых маладзіц напрыставалі* (Г. Далідовіч); *І пайшлі бабры, як бежанцы, назаўсёды ўжо прэч адсюль. У прочкі падаліся* (В. Казько); *Кіроўца пайшоў у контры, цягнуў з перадачай пасведчання і прайсці ў аўтамабіль ДАІ адмовіўся* («Звязда»); *Як маглі, так стараліся паразумецца з французамі на мігі* (К. Акула).

8. **Функцыя дыферэнцыяцыі онімаў і агульных слоў.** У выніку семантычнага пераносу могуць плюралізавацца ўласныя назвы sgt. Такая плюралізацыя, як правіла, дэтэрмінуецца дэнататыўнай множнасцю аб'екта намінацыі ці намінатыўнай аналогіяй. Напрыклад, ад прагматонімаў і тапонімаў утварыліся назвы штаноў (*бермуды, капры, лівайсы, мантаны, тэхасы*), абутку (*аляскі, адзідасы, мінімэны, оксфарды*), элементаў абутку (*трыкані*). Ад уласных назоўнікаў утварыліся тэрміны *кларкі* 'адзінка вымярэння колькасці хімічных элементаў у зямлі' (ад прозвішча вучонага Кларк) і *ваклюзы* 'карставыя крыніцы' (ад назвы дэпартамента Ваклюз у паўднёвай Францыі).

Кантэкставы аналіз функцыянавання множналікавых назоўнікаў паказвае, што ў працэсе плюралізацыі значную ролю могуць адыгрываць патэнцыяльныя семы назоўнікаў (іх імплікацыянал) і іх канататыўныя

ўласцівасці, г. зн. такія элементы значэння, якія актуалізуюцца толькі ў пэўным кантэксце. Такім чынам, у беларускай мове формы мн. л. выкарыстоўваюцца для маніпуляцыі не толькі семантыкай назоўніка, але і камунікатыўна-прагматычнымі яго параметрамі.

ЛІТАРАТУРА

1. *Семянькевіч, А. В.* Словаўтварэнне, семантыка, функцыі множналікавых назоўнікаў у сучаснай беларускай мове : дыс. ... канд. філал. навук: 10.02.01 / А. В. Семянькевіч. – Мінск, 2020. – 350 л.
2. *Лукашевич, Е. В.* Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект / Е. В. Лукашевич. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 233 с.
3. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Акад. навук Беларус. ССР, Ін-т мовазнаўства ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : Беларус. Сав. Энцикл., 1977. – Т. 1. – 608 с.
4. *Семянькевіч, А. В.* Ацэначная функцыя назоўнікаў як фактар іх граматычнай плюралізацыі (на прыкладзе назваў вачэй чалавека) / А. В. Семянькевіч // Роднае слова. – 2018. – № 4. – С. 41–43.
5. *Паўлоўская, Н. Ю.* Катэгорыя мадальнасці ў сучаснай беларускай мове / Н. Ю. Паўлоўская. – Мінск : Мін. дзярж. лінгвіст. ун-т, 2001. – 206 с.

Поступила в редакцию 18.10.2023

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

УДК 811.581.11

Юй Вэй

аспирант кафедры общего языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Yu Wei

PhD student of the Department of General
Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
lanyiqiu@163.com

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ
ФИНАНСОВЫХ НАИМЕНОВАНИЙ В КИТАЙСКОМ
И РУССКОМ ЯЗЫКАХ****DEVELOPMENT TENDENCIES AND THEMATIC CLASSIFICATION
OF FINANCIAL NAMES IN CHINESE AND RUSSIAN**

В статье рассматриваются изменения в составе финансовых наименований китайского языка конца XX – начала XXI века и их русских эквивалентов. В результате анализа корпуса финансовых наименований, различающихся в Русско-китайском экономическом словаре (1984) и Русско-китайском внешнеторговом и внешнеэкономическом словаре (2014), определены основные их тематические разряды, а также количественная и качественная динамика финансовой терминологии.

Ключевые слова: динамика, финансовое наименование; словарь, тематическая область, китайский язык; русский язык.

The article deals with the changes in the corpus of Chinese financial names in the last decades of the 20th and the beginning of the 21st century and their Russian equivalents. As a result of the analysis of differences in the corpora of Russian-Chinese Economic Dictionary (1984) and Russian-Chinese Foreign Trade and Foreign Economic Dictionary (2014), the main thematic divisions of financial names and their quantitative and qualitative dynamics are determined.

Key words: dynamics, financial names; dictionary, thematic sphere, Chinese; Russian.

С 1980-х XX века до настоящего времени государства постсоветского региона и Китай претерпели радикальные изменения, затронувшие все сферы жизни общества, особенно политической и экономической. Произошли изменения в лексических системах русского и китайского языков [1, с. 62]. Как наиболее чувствительный и активный элемент языка, лексика быстрее всего реагирует и непосредственно отражает социальную жизнь [2, с. 96]. Как отмечал советский лингвист И. Ф. Протченко, «язык богат вариациями в своем словарном составе, и различные социальные условия и воздействия, которые очень ярко отражаются в языке, наиболее концентрируются в словарном составе» [3, с. 175]. Названный период характеризуется также и интенсивным развитием финансового сектора, что неизбежно нашло отражение в финансовой лексике – финансовых наименованиях.

На основе сравнительного анализа данных Русско-китайского экономического словаря (1984) [4] (далее РКЭС-1984) и Русско-китайского внешне-торгового и внешнеэкономического словаря (2014) [5] (далее РКВЭС-2014) рассматривается динамика изменений состава отдельных тематических групп финансовых наименований. Выбор в качестве источников фактического материала именно этих словарей обусловлен их сопоставимостью как по объему, так и принципам отбора и широте охвата представленных в них наименований.

РКЭС-1984 – это всеобъемлющий экономический словарь, содержащий более 55 000 статей, охватывающих политическую экономию, мировую экономику, национальную экономику, промышленность, сельское хозяйство, внешнюю торговлю, финансы, транспорт, страхование, статистику, право, туризм и другие аспекты. РКВЭС-2014 насчитывает около 5 000 тематических терминов и 45 000 словосочетаний и включает тематические термины и соответствующие словосочетания, относящиеся к промышленности, сельскому хозяйству, внешней торговле, финансовой хозяйства, бухгалтерскому учету, финансам, ценным бумагам, электронной коммерции, маркетингу, транспорту, налогообложению, страхованию, праву, рекламе, туризму, информационным технологиям и другим аспектам экономики и торговли.

Финансовые наименования, которые мы здесь обсуждаем, есть наименования всех видов экономической деятельности, связанной с финансированием и кредитованием. Сравн.: «Финансы в узком смысле относятся исключительно к финансированию и кредитованию, в то время как финансы в широком смысле относятся ко всем видам экономической деятельности, связанной с финансированием и кредитованием» [6].

На основе этого критерия на первом этапе было отобрано 1789 финансовых наименований¹ из РКЭС-1984 и 2239 – из РКВЭС-2014. Далее, на втором этапе, из полученного на первом этапе корпуса были извлечены 238 групп финансовых наименований, включенных в РКЭС-1984, но отсутствующих в РКВЭС-2014, и 682 группы финансовых наименований, имеющих РКВЭС-2014, но отсутствующих в РКЭС-1984. Полученные количественные данные позволяют судить об интенсивности произошедших в исследуемый период изменений в составе финансовых наименований в китайском языке и их русских соответствий.

---

¹ В данном случае правильнее говорить о группах наименований, так как одна словарная статья, как правило, включает несколько китайских наименований, соответствующих одному русскому наименованию. Это обусловлено особенностями лексической организации китайского языка. В результате в анализируемых словарях семантика одного русского финансового наименования часто передается несколькими китайскими синонимичными наименованиями, либо отдельными наименованиями (номинативными единицами), соответствующими отдельным конкретным значениям общего русского наименования. Отчасти это обусловлено, возможно, и особенностями китайской иероглифической графики, позволяющие детализировать семантику в пределах одного наименования [10, 81].

РКЭС-1984 был составлен в период, когда в Советском Союзе существовала плановая система в экономической сфере, характеризующаяся высокой степенью централизации, что сдерживало экономическое развитие в целом, в том числе и финансовой сферы [7, с. 62]. Экономическая система Китая этого периода была схожа с советской, что также являлось сдерживающим фактором для развития финансовой системы как основного элемента экономики. РКВВС-2014 в то время, когда и Россия, и Китай пережил вскоре бурное экономическое развитие появление большого количества финансовых наименований, о чем свидетельствует включение новых финансовых наименований в РКВВС-2014, не зафиксированных в РКЭС-1984.

Исследованный языковой материал также позволяет охарактеризовать тематическое разнообразие китайских и русских финансовых наименований, представленных только в одном из исследованных словарей, а также их количественную динамику, что может служить языковым маркером наиболее динамично развивающихся сфер и видов финансовой деятельности (см. таблицу 1). Так, все исследованные в статье финансовые наименования условно распределены по пяти тематическим группам:

- наименования финансовых организаций (наименования банков, корпораций, учреждений и других организаций, осуществляющих финансовую деятельность);
- наименования валют;
- наименования, связанные с финансовыми действиями, состояниями и процессами;
- наименования финансовых документов;
- наименования лиц по роду финансовой деятельности.

Т а б л и ц а 1

Соотношение тематических групп финансовых наименований

Тематическая группа	1984	2014	2014	1984
финансовые организации	141 (59,24%)	×	52 (7,63%)	×
Валюты	33 (13,87%)	×	62 (9,09%)	×
финансовые действия, процессы и т.д.	39 (16,39%)	×	423 (62,02%)	×
финансовые документы	12 (5,04%)	×	67 (9,82%)	×
лица по роду финансовой деятельности	13 (5,46%)	×	78 (11,44%)	×
Итого	238 (100%)	×	682 (100%)	×

Из таблицы видно, что 238 финансовых наименований из РКЭС-1984 не включены в РКВВС-2014, из них: 141 (59,24 %) – наименования финансовых организаций, 33 (13,87 %) – наименования валют, 39 (16,39 %) – наимено-

вания финансовых действий, состояний и процессов, 12 (5,04%) – наименования финансовых документов, 13 (5,46%) – наименования лиц по роду финансовой деятельности. В то же время в РКВВС-2014 включены 682 новых наименования, относящиеся к сфере финансовой деятельности, из которых: 52 (7,63 %) – наименования финансовых организаций, 62 (9,09 %) – наименования валют, 423 (62,02 %) – наименования финансовых действий, состояний и процессов, – 67 (9,82 %) наименования финансовых документов, – 78 (11,44 %) наименования лиц по роду финансовой деятельности. Приведенные в таблице цифровые данные хорошо иллюстрируют изменения в соотношении количества наименований различных тематических групп, не включенных в РКВВС-2014 из РКЭС-1984, и новых наименований, представленных только в РКВВС-2014. Так, наибольшее число в РКВВС-2014 наименований из РКЭС-1984 (59,24 % от общего числа не включенных в РКВВС-2014 наименований) относится к названиям финансовых организаций, в то время как новые наименования организаций, включенные только в РКВВС-2014, составляют только 7,63 % от общего числа наименований, представленных в РКВВС-2014. В то же время число не вошедших из РКЭС-1984 в РКВВС-2014 наименований финансовых действий, процессов и т.д. составляет только 16,39 %, а число новых наименований действий, процессов и т.д. включенных только в РКВВС-2014 – 62,02 %. Как представляется, эти цифры хорошо иллюстрируют направление развития современных приоритетных сфер финансовой деятельности.

Что касается наименований финансовых организаций, то РКЭС-1984 фиксирует, главным образом, наименования конкретных финансовых организаций в разных странах. рус. *АБР* (Африканский банк развития) – кит. 非洲开发银行 fei zhou kai fa yin hang; рус. *Цекомбанк* (Центральный коммунальный банк СССР) – кит. 苏联中央公用事业银行 su lian zhong yang gong yong shi ye yin hang; *РКБ* (Российский коммерческий банк для внешней торговли) – кит. 俄罗斯对外贸易银行 e luo si dui wai mao yi yin hang и т.д.

При этом почти половина таких наименований называют финансовые учреждения США, СССР и Японии (68 наименований). Сравн.: рус. *Американский банк развития* – кит. 美洲开发银行 mei zhou kai fa yin hang; рус. *Америкэн форин кредит корпорейшн* – кит. 美国国外信贷公司 mei guo guo wai xin dai gong si; рус. *Мицубиси синтаку* – кит. 三菱信托公司 san ling xin tuo gong si; рус. *Ямаити* – кит. 山一证券公司 shan yi zheng quan gong si; рус. *Гознак* – кит. (苏联财政部 su lian cai zheng bu) 国家货币与勋章制造管理局 guo jia huo bi yu xun zhang zhi zao guan li ju; рус. *Московский народный банк – Московский народный банк* – 莫斯科国民银行 mo si ke guo min yin hang. Подобная ситуация в определенной степени отражает тот факт, что Китай в то время осуществлял

свою финансовую деятельность в основном с США, Японией и Советским Союзом. Это было связано с тем, что, с одной стороны, США и Япония были наиболее экономически развитыми капиталистическими странами, а Китай находился на ранней стадии реформ и открытий, пытаясь сохранить при этом путь строительства социализма с китайскими характеристиками в соответствии с условиями Китая и поэтому вынужден был осваивать передовой опыт развития капиталистических стран. Советский Союз, с другой стороны, был наиболее развитым из сообщества социалистических стран и примером опыта социалистического развития.

РКВВС-2014, в свою очередь, акцентирует внимание на названиях родовых финансовых учреждений, таких как: рус. *автобанк* – кит. *汽车工业银行* qì che gong ye yin hang, рус. *банк-дилер* – кит. *经纪银行* jing ji yin hang, *经销行* jing xiao hang, *代理行* dai li hang; рус. *банк-учредитель* – кит. *母行* mu hang; рус. *расчетно-длинговый центр* – кит. *结算交易中心* jie suan jiao yi zhong xin, рус. *трасткомпания* – кит. *信托公司* xin tuo gong si и под.

Что касается финансовых наименований, связанных с валютой, то РКЭС-1984 включает ряд финансовых наименований, связанных с деньгами, которые постепенно вышли из употребления в связи с реформами и изменениями в политической экономике некоторых стран и регионов, например, рус. *пфенниг* (название немецкой монеты, равное 1 % марки) – кит. *芬尼* fen ni (*德国辅币名* de guo fu bi ming, *等于百分之一马克* deng yu bai fen zhi yi ma ke); рус. *совзнак* – кит. (*1924年前的* 1924 nian qian de) *苏维埃纸币* su wei ai zhi bi. Такие устаревшие наименования, как правило, уже не включаются в РКВВС-2014, в котором в то же время представлены наименования валют значительно большего количества стран и регионов, что в определенной степени отражает более широкий географический охват международных финансовых операций в русскоязычных обществах и Китае с течением времени, а также возникновение новых, нередко экзотических, валют в результате глобальных политических реформ и событий, например: рус. *агора* – кит. *阿高洛* a gao luo (*以色列辅币名* yi se lie fu bi ming); рус. *евро* – кит. *欧元* ou yuan; рус. *манат* – кит. *玛纳特* ma na te (*阿塞拜疆* a sai bai jiang, *土库曼斯坦本币名* tu ku man si tan ben bi ming); рус. *тенге* – кит. *坚戈* jian ge (*哈萨克斯坦本币名* ha sa ke si tan ben bi ming, *土库曼斯坦辅币名* tu ku man si tan fu bi ming, *等于1 %马纳特* deng yu 1 % ma na te).

В целом РКВВС-2014 включает в свой состав гораздо больше финансовых наименований финансовых операций по сравнению с РКЭС-1984. Это обусловлено, на наш взгляд, тем, что в 1980-е годы прошлого столетия и русскоязычное общество, и Китай еще развивались в закрытых социалисти-

ческих экономических системах, и финансовая деятельность в основном ограничивалась операциями между крупными государственными банками внутри страны и между крупными государственными банками и иностранными банками, что существенно ограничивало число самих финансовых операций. Кроме того, отсутствие современных способов и средств передачи информации (например, мобильных средств коммуникации), также ограничивало и возможности осуществления тех или иных финансовых операций. Именно поэтому в РКЭС-1984 отсутствуют наименования финансовых операций и действий, осуществляемых с помощью мобильных телефонов и других современных средств связи. Это хорошо иллюстрируют следующие примеры: рус. *тикер* – кит. (英 ticker) (股票行情 gu piao hang qing) *自动收录显示器* zi dong shou lu xian shi qi, *自动报价器* zi dong bao jia qi ‘электронная система, дающая информацию о финансовых инструментах, их стоимости и объемах сделок’ [11]; рус. *инвестиция* – кит. *投资* tou zi; рус. *ОБС* (особое валютное совещание) – кит. *特别货币会议* te bie huo bi hui yi; рус. *аппарат-банкомат* – кит. *柜员机* gui yuan ji (用信用卡办理各种业务的电脑装置 yong xin yong ka ban li ge zhong ye wu de dian nao zhuang zhi) и под.

В настоящее время постсоветские государства и Китай развивают рыночную экономику, бизнес в области финансовой деятельности стал доступным для простых людей и очень широким и разнообразным по видам и масштабам деятельности. Это обусловило появление и распространение большого количества новых наименований, связанных с финансовой деятельностью, например: рус. *акционеризация* – кит. *实行股份制* shi xing gu fen zhi, *推行* tui xing (国有企业的 guo you qi ye de) *股份制改造* gu fen zhi gai zao; рус. *аудирование* – кит. *查账* cha zhang, *审计* shen ji; рус. *бессирование* – кит. (上市证券 shang shi zheng quan) *跌价* die jia; рус. *еврозона* – кит. *欧元区* ou yuan qu; рус. *страховая наценка* – кит. *保险加价* bao xian jia jia (因付保险费对商品价格的加价 yin fu bao xian fei dui shang pin jia ge de jia jia), *加算保险费* jia suan bao xian fei; рус. *овердрафт ностро* – кит. *往账透支* wang zhang tou zhi, *我方账户透支* wo fang zhang hu tou zhi; рус. *отмычка денег* – кит. *洗钱* xi qian и т.д.

По этим же причинам РКВВС-2014 значительно богаче и в плане наименований финансовых документов и наименований лиц по роду финансовой деятельности, поскольку русскоязычные общества и Китай перешли от модели закрытой плановой экономики к модели рыночной экономики, где финансы являются основой современной экономики [12, с. 1], что потре-

бовало детальной разработки финансовой политики и связанной с ней документации как способа регулирования финансовой деятельности. По мере того, как финансовая деятельность продолжает активно развиваться и совершенствоваться, классификация профессий естественным образом становится все более усовершенствованной вместе с ней. Это определяется разделением труда в обществе, и чем более развита отрасль, тем более усовершенствованной будет ее классификация. Сравн., например: рус. *обязательное право* – кит. *债法 zhai fa (民法的一部分 min fa de yi bu fen)*; рус. *пункт о предварительной оплате* – кит. *预付款条款 yu fu kuan tiao kuan*; рус. *арбитражер* – кит. *套汇者 tao hui zhe, 套利者 tao li zhe, 套购者 tao gou zhe*; рус. *ваучерист* – кит. *私股证券转卖者 si gu zheng quan zhuan mai zhe, 私股证券商 si gu zheng quan shang (贩 fan)*; рус. *ликвидант* – кит. *清算债权人 qing suan zhai quan ren* и т.д.

РКВВС-2014 также существенно отличается от РКЭС-1984 с точки зрения отражения в них финансовых наименований, называющих процессы финансовой деятельности, на долю которых приходится более 62 % новых наименований, например: рус. *абшлюс* – кит. *冲账 chong zhang*; рус. *акционирование* – кит. *实行股份制 shi xing gu fen zhi (对国有企业 dui guo you qi ye) 进行股份制改造 jin xing gu fen zhi gai zao*; рус. *дефолт* – кит. *(英 default) 违约 wei yue, 不履行 bu lv xing (合同等 he tong deng), 拖欠 tuo qian (债务等 zhai wu deng), (银行 yin hang, 政府 zheng fu) 拒付 ju fu, 无力支付 wu li zhi fu (内债 nei zhai, 外债及其利息 wai zhai ji qi li xi), 总破产 zong po chan, 全面崩盘 quan mian beng pan*); рус. *платеж по клирингу* – кит. *清算支付 qing suan zhi fu, 划拨支付 hua bo zhi fu*.

Исследованный материал показывает, что динамическое развитие системы финансовых наименований в русском и китайском языках в основном связано с быстрым экономическим развитием русскоязычного общества и Китая в новом столетии и, соответственно, стремительным развитием финансовой деятельности как основного показателя экономики. Постепенное расширение финансовой деятельности с крупных финансовых учреждений на учреждения местного уровня, а также появившаяся возможность каждого участвовать в финансовой деятельности и привело к быстрому финансовому развитию и увеличению количества финансовых продуктов. Следовательно, чем более развит финансовый сектор, тем более тонким становится разделение финансовой деятельности, что находит свое языковое выражение в интенсивном пополнении корпуса финансовых наименований и усложнении их тематической классификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чжэн Цюсюй. Обсуждение экономических изменений в России и обновление русского экономического лексикона / Чжэн Цюсюй // Вестн. ун-та междунар. бизнеса и экономики. – 2001. – № 3. – С. 62–64. (郑秋秀, 浅谈俄罗斯经济变革与俄语经济词汇的更新, 对外经济贸易大学学报, 2001年第三期, 62–64.)
2. Цзян Чжаньмин. Изменения в русской экономической лексике и терминологии в новый период и их социальные причины / Цзян Чжаньмин // Исследования в области преподавания иностранных языков. – Мат. XI еж. конф. Хэйлунцзянского общ-ва ин. яз. / Хэйлунцзянское общ-во ин. яз.; редкол.: Юй Юефа (гл. ред.) [и др.]. – Харбин, – 1997. – С. 96–101. (姜占民, 新时期俄语经济词汇、术语的变化及其社会原因, 外语语言教学研究—黑龙江省外国语学会第十一学术年会论文集, 黑龙江外语学会, 哈尔滨, 1997, 96–101).
3. Ян Хун. Исследование меняющихся характеристик развития лексики современного русского языка / Ян Хун // Вестн. Сев.-зап. ун-та науки и технологии сель. и лес. хоз. Серия по общественным наукам. – 2004, – № 5. – С. 175–176. (杨宏, 现代俄语词汇发展变化的特点研究, 西北农林科技大学学报 (社会科学版) 2004年, 第5期, 175–176).
4. 俄汉经济词典 (Русско-китайский экономический словарь). – Пекин : Пекинское изд-во, 1984. – 989 с. (на кит. яз.).
5. 俄汉国际经贸词典 (Русско-китайский внешнеторговый и внешнеэкономический словарь). – Пекин : Коммерческая пресса, 2014. – 1035 с. (на кит. яз.)
6. Энциклопедия рыночной экономики (верхний том), – Пекин : Изд-во «Энциклопедия Китая», 1998, – 737 с) (陈岱孙, 市场经济百科全书 (上), 中国大百科全书出版社, 1998年, 737页).
7. Чжэн Цюсюй. Краткое обсуждение экономических изменений в России и обновление российских экономических слов / Чжэн Цюсюй // Вестн. Ун-та междунар. бизнеса и экономики // – 2001, – № 3. – С. 62–64 (郑秋秀, 浅谈俄罗斯经济变革与俄语经济词语的更新, 对外经济贸易大学学报, 2001年第三期, 62, 62–64).
8. Лян Сюэцю. Исследование китайско-российского финансового сотрудничества и будущего развития / Изучение и исследование // – 2020. – № 2. – С. 125–130 (梁雪秋, 中俄金融合作及未来发展研究, 学习与探索, 2020年第二期, 125–130)

9. Сюй Янь. Социальные факторы придают русскому языку современный колорит / Ж-л Аньянского нормального колледжа // – 2004 г. – № 3. – С. 131–133, (徐琰, 社会因素赋予俄语语言的时代色彩, 安阳师范学院学报, 2004年第3期, 131, 131–133).
10. Юй Вэй. Об особенностях семантических соотношений между русскими и китайскими финансовыми наименованиями / Юй Вэй // Пути поднебесной: сб. науч. тр. Вып. IX. Минск, 1–2 марта 2022 г. / Минск. гос. лингвист. ун-т; редкол.: А. Н. Гордей (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2022. – С. 80–85.
11. Словарь финансово-экономических терминов. – М. : Изд.-торг. корп. «Дашков и К°», 2015. – 1168 с.
12. Хэ Донгжен. Финансы – основа современной экономики / Хэ Донгжен // Финансы и торговля. – 1997. – № 12. – С. 1. (何东仁, 金融是现代经济的核心, 财金贸易, 1997年第12期, 第1页)

Поступила в редакцию 25.11.2022

ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'33

Жданович Марья Артуровна
преподаватель кафедры теории
и практики перевода №1
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Marya Zhdanovich
Lecturer at the Translation & Interpreting
Theory and Practice Department № 1
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
zma@tut.by

**КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ ПО СЛОВАРНЫМ ДЕФИНИЦИЯМ
КАК СПОСОБ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ТЕРМИНОЛОГИИ
(на материале предметной области «Информационные технологии»)**

**COMPONENT ANALYSIS OF DICTIONARY DEFINITIONS
AS A WAY OF TERMINOLOGY SYSTEMATIZATION PROCESS
(Based on the «Information Technology» Domain)**

Статья посвящена проблеме систематизации терминологии в рамках решения задачи разработки компьютерного словаря предметной области «Информационные технологии» (ИТ). Приводятся результаты компонентного анализа отобранных 919 однословных терминов предметной области ИТ, направленного на выявление понятийных компонентов и установление парадигматических отношений между ними. Обосновывается определение 38 систематизирующих кластеров исследуемой предметной области для построения классификационной схемы понятий и создания лингвистической базы данных разрабатываемого компьютерного терминологического словаря.

Ключевые слова: термин; систематизация; понятийный компонент; кластер; моделирование; компьютерный словарь; схема понятий.

The article is focused on the problem of terminology systematization as a part of the development of a computer dictionary on Information Technology. The results of the component analysis of 919 extracted one-word lexical units of the IT domain are given. The analysis is aimed at identifying conceptual components and establishing paradigmatic relationships between them. 38 systematising clusters of the IT domain are defined to create a classification scheme of concepts and to develop a linguistic database for a computer dictionary of terminology.

Key words: term; systematization; conceptual component; cluster; modelling; computer dictionary; scheme of concepts.

Разработка компьютерных терминологических словарей в настоящее время приобретает особую актуальность и востребованность. Как отмечают специалисты в области лексикографии (С. В. Гринев, Ю. Н. Марчук, В. Д. Табанакова), чтобы получить качественный словарь, необходимо провести предварительную систематизацию терминологии предметной области. Анализ ряда исследований в области терминографии позволил установить, что для эффективной систематизации терминологии активно используется моделирование как метод лингвистических исследований.

В современной прикладной лингвистике актуальным направлением компьютерной терминографии является тезаурусное моделирование, отличительная особенность которого заключается в представлении лексического состава языка в виде систематизированных групп слов. Моделирование тезауруса как способа систематизации терминологии предполагает реализацию трех основных этапов [1, с. 126–127]: установление родовидовых, партитивных и ассоциативных отношений между терминами, построение иерархической классификационной схемы понятий, состоящей из кластеров, и распределение терминологической лексики между кластерами.

В отличие от общепринятых видов тезаурусов, которые отображают иерархические, синонимические, антонимические и другие отношения между лексическими единицами, в разрабатываемом компьютерном словаре ставится задача отобразить системность терминологии на основе общности понятийной структуры терминов. Такой способ представления лексики способствует формированию терминологической компетенции у современного специалиста и повышению качества профессиональной коммуникации посредством предоставления информации о понятийной структуре терминов, общих понятийных компонентах между терминами и их кластерной принадлежности. Кроме того, разрабатываемый компьютерный словарь позволит проводить автоматическую обработку специальных текстов с целью визуализации их понятийного содержания с помощью облака терминов, а также автоматическое определение места новых терминов в понятийном пространстве предметной области.

Представленное исследование по систематизации терминологии в рамках решения задачи разработки компьютерного словаря проводилось на материале терминологии предметной области «Информационные технологии» (ИТ), которая характеризуется стремительным темпом развития, что влечет за собой регулярные изменения ее терминологической составляющей. Материалом для исследования послужил 821 однословный термин, отобранный методом сплошной выборки из стандарта «Information technology – Vocabulary»: ISO/IEC 2382:2015 [2], и 98 терминов, извлеченных посредством метода семантико-статистического анализа из созданного корпуса текстов научных статей современных англоязычных журналов, изданных в период с 2016 по 2019 годы, а также из корпуса текстов руководств по эксплуатации новейшего программного обеспечения компании Microsoft за 2019 год.

Решение поставленной задачи по систематизации терминологии с помощью метода тезаурусного моделирования предполагает на первом этапе построение иерархической классификационной схемы понятий, состоящей из кластеров. На основе изученных работ установлены два основных подхода к разработке схемы понятий некоторой предметной области: ономаσιологический, т.е. с опорой на внеязыковую, или экстралингвистическую картину предметной области [1; 3], и семасиологический, т.е. с опорой на анализ

понятийного содержания отдельных терминов выбранной предметной области [4]. Применение второго способа представляется объективным в силу двух обстоятельств: во-первых, при ономаσιологическом подходе отмечается влияние мировоззрения автора словаря на общую схему тезауруса, а во-вторых, описание языковых феноменов с помощью заранее заданных логических схем существенно огрубляет знания об изучаемом феномене [5, с. 25].

В рамках семасиологического подхода для анализа понятийного содержания терминов при создании иерархической классификационной схемы как способа представления понятийного пространства предметной области ИТ в компьютерном терминологическом словаре наиболее целесообразным представляется использование метода компонентного анализа на основе словарных дефиниций. Следует отметить, что среди лингвистов нет единства взглядов относительно методики выделения содержательных компонентов значения. По мнению Т. З. Зевахиной, методика реализации компонентного анализа зависит от целей исследования и может варьироваться [6]. Ряд исследователей, например Ю. Д. Апресян, А. Вежбицкая, Ч. Дж. Филлмор, А. М. Кузнецов и др., опираются на идею о том, что язык может быть описан с помощью небольшого набора компонентов значения и допускают высокую степень обобщения на основе анализа собственного опыта и представлений об исследуемых объектах. Принимая во внимание, что данное исследование направлено на анализ терминологической лексики, а не общеупотребительной, необходимо учитывать, что одно из основных отличий термина от нетермина заключается в том, что термин – это лексическая единица, обозначающая специальное понятие [3, с. 7]. Следовательно, в составе терминологической системы предметной области термины через систему понятий репрезентируют объективную действительность. Поэтому в проводимом исследовании предлагается такая методика реализации компонентного анализа, которая позволила бы установить компоненты значений на основе анализа понятийного содержания терминов исключительно с опорой на специальные словари и построить классификационную иерархическую схему предметной области, которая может быть положена в основу организации лексики в компьютерном терминологическом словаре. При предлагаемом методе систематизация терминов осуществляется на основе интегрирующих понятийных компонентов.

В представленном исследовании компонентный анализ проводился для решения двух задач: для выявления понятийных компонентов терминов и для создания иерархической классификационной схемы предметной области на основе полученной понятийной структуры.

В целях решения первой задачи по установлению наиболее полного понятийного содержания терминов представляется целесообразным использовать метод обобщения словарных дефиниций, который позволяет установить максимальное количество понятийных компонентов [7]. В качестве

источника дефиниций отобраны шесть новейших англоязычных толковых терминологических словарей предметной области ИТ с 2002 по 2016 г. издания [8–13]. Кроме того, проанализированы дефиниции, содержащиеся в стандарте «(Information Technology – Vocabulary): ISO/IEC 2382:2015 [2]. Таким образом, из семи источников методом обобщения словарных дефиниций отобраны 6319 дефиниций исследуемых 919 лексических единиц (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Результаты отбора дефиниций из терминологических словарей¹

Источник дефиниций	Количество дефиниций
Information technology. Vocabulary : ISO/IEC 2382:2015(en) [2]	963
Oxford Dictionary of Computer Science [8]	704
Dictionary of Computing [9]	846
Dictionary of ICT [10]	1018
Dictionary of Computer and Internet Terms [11]	479
Microsoft Computer Dictionary [12]	869
Dictionary of Computer and Internet Terms [13]	1440
Всего	6319

На основе анализа работ, посвященных проблеме реализации метода обобщения словарных дефиниций и с учетом прикладного характера проводимого исследования целесообразным представлялось определить следующие этапы выделения понятийных компонентов отобранных 919 лексических единиц для анализа их понятийной структуры на основе дефиниций:

1) определить все специальные понятия, обозначаемые каждым отобранным термином предметной области ИТ;

2) выделить из дефиниций лексические единицы, которые непосредственно отображают понятийное содержание термина; в представленном исследовании данные единицы обозначены как вербальная фиксация понятийного содержания термина, которая включает в себя формулировку необходимых и достаточных признаков понятийного содержания терминов [14, с. 150];

3) осуществить поиск элементов вербальной фиксации понятийного содержания терминов в толковых словарях с целью установления их принадлежности к понятийному пространству исследуемой предметной

¹ Например, термин *interface* зафиксирован во всех словарях. В стандарте он имеет одну дефиницию, в словарях [8–10] – по 5 дефиниций, в словаре [11] – 1 дефиницию, в словаре [12] – 3 дефиниции, а в словаре [13] – 8 дефиниций.

области. В случае, если элемент вербальной фиксации обозначает специальное понятие исследуемой предметной области, выделить на его основе понятийный компонент;

4) на основе выделенных понятийных компонентов определить понятийную структуру отобранных терминов.

Проиллюстрируем этапы выделения понятийных компонентов на примере термина *memory*. Данный термин представлен в стандарте [2] и в шести словарях [8–13], в каждом из которых зафиксировано одно значение в следующих дефинициях:

1) *all of the addressable storage space in a processing unit and all other internal storage that is used to execute instructions* [2];

2) *a device or medium that can retain information for subsequent retrieval* [8];

3) *storage space in a computer system or medium that is capable of retaining data or instructions* [9; 10];

4) *the space within a computer where information is stored while being actively worked on* [11];

5) *a device where information can be stored and retrieved* [12];

6) *any temporary storage space used within or in conjunction with a computer* [13].

На основе компонентного анализа выявлена следующая понятийная структура термина *memory*: *device, processing unit / central processing unit, storage, computer system, computer, to store, to obtain*.

Проведенный таким образом компонентный анализ 6319 дефиниций позволил установить понятийную структуру отобранных 919 терминов и выделить 755 интегральных понятийных компонентов значений, которые послужили основой моделирования.

В целях решения второй задачи компонентного анализа по определению кластеров для построения классификационной схемы понятий были установлены парадигматические отношения между выявленными 755 понятийными компонентами. Как отмечается в [1, с. 54–55], в терминологии фундаментальными являются иерархические отношения, что подтверждается результатами проведенного анализа: 71 % из 755 понятийных компонентов определяется посредством родовидовых дефиниций и 16 % – посредством партитивных дефиниций. В незначительном количестве также установлены квазиродовые (2,3 %), описательные (4,1 %) и трансформационные (6,8 %) дефиниции.

Поскольку среди анализируемых дефиниций преобладают родовидовые и партитивные дефиниции, устанавливались холонимы и меронимы наивысшего порядка в рамках выбранной предметной области. В результате проведенного анализа родовидовых и партитивных отношений получено 278 понятий наивысшего порядка. Например, для понятий, входящих в структуру термина *memory*, установлены следующие гиперо-гипонимические ряды:

- *storage* → **device** → *any printer, storage, display, input, or output mechanism*
- *central processing unit* → *computational and control unit of a computer* → *computer* → **device** → *any printer, storage, display, input, or output mechanism*
- **computer system** → *central processor with storage and associated peripherals*
- *computer* → **device** → *any printer, storage, display, input, or output mechanism*
- **to store** → *to enter or retain information*
- *to retrieve* → **to obtain** → *to get or receive*

В данных рядах конечными терминами, которые не дефинируются посредством явно выраженного родового термина предметной области ИТ, являются *device, computer system, to store, to obtain*, следовательно, они представляют собой гиперонимы наивысшего порядка в рамках ИТ.

В целях объединения гиперонимов и холонимов в кластеры, необходимо определить неиерархические отношения между ними. В результате проведенного исследования по установлению неиерархических отношений между выявленными понятиями наивысшего порядка определено количество понятийных компонентов, объединенных такими семантическими связями как действие – инструмент (26), действие – объект (16), действие – результат (14), действие – состояние (8), место – действие (10), объект – пространство (4), пространство – действие (2), свойство – объект (4), способ – действие (10), условие – действие (2), а также отношениями синонимии (10) и антонимии (2).

На основании установления парадигматических отношений между 755 понятийными компонентами выявлено 38 систематизирующих кластеров, которые вместе с входящими в их состав понятийными компонентами образуют иерархическую классификационную схему предметной области ИТ (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Кластеры, образующие понятийное пространство предметной области ИТ

Кластер	Кол-во понятийных компонентов	Кластер	Кол-во понятийных компонентов
hardware	109	condition / state / status	11
data / information	97	person	10
to alter / to change	56	statement	10
structure	39	to check	10
quantity	35	to store	9
language	34	reasoning	8

software	25	to operate	8
to change / to move	24	to protect	8
telecommunications	22	manipulation / to manipulate	5
to connect / to link / connection / link	17	problem	5
action / event	15	access	4
characteristic	15	computer science	3
types of data / information	15	time	3
computer graphics / graphics	14	process / task	2
file	14	to search	2
system	14	to assign / to define	2
to arrange	14	to choose	2
to create	12	to enter / to type	2
to represent	12	to use	1

Таким образом, второй этап тезаурусного моделирования, или автоматическое распределение терминов между кластерами, реализуется посредством понятийных компонентов, которые составляют их понятийную структуру. В качестве примера приведем проанализированный ранее термин *memory*.

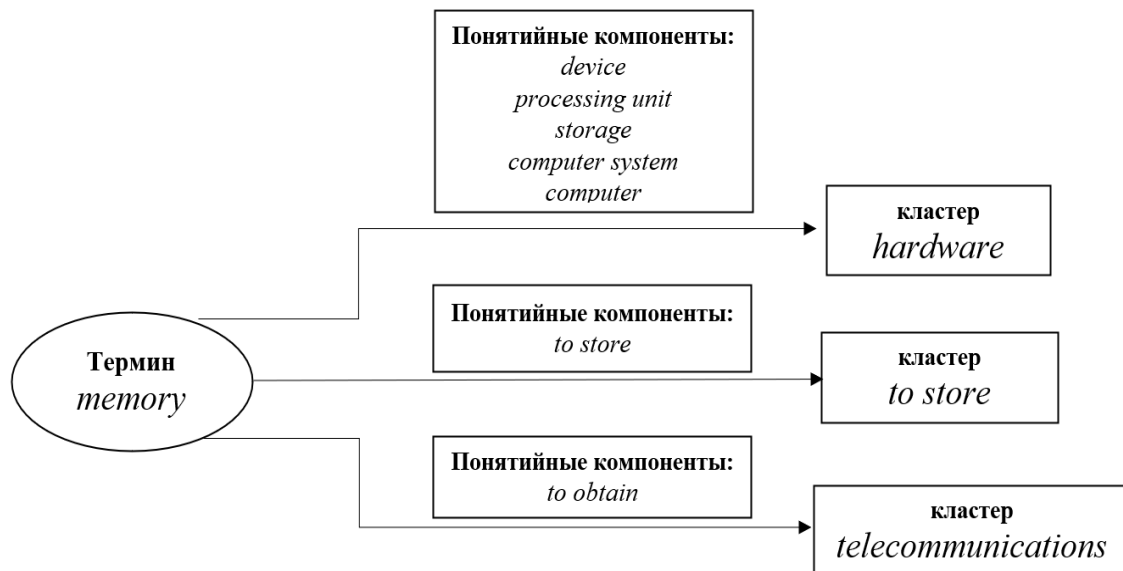

Рис. 1. Место термина *memory* в иерархической классификационной схеме понятий

Следует отметить, что третий этап тезаурусного моделирования, или автоматическое установление отношений между терминами, также реализуется посредством понятийных компонентов. В представленном исследо-

вании связанными на понятийном уровне считаются термины, имеющие в своей понятийной структуре общий понятийный компонент. Например, посредством понятийного компонента *to store* термин *memory* связан с терминами *archive, disk, memory, to compress* и т.д.

Заключение. В рамках создания компьютерного терминологического словаря предметной области ИТ задача по систематизации терминологии для ее репрезентации в словаре решена методом моделирования. Для создания модели предметной области на основе метода компонентного анализа 6319 словарных дефиниций установлены:

- 1) понятийная структура 919 терминов, содержащая 755 понятийных компонентов;
- 2) семантические отношения между 755 компонентами;
- 3) 38 систематизирующих кластеров, которые составляют классификационную схему понятий.

Понятийные компоненты, семантические отношения и кластеры позволили нам разработать макро- и микроструктуру компьютерного терминологического словаря, основной функцией которого является репрезентация системности терминологии на уровне текста и на уровне предметной области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комарова, З. И. Моделирование двуязычного словаря-тезауруса по экономике : монография / З. И. Комарова, А. А. Прошина. – Екатеринбург : Форум-книга, 2009. – 276 с.
2. *Information technology. Vocabulary* : ISO/IEC 2382:2015(en) [Electronic resource] // Online Browsing Platform (OBP). – Mode of access : <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso-iec:2382:ed-1:v1:en>. – Date of access : 06.01.2021.
3. Табанакова, В. Д. Идеографическое описание научной терминологии в специальных словарях : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.21 / В. Д. Табанакова ; Тюменский гос. ун-т. – СПб., 2001. – 38 с.
4. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – Изд. стер. – М. : ЛИБРОКОМ, 2014. – 355 с.
5. Баранов, А. Н. Семантика фразеологизмов: иерархия или сеть? / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегод. междунар. конф. «Диалог–2010», Бекасово, 26–30 мая 2010 года; редкол.: А. Е. Кибрик (гл. ред.). – Вып. 9 (16). – М. : Изд-во РГГУ, 2010. – С. 25–29.
6. Зевахина, Т. С. К типологии методик компонентного анализа / Т. С. Зевахина // Прикладные аспекты лингвистики / МГУ им. М. В. Ломоносова, Филол. фак. : М. : Изд-во МГУ, 1989. – С. 26–47.
7. Стернин, И. А. Методы описания семантики слова / И. А. Стернин. – Изд. 2-е. – М., Берлин : Директ-Медиа, 2015. – 34 с.

8. *Butterfield, A.* Oxford Dictionary of Computer Science / A. Butterfield, G. E. Ngondi, A. Kerr. – Oxford : Oxford University Press, 2016 – 627 p.
9. *Collin, S. M. H.* Dictionary of Computing / S. M. H. Collin. – 5th ed. – London : Bloomsbury, 2004. – 345 p.
10. *Collin, S. M. H.* Dictionary of ICT / S. M. H. Collin. – 4th ed. – London : Bloomsbury, 2004. – 288 p.
11. *Downing, D. A.* Dictionary of Computer and Internet Terms / D. A. Downing [et al.]. – 10th ed. – New York : Barron's, 2009. – 560 p.
12. *Microsoft Computer Dictionary* – 5th ed. – Redmond : Microsoft Press, 2002. – 637 p.
13. *Rigdon, J. C.* Dictionary of Computer and Internet Terms: in 2 vol. / ed. J. C. Rigdon. – Cartersville : Eastern Digital Resources, 2016. – 1 vol.
14. *Шелов, С. Д.* Очерк теории терминологии : состав, понятийная организация, практические приложения / С. Д. Шелов. – М. : ПринтПро, 2018. – 472 с.

Поступила в редакцию 08.02.2023

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК [811.161.3:81'373]:82-1М.Шабовіч

Астапчык Таццяна Аляксандраўна
кандыдат філалагічных навук,
дацэнт кафедры мовазнаўства
і лінгвадыдактыкі
Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт
імя Максіма Танка
г. Мінск, Беларусь

Tatsiana Astapchyk
PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of Linguistics
and Linguodidactics
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Belarus
tatjana-vyskvarko@rambler.ru

СКЛАДАНЫЯ АКАЗІЯНАЛЬНЫЯ ПРЫМЕТНІКІ
Ў ПАЭЗІІ МІКОЛЫ ШАБОВІЧА: СЕМАНТЫЧНЫ АСПЕКТCOMPOUND OCCASIONAL ADJECTIVES
IN MICOLO SHABOVICH'S POETRY: SEMANTIC ASPECT

У артыкуле прадстаўлена спроба структуравання семантычнай сферы “Чалавек” праз складаныя аказіянальныя прыметнікі, зафіксаваныя ў паэтычных кнігах Міколы Шабовіча. Вылучаны тры ад’ектыўныя лексіка-семантычныя групы, у межах якіх прыводзіцца падрабязная семантычная катэгарызацыя складаных аказіянальных прыметнікаў. Абгрунтаўваецца выснова, што семантычная катэгарызацыя аказіянальнай лексікі з’яўляецца важнай часткай рэканструкцыі моўнай карціны свету. Выяўлена, што аказіянальныя складаныя прыметнікі непасрэдна або ўскосна скіраваны перш за ўсё на адлюстраванне ўнутранага свету чалавека.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *семантычная катэгарызацыя; аказіянальныя словы; складаныя прыметнікі; лексіка-семантычная група; Мікола Шабовіч; моўная (наіўная) карціна свету.*

The article shows the attempt to structurize the semantic field of “man” by means of occasional compound adjectives recorded in Mikola Shabovich’s poetry books. Three adjectival lexico-semantic groups are singled out, within which the detailed semantic categorization of the occasional compound adjectives is conducted. It is concluded that semantic categorization of occasional words is the important part of the language worldview reconstruction. It was found out that the occasional compound adjectives are directly or indirectly aimed primarily at reflecting the inner world of a person.

Key words: *semantic categorization; occasional words; compound adjectives; lexico-semantic group; Mikola Shabovich; language (naive) worldview.*

Творчасць вядомага сучаснага беларускага лірыка Міколы Шабовіча адметная выразным зваротам да аўтарскай дэрывацыі. Гэта абумоўлена не толькі выдатным адчуваннем словаўтваральных, стылістычных магчымасцей роднай мовы, але і навуковым інтарэсам дацэнта М. В. Шабовіча да неад’емнага пласту беларускай лексікі – аказіянальных слоў. Манаграфія, артыкулы паэта [1; 2] прысвечаны менавіта ім і з’яўляюцца важкім здабыткам лінгві-

стыкі. Мікола Шабовіч чуйна і бездакорна ўводзіў аказіяналізмы ў свае паэтычныя радкі, што стварала эфект жывапісу словам, арнаментальнасці мастацкага тэксту.

У сучаснай лінгвістыцы вялікую значнасць набываюць даследаванні, прысвечаныя рэканструкцыі моўнай карціны свету, паколькі апошняя ілюструе ментальныя коды таго ці іншага народа, дазваляе пабудаваць больш прадуктыўную камунікацыю паміж носьбітамі розных моў. Актуальнасць даследавання аказіянальных слоў абумоўлена неабходнасцю падрабязнага вывучэння некадыфікаванай лексікі, паколькі, як адзначае А. Л. Садоўская, для рэканструкцыі моўнай карціны свету асабліва важнымі з’яўляюцца вобразныя і экспрэсіўныя пласты мовы [3]. Аказіяналізмы, з’яўляючыся безэквівалентнымі адзінкамі, адметныя пазачасавасцю, невычарпальнымі вобразна-выяўленчымі магчымасцямі, семантычнай ёмістасцю. Іх утварэнне абумоўлена не сацыяльным заказам грамадства і часу, а толькі творчай скіраванасцю самага пісьменніка, яго стылем і адносінамі са словам. Унікальнасць (і – у некаторай ступені – парадаксальнасць) такіх дэрыватаў у тым, што яны прадстаўляюць экспрэсіўнае словаўтварэнне, якое не мае мэтай папоўніць слоўнікавы склад мовы.

Дэрывацыйная структура з’яўляецца найбольш даследаваным аспектам складаных ад’ектываў у беларусістыцы. Гэтыя адзінкі характарызуюцца пераважна двухкампанентнай структурай і дэфісным напісаннем. Відавочнымі лакунамі ў вывучэнні аказіянальнай лексікі выступаюць пытанні семантычнай катэгарызацыі і стылістычнага дэкадзіравання. Мэта артыкула – разгледзець семантычныя асаблівасці складаных аказіянальных прыметнікаў, што ўтвараюць семантычную сферу “Чалавек” у паэзіі Міколы Шабовіча. Пры ажыццяўленні семантычнага структуравання аказіянальных складаных прыметнікаў былі вылучаны тры семантычныя сферы – “Чалавек”, “Прырода”, “Агульныя паняцці”, у межах якіх адбываецца далейшая субкатэгарызацыя ад’ектыўнай лексікі. На жаль, аб’ём артыкула не дазваляе разгледзець семантычнае структураванне адразу трох семантычных сфер, таму ў дадзеным артыкуле падрабязна спынімся толькі на семантычнай сферы “Чалавек”.

Матэрыял для даследавання (109 складаных прыметнікаў) сабраны метадам скразной выбаркі з паэтычных кніг Міколы Шабовіча “Падары мне сваю адзіноту” (2002), “Мая надзея” (2006), “Маладыя мроі маладога лета” (2017), “Пад маміным крылом...” (2021).

Дэкадзіраванне семантыкі прыметнікаў істотна адрозніваецца ад даследавання семантычнай структуры назоўнікаў ці дзеясловаў у сувязі з нерэфэрэнтнасцю ад’ектываў. Праблема нерэфэрэнтнасці ад’ектыўных слоў застаецца спрэчнай і недастаткова распрацаванай у сучаснай лінгвістыцы. На думку А. С. Кубраковай, прыметы не могуць існаваць аўтаномна, асобна ад іх носьбітаў [4, с. 244]. Нерэфэрэнтнасць прыметнікаў адзначалі Г. Вяжбіцкая [5, с. 107], З. А. Харытончык [6, с. 13–18], прапаноўваючы вывучаць значэнне прыметавых слоў з пазіцыі іх семантычнай сувязі з субстантывамі, у межах сінтагм. Семантычную несамастойнасць прыметнікаў як іх асноўную ўласці-

васць разглядала А. М. Вольф [7, с. 5–7]. Улічваючы моцную дыскурсіўную залежнасць прыметнікаў ад назоўнікаў, лічым лагічным ілюстраваць ужыванне таго ці іншага кампазіта ў межах мінімальнага кантэксту (як правіла, спалучэння *прыметнік+назоўнік*), што дазваляе наблізіцца да дэкадзіравання семантыкі аказіянальнага ад'ектыва.

Кожная моўная карціна свету ўнікальная сваёй акцэнтацыяй на пэўнай сістэме каштоўнасцей, якія найбольш ярка выяўляюцца пры ідэаграфічным апісанні лексікі. Эмпірычным шляхам выявілася, што семантычная сфера “Чалавек” уключае ў сябе наступныя лексіка-семантычныя групы (ЛСГ): “Чалавек як жывы арганізм”, “Псіхалагічны свет чалавека”, “Жыццядзейнасць чалавека як асобы і паўсядзённае жыццё чалавека”, якія адлюстроўваюць фізічны, псіхалагічны і сацыяльна-побытавы аспекты жыцця чалавека адпаведна.

ЛСГ “**Чалавек як жывы арганізм**” (24 адзінкі) складаецца з наступных падгруп:

1. Знешнасць чалавека, агульны знешні выгляд: *дзівосна-мілае дзяўчо, апельсінава-дзьмухаўцовая (ты)*;

2. Саматызмы:

2.1. Твар: *спакушальна-тонкі профіль, пунсова-чорны партрэт, бага-светлы лік*;

2.2. Вочы: *шэра-зялёныя вочы, спакусна-малады спеў вачэй, непаўторна-зіхоткае зьяненне вачэй, дзівосна-спакусныя вочы, дзівосна-карыя вочы, дзівосна-шэрыя вочы, таемна-росны спеў вачэй, шчымліва-блакітная туга вачэй*;

2.3. Валасы: *дзівосна-русыя валасы*;

2.4. Плечы: *бела-дзівосныя плечы, вабна-чароўныя плечы*;

2.5. Рукі: *цёпла-танючкія пальчыкі, ласкава-тонкія рукі*.

Даследаванне паказала, што складаныя аказіянальныя ад'ектывы дазваляюць разгледзець унутраны свет чалавека нават праз апісанне знешнасці. Найбольшая колькасць складаных прыметнікаў гэтай ЛСГ прадстаўлена комплекснымі апісаннямі вачэй. Вочы як духоўная зброя і сховішча думак і памкненняў чалавека паўстаюць у наступных кантэкстах выключна праз комплексныя прыметы: *Зялёна-чысты спеў вачэй, сутонне веяў...* (М. Шабовіч); *Дазволь патанаць у дзівосна-спакусных вачах / І спеліць жаданні, што будуць і новыя стрэчы* (М. Шабовіч).

У ЛСГ “**Псіхалагічны свет чалавека**” (50 адзінак) уключаны наступныя падгрупы:

1. Характар, унутраная сутнасць чалавека: *адкрыта-ўрачыстая (ты), наіўна-нехлямяжны хлопчык, пяшчотна-мілая жанчына*;

2. Уяўленні: *бела-туманная згадка, рамантычна-шчымлівыя мроі*;

3. Пачуцці і іх адценні: *пунсова-чорны колер жарсці*;

4. Спагада: *хуткацечны ручай спагады*;

5. Мары: *недасяжна-трапяткія мары*;

6. Надзеі: *гулказвонная плынь надзей, цеплавейныя сны-надзеі, казытліва-спакусныя надзеі, салодка-пяшчотныя надзеі;*

7. Боль, гора: *чарнява-трывожны боль, пякуча-радасны боль;*

8. Настрой: *шчасліва-весні настрой;*

9. Знешнія праявы ўнутранага стану чалавека: *беспадобна-чароўная ўсмешка, яснавейная ўсмешка;*

10. Мова і маўленне: працэс параджэння маўлення, яго вынік і ўспрыманне на слых:

10.1. “Атрыбуты” працэсу маўлення: *надслоўна-ўзнёслы голас, светла-чароўны голас, вабна-шчымлівы голас;*

10.2. Працэс маўлення і яго вынік: *ласкава-невymoўнае ‘люблю’, пякуча-горкія словы, непачута-нясказаныя словы, шчымліва-трапяткія словы, сэрца-грэйныя словы, дзіўнаспеўнае ‘кахаю’, дзіўна-светлае ‘кахаю’, гарэзліва-п’янкія словы, сэрцавейная споведзь, адкрыта-спавядальныя словы;*

11. Вынік дзейнасці органаў зроку: *сумна-шэры пагляд, сумнавокі позірк, рыжавокі пагляд, светла-легкакрылы позірк, дзіўна-ветлы пагляд, дзявоча-сарамлівы пагляд, яснавокі пагляд;*

12. Вынік дзейнасці органаў нюху: *чмяліна-салодкі водар;*

13. Тактыльныя адчуванні: *ціхавейная ласка, жадана-светлая пяшчота, мройна-жаданая ласка, нясмела-жаданая ласка.*

Спецыфікай індывідуальна-аўтарскага статусу складаных прыметнікаў і іх арыентацыяй на вобразную вербалізацыю феноменаў псіхалагічнага свету чалавека можна патлумачыць сінтэз рацыянальнага і эмацыянальнага ў семантычнай структуры многіх прааналізаваных дэрыватаў. Таму прыведзеная вышэй класіфікацыя складзена з улікам семантычных абертонаў, якія рэалізуюць прыметнікі-кампазіты ў пэўным кантэксце.

Для беларускай лінгвакультуры характэрны станоўчыя адносіны да выражэння эмоцый, разгорнутых апісанняў напружанага ўнутранага жыцця асобы. Псіхалагічны свет чалавека атрымаў найбольш складаных характарыстык праз аказіянальныя прыметнікі-кампазіты ў паэзіі Міколы Шабовіча (46 % ад агульнай колькасці зафіксаваных аказіянальных складаных ад’ектываў), што тлумачыцца глыбокай засяроджанасцю паэта на ўнутраным свеце лірычнага героя, рэалізацыяй якой выступаюць у тым ліку і індывідуальна-аўтарскія словы.

ЛСГ “**Жыццядзейнасць чалавека як асобы і паўсядзённае жыццё чалавека**” (35 адзінак) прадстаўлена наступнымі падгрупамі:

1. Жыццё чалавека ўвогуле, лад жыцця: *жыццяспеўная плынь, адзіна-непапраўны лёс;*

2. Часавыя прамежкі і рубяжы жыцця чалавека: *сумна-вечаровая пара, марозна-вечаровы час, зіхотка-крамяны вечар, таямніча-спакусная ноч, пяшчотна-непаўторныя імгненні, трывожна-высакосны час, чароўна-салодкія ночы, звонкагалосыя дні, веснавейныя дні, вяснова-казачныя дні, пахмурна-самотны дзень, рыжаспеўна-небныя дні, сонечна-майская пара;*

3. Адносіны паміж людзьмі, стыль зносін паміж людзьмі: *сонечна-рыжы раман, загадкава-шчымлівы працяг рамана*;
4. Групоўкі людзей: *шумнавіры паток мінчукоў*;
5. Узрост чалавека: *няўрымсліва-маладая (ты)*;
6. Радзіма: *пяшчотна-запаветны край*;
7. Прафесія, род заняткаў: *пачуццёва-лірычныя паэты*;
8. Творчасць чалавека, культурная спадчына народа: *ласкава-сумныя радкі, вальнакрылыя радкі, жыццялюбныя радкі*;
9. Рэлігія, міфалогія: *спакусна-салодкі грэх, злавесна-няўмольны рок*;
10. Выгляд будынкаў і іх частак звонку: *пачарнела-змакрэлыя дахі*;
11. Адзенне, бялізна, тканіны: *чорна-ружовыя строі, страката-барвовы шалік, шыкоўна-чырвоная сукенка*.

Значная колькасць адзінак ЛСГ “Жыццядзейнасць чалавека як асобы і паўсядзённае жыццё чалавека” заарыентавана на такія важкія для інтэрпрэтацыі асаблівасцей лінгвакультуры падгрупы, як “Жыццё чалавека ўвогуле, лад жыцця” і “Часавыя прамежкі і рубяжы жыцця чалавека”, якія з’яўляюцца адлюстраваннем не толькі сацыяльнага кампанента асобы чалавека, але і духоўнага.

Колькасныя суадносіны складаных аказіянальных прыметнікаў, што ўтвараюць семантычную сферу “Чалавек” (у %) у паэтычных кнігах Міколы Шабовіча, прадстаўлены на рысунку.

Рыс. Колькасныя суадносіны складаных аказіянальных прыметнікаў, што ўтвараюць семантычную сферу “Чалавек” (у %)

Такім чынам, у паэзіі Міколы Шабовіча шырока ўжываюцца аказіянальныя складаныя прыметнікі, якія з’яўляюцца яркімі эпітэтамі, комплекснымі прыметамі. Зафіксаваныя адзінкі створаны з выразнымі стылістычнымі мэтамі і ўтвараюць зоны павышанай вобразнасці ў мастацкім тэксце. Акрамя найбольш распаўсюджанай ролі эпітэта, аказіянальныя складаныя прыметнікі могуць выступаць канстытуентамі метафары, параўнання, антытэзы, мета-

німіі, аксюмарана, перыфразы, парцэляцыі. Антрапацэнтрычны падыход пры інтэрпрэтацыі фактычнага матэрыялу дапамагае абазначыць культурныя коды, семантычныя прыярытэты, зашыфраваныя ў моўнай (наіўнай) карціне свету, якая можа не супадаць з навуковай (лагічнай). Дэкадзіраванне семантыкі індывідуальна-аўтарскіх складаных ад’ектываў можа ажыццяўляцца з улікам семантычнай сферы распаўсюджання (накладання) прыметы. Даследаванне паказала, што індывідуальна-аўтарскія складаныя прыметнікі надаюць нетрывіяльную характарыстыку семантычным сферам, найбольш значным для моўнай карціны свету. Пры структураванні семантычнай сферы “Чалавек” былі вылучаны тры ЛСГ – “Чалавек як жывы арганізм” (22 %), “Псіхалагічны свет чалавека” (46 %), “Жыццядзейнасць чалавека як асобы і паўсядзённае жыццё чалавека” (32 %), у межах якіх прадстаўлена дэталізаваная субкатэгарызацыя складанай ад’ектыўнай лексікі. Выяўлена, што аказіянальныя складаныя прыметнікі непасрэдна або ўскосна скіраваны перш за ўсё на адлюстраванне ўнутранага свету чалавека. Кампазіты, створаныя выдатным лірыкам Міколам Шабовічам, ілюструюць дэрывацыйны, семантычны, стылістычны патэнцыял беларускага слова і, бясспрэчна, з’яўляюцца помнікамі мовы мастацкай літаратуры.

ЛІТАРАТУРА

1. *Шабовіч, М. В.* “Адценні колераў і не толькі...” / М. В. Шабовіч // Род слова. – 2007. – № 3. – С. 19–21.
2. *Шабовіч, М. В.* Аказіянальныя словы ў беларускіх мастацкіх тэкстах 20-х гадоў ХХ стагоддзя / М. В. Шабовіч ; навук. рэд. П. А. Міхайлаў. – Мінск : Логвінаў, 2013. – 198 с.
3. *Садоўская, А. Л.* Паняцце моўнай карціны свету ў сучаснай лінгвістыцы і яе роля ў плане вывучэння нацыянальна-культурнай спецыфікі моўных адзінак / А. Л. Садоўская // Працы кафедры сучаснай беларускай мовы / Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2007. – Вып. 6. – С. 171–179.
4. *Кубрякова, Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Яз. слав. культуры : Кошелев, 2004. – 555 с.
5. *Вежбицкая, А.* Семантические универсалии и описание языков: Грамматическая семантика. Ключевые концепты культур. Сценарии поведения / А. Вежбицкая ; пер. с англ. А. Д. Шмелева ; под ред. Т. В. Булыгиной. – М. : Яз. рус. культуры : Кошелев, 1999. – XII, 776 с.
6. *Харитончик, З. А.* Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка / З. А. Харитончик. – Минск : Выш. шк., 1986. – 96 с.
7. *Вольф, Е. М.* Грамматика и семантика прилагательного: на материале иберо-романских языков / Е. М. Вольф. – М. : Наука, 1978. – 200 с.

Поступила в редакцию 20.01.2023

Зелезинская Наталья Станиславовна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики перевода
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Natalya Zelezinskaya
Associate Professor at the Department
of the Theory and Practice of Translation
Belarusian State University
Minsk, Belarus
zelennew@tut.by

ЭТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПРОБЛЕМНОГО РОМАНА О ПОДРОСТКАХ С АУТИЗМОМ

THE ETHICAL FIELD OF THE PROBLEM NOVEL ABOUT TEENAGERS WITH AUTISM

В статье рассматривается типичный для англоязычной подростково-молодежной литературы образ подростков с расстройством аутического спектра. Автором осуществлен выход за пределы традиционных тем литературоведческих исследований на материале произведений о людях с особенностями. Анализ образов романов К. Летте, М. Хэддона и Дж. Пиколт в свете философских концепций инаковости Э. Левинаса, М. Бубера, Ю. Хабермаса и идентичности позволяет перестроить привычную систему персонажей, сфокусировать внимание на изображении актуальных проблем современности, как то недостаток подлинного общения, ценность эмпатии, определение любви через ответственность, размывание ментальных бинарных оппозиций и т.п. В статье выявляются характерные для данной группы романов мотивы: поиска истины, самоопределения/поиска себя, лжи и вины. В качестве особенностей их поэтики указывается на наличие детективной сюжетной линии, прием вненаходимости автора и героя, нарушение принципов диалогизма, доминирование. Избранная перспектива позволяет очертить этическое поле современной подростково-молодежной литературы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: жанр; мотив; подростково-молодежный роман; этическое поле романа; проблема героя; инаковость; идентичность; Я и Другой; аутизм; Э. Левинас; М. Бубер.

The article deals with the image of a teenager with the autism spectrum disorder, which is typical of Young Adult literature of the 21st century. These images are viewed in the light of the philosophical concepts of identity and otherness, which provides the author with a new and contemporary vision of the motifs and ethical problems in the novels about autistic teenagers, such as the lack of genuine communication, the value of empathy, the definition of love through responsibility, the destruction of mental binary oppositions, etc. Consideration of the categories of Self and the Other in K. Lette's, M. Haddon's, J. Picoult's novels in the light of philosophical concepts of E. Levinas, M. Buber, J. Habermas allows to reconstruct the traditional system of characters, to go beyond the traditional topics of literary studies. The article reveals the motifs characteristic of this group of novels: the search for truth, self-determination/search for oneself, lies and guilt. The features of their poetics include the presence of a detective plot line, the technique of the 'outsidedness' of the author and the hero, violation of the principles of dialogism, dominance. This approach allows to outline the ethical field of contemporary Young Adult literature.

Key words: genre; motif; Young Adult novel; the ethical field of the novel; the problem of the hero; otherness; identity; the Other and Me; autism; E. Levinas; M. Buber.

В литературе США и Великобритании второй половины XX – начала XXI вв. образ героя-подростка пользовался неослабевающей популярностью, несмотря на постоянное развитие образа и его значительное преобразование за 80 лет существования подростковой литературы. Особенно наглядна диахронизация образов подростков при выявлении предпочтительной формы самоощущения инаковости героя по отношению к Я (то есть при рассмотрении того, насколько герой романа (не)отличается от «нормального» подростка в собственных глазах; насколько герой (не)отличается от других героев-подростков в их глазах или в глазах взрослых героев и по каким критериям выявляется инаковость – данный ракурс позволяет говорить о понимании инаковости как извне, так и изнутри, а также позволяет исследователю сконцентрироваться не на одном объекте, а на модусе отношений между объектами – более подробно мы будем говорить об отношениях «Я – Другой» при анализе произведений).

Первоначальный интерес к подростковой социальной группе был вызван изменением ее экономической роли в ходе Второй мировой войны (когда подростки стали выполнять мужскую работу) и ростом внимания к ней со стороны антропологов, культурологов и психологов (см. теорию рекэпитуляции С. Холла, теорию трех ступеней развития К. Бюллера, теорию психосоциального моратория Э. Эриксона и культурно-исторический подход Л. С. Выготского и Д. Б. Эльконина). Происходит становление возрастной психологии. Благодаря исследованиям приходит понимание инаковости подростка: мысль, что подросток отличается от взрослых и отличается от ребенка, становится достоянием массового сознания. Подростковые авторы исследуют эту другость по отношению к обоим мирам (и взрослых, и детей), при этом Я также претерпевает изменения внутри системы «Я – Другой» (читатель-подросток выделяется как феномен также только после Второй мировой войны). В значительной мере литературные новшества были подготовлены философией и эстетикой модернизма. Упоение своей инаковостью как открытием ярко выражено уже в образе Стивена Дедала. В романе Джойса эта характеристика протагониста возводится в абсолют: он отличен не только от взрослых, но и от сверстников, а способом развития образа Стивена и движущей силой сюжета становится двувекторный процесс установления собственной другости (необыкновенности).

По мере осознания децентрализации общества и парадигмальности его структуры все значимее становится изображение противостояния различных социальных групп. Другость подростка авторы чаще описывают не в терминах личности и индивида, но как единицы сообщества (см. «Изгой» С. Хинтон (1967) и др.). Героизированный и слащавый образ романов о школе и школьниках, справляющихся с любыми проблемами, сменяется более реалистичными персонажами в 1970–90-х. В романе С. Таунсед «Дневники Адриана Моула» главный герой закомплексован, но, несмотря на это, Адриан считает себя удивительно одаренным, из-за чего окружающие часто не восприни-

мают его всерьез. Это один из первых романов, в котором дружба не противоречит обычности, и обе характеристики способствуют самоидентификации героя.

В XXI в. при усвоении ценностей *новой этики*¹ и переосмыслении иерархических структур, обычность героя гиперболизируется («Дневник слабака» Дж. Кинни, «Хорошо быть тихоней» С. Чбоски и другие). Возможности репрезентации принципа многообразия в подростковом романе оказываются практически неисчерпаемыми. М. Кервуд указывает на дихотомию «нормальность – отклонение от нормы» (normality – disability) как на ключевую характеристику подросткового романа XXI в. [1, p. 22]. Отклонение от нормы в рассматриваемом образе может быть представлено подростками с тяжелыми болезнями («Винуваты звезды» Дж. Грина), особенностями физического, психического и умственного развития («Природные катаклизмы» Х. Джонсон), лишним весом или анорексией («Зимняя девушка» Л. Х. Андерсон), положением эмигранта, беженца («Не задавай мне вопросы» М. Будхос), принадлежностью к национальным и сексуальным меньшинствам («Абсолютно несомненно нет» Д. Ларошель).

Образы подростков с расстройством аутического спектра представлены в романах «Домашние правила» Джоди Пиколт – объекте данного исследования, а также «Загадочное ночное убийство собаки» Марка Хэддона, «Мальчик, который упал на Землю» Кэти Летт (привлекающихся в качестве дополнительных объектов исследования). При этом центральным мотивом этих проблемных подростково-молодежных романов является дезадаптация особенных детей. Практически все литературоведы при анализе романов фокусируются на вышеупомянутом аспекте [1; 2], на проблеме героя [3; 4] либо на связи социального и телесного [5]. Однако данный вопрос хорошо проработан обществом, живущим по принципам новой этики: в работе психологов, в создании безбарьерной среды, в воспитании толерантности, в политике инклюзивности, что отражено в этих и многих других художественных произведениях с этим мотивом. Многие из них повествуют о постоянной борьбе за права ребенка-аутиста, о преодолении общественного презрения, отторжения сверстниками, непонимания и нежелания понимать. Однако в каждом из романов показан определенный прогресс в борьбе с негативным отношением общества, во-первых, благодаря тому, что мать и сын чему-то учатся и развивают свои навыки, во-вторых, благодаря готовности общества к принятию. Таким образом, проблема социализации является решаемой, не теряя при этом своей актуальности.

---

¹ *Новая этика* – широкое понятие массовой культуры XXI в., объединяющее новые способы взаимодействия с миром. Понятие *новая этика* очень широкое и включает в себя сразу несколько аспектов, такие как борьба против дискриминации (расизма, сексизма, эйджизма, эйблизма и пр.), борьба против сексуализированного насилия и харассмента, культура отмены, отстаивание социальной справедливости, например, соблюдение политики разнообразия в кинокастингах или при формировании рабочего коллектива крупной компании.

Сегодня принятие многообразия как значимой составляющей «новой этики» позволяет людям с психическими заболеваниями, умственными дисфункциями и физической недостаточностью не только действовать наравне с другими, но даже повышать свой статус за счет отличности от других: *Одна из причин, по которой я рад, что у меня синдром Аспергера, – мне не хватает воображения. Многие – учителя и школьные психологи, даже психиатры – считают это дефектом. Я же считаю отсутствие живого воображения счастьем. Логическое мышление не позволяет тратить время впустую на тревоги или надежды. Оно уберегает от разочарований. С другой стороны, воображение заставляет человека волноваться о том, чего в реальной жизни может никогда и не случиться*¹ [6]. Смысловые пары «логика – воображение», «рассудок – эмоция», «правила – хаос» актуальны для всех романов об аутистах. Люди с аутизмом – прекрасные математики и великолепно ладят с цифрами, последовательностями и причинно-следственными связями, тогда как остальной мир видится им хаосом непредсказуемых эмоций. В «Загадочном ночном убийстве собаки», в «Мальчике, который упал на Землю» и в «Домашних правилах» протагонисты разграничивают правила, установленные кем-то, и коммуникативные правила, познаваемые спонтанно: *Вот чего мне не понять никогда, так это неписанные правила, которые другие люди, похоже, улавливают интуитивно, как будто обладают неким социальным радаром – устройством, которое в моем мозгу отсутствует* [Там же]. Идеальная жизнь в представлении аутистов – это алгоритмизация и кодификация всего на свете, от еды до выражения лиц, но эти мальчики осознают утопичность такого мира: *Простые числа похожи на жизнь. Они очень логичные, но вы никогда не сможете выработать для них правила, даже если будете постоянно думать только об этом*² [7].

Но проблемный роман больше интересуется неразрешенными проблемами социума³, поэтому исследовательский ракурс необходимо сдвинуть в эту сторону. В рассматриваемых нами романах поставлен не только вопрос об инклюзивности, о признании ее необходимости и возможности, но и наоборот – об ответной реакции подростка, который по природе своего заболевания невосприимчив к огромному спектру человеческих эмоций и отношений. Таким образом, центральный мотив романа апеллирует к философским категориям идентичности и инаковости. В отечественном литературоведении проблему дружости в романах про аутистов затрагивал Д. О. Половцев [3].

---

¹ Пер. И. Паненко приводится по: *Пиколт, Дж. Последнее правило / Дж. Пиколт. – М. : Клуб семейного досуга, 2011. – 576 с.*

² Перевод А. Куклей приводится по: *Хэддон, М. Загадочное ночное убийство собаки / М. Хэддон. М. : Рама Пабблишинг, 2017. – 272 с.*

³ Проблемный подростковый роман сконцентрирован на глобальных нерешенных проблемах современного общества, как то биоэтика, теракты, подростковые самоубийства, домашнее насилие, в условиях которых приходится выживать подростку.

В «Новейшем философском словаре» *Другой* определяется как «понятие философии XX века, фиксирующее <...> опыт встречи Я с подобной ему сущностью, представляющей, тем не менее, Иное по отношению к Я» [8, с. 226]. То есть понятие *Другой* указывает на некую сущность, по отношению к которой оно является Другим. Понятие такой сущности и отправной точки есть понятие *Я*. Следовательно, *Другой* – это то, что не есть Я, но представленное в отношении ко мне. Дж. Пиколт в «Домашних правилах» показывает нарушение идентичности и самоидентичности героя. Джейкоб не согласен с ярлыками: *Не я аутист. У меня аутизм, а еще у меня каштановые волосы и плоскостопие. Поэтому я не понимаю, почему меня всегда называют «ребенок с синдромом Аспергера» [6].* Однако при этом Джейкоб не может определять себя вне синдрома Аспергера: *Я начинаю думать, что сделал что-то дурное. Не зная, как с этим справиться, я беру пульт и перематываю кассету прямо на начало, к тому времени, когда я был таким, как все [6].* Как указывал Ю. Хабермас, идентичность личности «невозможно реализовать в одиночку, успешность выбора собственной идентичности зависит во многом от Других» [9, с. 125]. Однако самоидентификация Джейкоба болезненно подчинена существующим в социуме понятиям о норме и отклонениях, *Другой* для него – не конкретная личность, а набор традиционных представлений, поэтому его выход к Другому не приводит к подлинному общению и не способствует раскрытию и развитию собственных сил, формированию самости.

Идентичность и инаковость тесно взаимосвязаны: психические процессы основываются на отношениях, а структура личности является отображением этой совокупности отношений. Аутист же не способен на эмпатию сам и не воспринимает ее в людях (*Люди мне непонятны [10, р. 19]*). Все проявления чувств он воспринимает через призму разума и вынужден считывать реакции Другого и соотносить с выученной ранее таблицей, чтобы правильно отреагировать на чувства других людей. Отсюда очевидно, что инклюзия людей с аутизмом в гуманистическом обществе осуществляется не благодаря, а вопреки их особенностям, другими словами, аутисты не способны как раз к тому аспекту человеческих отношений, который и обеспечивает инклюзию: *Думаю, больше всего в сыне мне не хватает одного: сочувствия. Он боится задеть мои чувства, боится расстроить, но это не интуитивное сопереживание чужой боли [6].*

Исходный ракурс восприятия Я через Другого и в Другом позволяет увидеть, что Джейкоб является не единственным центральным персонажем «Домашних правил», а скорее пусковым механизмом конфликта, вовлекшего Эмму, Джейкоба, Тео и частично Оливера. Следовательно, методология анализа образов тоже требует коррекции. Мы полагаем, что наиболее плодотворным подходом станет попытка взглянуть не на самих героев, но на отношения между ними, поскольку философия современного подростково-

молодежного романа предполагает осознание того, что главной составляющей человеческого существования является диалог, а основной аксиологической ценностью, заявленной жанром, – эмпатия. Поскольку последнее условие не может быть выполнено для героя-аутиста, проблемный подростково-молодежный роман, в котором развивается мотив особенного героя, решает принципиальный вопрос о (не)возможности «подлинного общения».

В «Домашних правилах» описаны мельчайшие детали общения Джейкоба с младшим братом, Джейкоба с мамой, Джейкоба с Джесс, пунктиром обозначена некрепкая связь мальчиков с отцом, намечены отношения Эммы и Оливера. Практически для каждой такой пары рано или поздно напрашивается вывод, что взаимопонимание возможно если не через саму эмпатию, то через сознательное развитие отдельных практик, из которых складывается эмпатия (забота, уступки, слушание, внимание, терпение, толерантность). Симптоматично, что единственный дипломированный специалист по проблемам аутистического спектра в романе добивается успеха в общении с Джейкобом не в результате применения теории, выученной во время учебы и психиатрической практики, а в результате умения поставить себя на место Другого: *Джесс – красавица, хотя она уверяет, что так было не всегда. После операции два года назад она изрядно похудела. Я видел фотографии, какой она была толстой. Джесс говорит, что именно поэтому хочет работать с детьми, чья ограниченная дееспособность делает их посмешищем, – она помнит, каково было ей самой* [6].

Невосприятие Другого к проявленной эмпатии – серьезный вызов. Повторение неудач, перманентное чувство фрустрации, ощущение бессилия, отсутствие прогресса ставят под сомнение идентификацию Люси как матери. Она не только не чувствует свою состоятельность, но и осыпает себя упреками в болезни сына: *И тут меня накрыло муками самоедства. Может, я съела что-то не то, пока ходила беременная? Домашний творог? Суши?.. Стоп, стоп! Может, я не съела что-то то?*¹ [7, р. 15].

Нарушение самоидентификации неизбежно вызывает нарушение целостности личности. *Иногда мне кажется, что сердце человека – просто полка. На нее многое можно положить, но, случается, полка не выдерживает груза – и человеку остается подбирать обломки* [6]. Неуверенность и фрустрация распространяется на другие сферы жизни и другие интересы Эммы (матери Джейкоба), Люси (матери Мерлина), Джуди (матери Кристофера). Сначала приходит осознание того, что не только ребенок, но и сама героиня является не такой как все, а позже – понимание, что это

---

¹ Перевод Ш. Мартыновой приводится по: *Летт, К. Мальчик, который упал на Землю / К. Летт. М. : Фантом Пресс, 2012. – 416 с.*

необратимое состояние, которое нельзя перерастить или изменить: *У тебя не только есть ребенок, у тебя всегда будет ребенок. В смысле, твой ребенок никогда не станет мужчиной, он станет великанским ребенком. С психологической пуповиной, приделанной к твоей жизни* [7, р. 38].

То, что вся ее жизнь будет вращаться вокруг сына, пугает Люси полной подчиненностью ее личности одному лишь полю деятельности, при этом самому неуспешному полю, поскольку, как мы уже отметили, роль матери уже осознана как неудавшаяся и проигранная. Остальные роли просто не смогут реализоваться, ведь ни у Люси, ни у Эммы, ни у Джуди не будет возможности уделить достаточно времени и внимания самой себе, чтобы реализовать свои мечты, например, написать книгу, или получить повышение на работе, или просто общаться с друзьями: *Изоляция. Заикливание на одном определенном предмете. Невозможность общаться с окружающими. Диагноз поставлен Джейкобу, но у меня, по всей видимости, тоже синдром Аспергера* [6]. Исходя из утверждения о том, что структура личности определяется набором разновекторно выраженных Я-функций, вместе составляющих идентичность, мы наблюдаем не только процесс разиндефикации, но и деструкцию личности в целом.

Возвращаясь к определению Другого как понятия, фиксирующего опыт встречи Я с подобной ему сущностью, представляющей иное по отношению к Я, обратим внимание на условие подобия. Если мама не ощущает свое подобие с другими мамами, она не может ощущать и свое отличие от них. В романах «Мальчик, который упал на Землю» и «Домашние правила» мы наблюдаем, как мать со временем начинает идентифицировать себя с мамами детей-аутистов, а не с мамами вообще или женщинами в целом. Показательно, что встреча со второй женой бывшего мужа не наполняет сердце Эммы той горечью, которую мы могли бы ожидать – жена отца сыновей для нее слишком другая. Долгое время она не способна воспринимать всерьез и пылкие чувства Оливера, сознательно и подсознательно отказывая себе в проявлениях женственности и сексуальности.

Однако разрушительные процессы не заиклены на паре «мама – ребенок с аутизмом», а затрагивают любого, кто находится в отношениях с любым участником этой пары. Из трех рассмотренных в романах семей нет ни одной полной: отец Мерлина бросает семью, отец Джейкоба бросает семью, Кристофера бросает мать, затем его доверие предает отец, мальчик бежит в Лондон к матери и отвергает отца. Таким образом, во всех трех романах показано выпадение одного родителя как «лишнего» в паре «мать – ребенок» или «отец – ребенок» по целому ряду причин, также непосредственно связанных с идентификацией: провал в роли родителя и чувство вины, которое героини пытаются преодолеть рождением здоровых детей в новом браке и «забыванием» больного ребенка, а также невыполнение матерью и отцом ребенка с аутизмом их супружеских ролей ввиду психо-

логической заикленности матери на ребенке и постоянной физической и моральной усталости. Дж. Пиколт констатирует уход отца Джейкоба как факт далекого прошлого, уже настолько привычный для всех членов семьи, что практически перестает переживаться и загоняется куда-то в подсознание. Однако автор сомневается, что «забывание» может стать решением проблемы взаимоотношений.

В разгар суда над Джейкобом возвращается Генри, также не выдержавший давления непроработанной психологической травмы и решившийся пережить тяжелый процесс со своей первой семьей. Его возвращение становится залогом обретения истины. Семантика мотива поиска истины актуальна на двух уровнях: в буквальном, сюжетном значении необходимо выяснить, кто убил Джесс, в метафорическом – обрести свое истинное Я. Пути к обеим истинам тождественны друг другу и проходят через осознание себя в Другом, так как модус подлинного общения возможен и в ситуации смерти: мы еще способны любить умерших, думать о них, заботиться о них. По Левинасу, смерть требует от нас наивысшего проявления любви и ответственности по отношению к Другому, потому что это момент его наибольшей слабости и потребности в заботе [11, с. 152]. В ракурсе отношений Я и Другого забота Джейкоба о Джесс после ее смерти абсолютно естественна. Полицейские и присяжные, не вовлеченные в подлинное общение и прельщенные псевдоясностью сфальсифицированных улик, видят нечто монструозное в том, что Джейкоб одел мертвую Джесс, перенес ее тело под мост, усадил, накрыл своим одеялом, специально для этого принесенным из дома, положил в карман ее куртки неосторожно выбитый и завернутый в салфетку зуб. Для них набор этих действий является свидетельством помешательства и вины Джейкоба, тогда как для подростка это проявление любви и ответственности по отношению к значимому Другому.

Анализ отношений между Эммой и Джейкобом, Генри и сыновьями, Эммой и Оливером, Джейкобом и Джесс доказывает, что реализация отношений «Я – Другой» в «Домашних правилах» происходит в терминах не противопоставления, а соотнесения, соположения и взаимодополнения. На реализации взаимодополнения Я и Другого построена развязка сюжета, на мотивном уровне определяемая нами как «поиск истины». Завязкой служит убийство Джесс при обстоятельствах, позволяющих выдвинуть Джейкобу обвинение в убийстве. Справедливость обвинения подросток не оспаривает в силу своего своеобразного видения мира. С одной стороны, он увлечен криминалистикой и находит весь процесс интересным. Джейкоб ведет некую игру, в которой правосудие и семья должны правильно интерпретировать сфабрикованные им улики, разгадать его загадки и выйти на истинное положение дел, т.е. понимание его невиновности. С другой стороны, Джейкоб пытается защитить младшего брата Тео, которого считает настоящим убийцей и чьи следы пребывания на месте преступления

тщательно уничтожает. Парадокс заключается в том, что Джейкоб как аутист никогда не врет (эта информация постоянно повторяется на суде), но никто не догадывается задать прямой вопрос, убил ли подросток Джесс. На протяжении всего романа люди, привыкшие к тому, что любой может соврать в своих интересах, относятся к его показаниям с предвзятостью и ищут правду в сфабрикованных уликах. И единственный шанс на справедливость – переход к подлинному общению с ребенком-аутистом и друг с другом.

Абсолютных значений градус отношений Я к Другому достигает в паре «Джейкоб – Тео». Внутреннее напряжение и антагонистичность между подростками возникает за счет ревности друг к другу, характерной для сестер и братьев и усиленной «особенностью» Джейкоба. В то время как старшему достается все внимание матери, Тео чувствует себя никому не нужным и нелюбимым. Он пытается заполнить пустоту симулякрами, проникая в чужие дома в отсутствие хозяев и проживая чужие жизни. На протяжении часа – двух Тео лежит на чужих кроватях, смотрит чужие видео, пробует еду из чужих холодильников, рисуя в своем воображении картины жизни чужой, более счастливой, «нормальной» семьи. Тем не менее, деструктивно выраженная чувствительность Тео к чужому есть все та же способность познания себя в Другом. Тео демонстрирует эту способность в более высокой степени, чем другие герои. Именно в отношениях «Джейкоб – Тео» лежит неочевидное решение проблемы идентичности, подлинного общения и установления истины. Единственным условием является смена полярности своего отношения к себе через Другого, и однажды Тео уже сделал этот шаг в отношении к матери:

Я смотрю на маму и тут замечаю, что она плачет. Слезы катятся по ее щекам, а она даже не пытается их вытереть. <...> В то мгновение я почувствовал, как мир для меня перевернулся. Плакать должны дети, а мамы их успокаивать – не наоборот. Именно поэтому матери горы сворачивают, чтобы дети не видели их слез. И тогда я решил: если мама плачет из-за Джейкоба, успокоить ее должен я [6]. В критический – ответственный – момент Тео удается сделать шаг и навстречу брату.

Джоди Пиколт формулирует основную мысль книги в виде правила, вывешенного мамой на холодильнике: *Заботиться о брате; он единственный, кто у тебя есть.* Это последнее, пятое, правило идет сразу за *Не опаздывай в школу* и первую половину книги выглядит насмешкой над сложной жизнью маленькой семьи. А потом Джейкоб простодушно объясняет, что все улики он сфальсифицировал, чтобы скрыть присутствие брата в доме убитой, и вопрос об отсутствии эмпатии у аутистов получает новый ответ, а ключевое слово романа «правило» становится синонимично левинасовскому «закону»: «Подчинение закону, которое заставляет Это быть

в ответе за другого, возможно, носит горькое имя любви. Любовь, в данном случае, не имеет ничего общего со словом, давно скомпрометированным нашей литературой и нашим лицемерием, скорее это – сама подлинность в достижении единичного и, следовательно, абсолютно другого, который просто показывает себя, другими словами, остается “индивидом рода”. Любовь здесь означает целостный порядок или беспорядок психического или субъективного, которое отныне перестает быть хаосом произвольности, чей онтологический смысл давно утрачен и превращается в необходимое условие прояснения логической категории “единичного” вне границ разведения индивидуального и всеобщего» [11, с. 158]. Мотивы Тео и Джейкоба, понимаемые через призму высказывания Левинаса, апеллируют к золотому правилу нравственности.

В этическом пространстве романов «Домашние правила», «Загадочное ночное убийство собаки» и «Мальчик, который упал на Землю» любовь понимается не только как эмпатия, но как ответственность, есть то подлинное чувство, которое проявляется по отношению к Другому без ожидания ответной тождественной реакции, что есть решение основного парадокса проблемного романа о людях с аутизмом. Любовь как ответственность приводит не только к нахождению себя в Другом, но и к возможности Я воспринимать и быть воспринятым в Другом.

Итак, этическое поле доминирует в жанре проблемного подростково-молодежного романа над детективной сюжетной линией. Во всех рассмотренных произведениях особенности мышления, восприятия и поведения героя являются триггером последующих событий, стартовой точкой разнообразных конфликтов, тогда как движущей силой сюжета становится преодоление взаимоотношений внутри всех обозначенных дихотомий. Загадочные убийства разрешаются нетривиальным для детектива способом открытого диалога с подозреваемым, а внимание читателя сконцентрировано все же на разрешении проблемы общения в условиях десоциализации ребенка с аутизмом. Авторы романов о людях с расстройством аутистического спектра показывают, что решением коммуникативной проблемы может стать только любовь (равно ответственность, эмпатия и забота), проявленная по отношению к нему без ожидания ответной тождественной реакции и открывающая возможность Я воспринимать и быть воспринятым в Другом.

Проследив развитие образа подростка в терминологии теории инаковости, можно констатировать, во-первых, смещение фокуса в определении Другого: если в середине XX в. дружба определялась социальным статусом, в конце XX в. – наличием ярких индивидуальных черт, то в XXI в. Другой рассматривается через оппозицию «норма – отклонение от нормы». Во-вторых, очевидно, что в паре «нормальность – ненормальность» ни один из членов не имеет постоянной положительной или негативной коннотации и что значе-

ние понятия *ненормальность* прошло путь от ‘сверхспособный, талантливый, уникальный, крутой, не понятый обществом’ до ‘неспособный, лишенный, обделенный’, при этом оба значения в определенный период развития жанра видятся авторам романа как предпочтительные для протагониста и, следовательно, в некотором, смысле предпочтительные в социуме. В-третьих, внимание авторов переносится с протагониста самого по себе на взаимоотношения между разными героями. Эти отношения, как мы увидели, могут выстраиваться по принципу признания инаковости Я и/или Другого, что свидетельствует о высокой значимости этической составляющей произведений.

ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Curwood, J. S. Redefining Normal: A Critical Analysis of (Dis)ability in Young adult Literature / J. S. Curwood // Childrens Literature in education. – 2013. – Vol. 44, iss. 1. – P. 15–28.*
2. *Минина, В. Г. Сохранение голоса рассказчика в переводе (на материале романа М. Хэддона «Загадочное ночное убийство собаки») / В. Г. Минина // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Белорус. гос. ун-та, Минск, 29–30 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: С. В. Воробьева (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2020. – С. 177–182.*
3. *Половцев, Д. О. Герои романов М. Хэддона «Загадочное ночное убийство собаки» и К. Летт «Мальчик, который упал на Землю»: сопоставительный аспект / Д. О. Половцев // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Белорус. гос. ун-та, Минск, 29–30 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: С. В. Воробьева (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2020. – С. 182–185.*
4. *Половцев, Д. О. Герой в романе К. Летт «Мальчик, который упал на Землю» [Электронный ресурс] / Д. О. Половцев, Д. И. Монастырская // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Респ. Беларусь, Минск, 26–27 марта 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. А. Пригодич (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2020. – С. 689–696.*
5. *Kokkova, L. The Embodied Child : An Introduction / L. Kokkova // The Embodied Child: Reading in Children’s Literature and Culture; ed. by R. Harde, L. Kokkola. – New York; London : Routledge, Taylor and Francis Group, 2018. – P. 1–21.*

6. *Picoult, J.* House Rules [Electronic resource] / J. Picoult. – Hodder & Stoughton, 2010.– 532 p. – Mode of access : <https://booksbooks.com/house-rules-pdf-jodi-picoult.html>. – Date of access : 02.04.2022.
7. *Lette, K.* The Boy Who Fell on Earth / K. Lette. – London : Penguin eBooks, 2021. – 274 p.
8. *Грицанов, А. А.* Новейший философский словарь / А. А. Грицанов. – Минск : Изд-во В. М. Скакун, 1998. – 896 с.
9. *Хабермас, Ю.* Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – М. : Наука, 2003. – 416 с.
10. *Haddon, M.* The Curious Incident of the Dog in the Night-Time / M. Haddon. – London, 2004. – 271 p. – Kindle edition.
11. *Левинас, Э.* Диахронизация и репрезентация / Э. Левинас // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. – Томск : Водолей, 1998. – С. 142–162.

Поступила в редакцию 19.12.2022

Руклянскі Дзмітрый Аляксандравіч
выкладчык кафедры тэорыі і метадыкі
пачатковай адукацыі
Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А. А. Куляшова
г. Магілёў, Беларусь

Dmitry Ruklianski
Lecturer of the Department of Theory
and Methodology of Primary Education
Mogilev State University named after A. A. Kuleshov
Mogilev, Belarus
ruklyanskij@bk.ru

ФРАЗЕАЛОГІЯ ЭПІСТАЛЯРЫЯ Ф. С. КМІТЫ-ЧАРНАБЫЛЬСКАГА

PHRASEOLOGY OF THE EPISTOLARY OF F. S. KMITA-CHERNOBYLSKI

На падставе назіранняў над фразеалагічным складам эпістэлярыя Ф. С. Кміты-Чарнабыльскага былі вызначаны фраземы двух тыпаў: узуальнага і аказіянальнага. Да фразем першага тыпу адносяцца дзеяслоўна-іменныя і дзеяслоўна-прыслоўныя ўстойлівыя комплексы; словазлучэнні, структура якіх прадстаўленая назоўнікам у якасці галоўнага кампанента і прыметнікам (або займеннікам, дзеепрыметнікам) у ролі залежнага; прыслоўныя ўстойлівыя канструкцыі. Другі тып фразем складаюць метафарычныя выразы, прыказкі, прымаўкі. Фраземам узуальнага тыпу ўласцівая ў большай ступені лексічная варыянтнасць іменнага і дзеяслоўнага кампанентаў. Адзначаныя выпадкі фразеалагічнай сінаніміі, кантамінацыі і зеўгмы.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: узуальны і аказіянальны тыпы фразеалагізмаў; лексічная варыянтнасць; сінанімія; зеўгма; кантамінацыя.

Based on observations of the phraseological composition of the epistolary of F. S. Kmita-Chernobylski, phraseemes of two types were identified: the usual and the occasional. Phrases of the first type include verb-nominal and verb-adverbial stable complexes; phrases whose structure is represented by a noun as the main component and an adjective (or pronoun, participle) as a passive; adverbial stable constructions. The second type of phrasemes consists of metaphorical expressions, proverbs, sayings. Phrases of the usual type are characterized by the lexical variation of the nominal and verbal components to a greater extent. Cases of phraseological synonymy, contamination and zeugma are noted.

К e y w o r d s: usual and occasional types of phraseological units; lexical variation; synonymy; zeugma; contamination.

Эпістэлярыі Ф. С. Кміты-Чарнабыльскага адносяцца да ліку старабеларускіх помнікаў пісьменнасці канца XVI ст., які дагэтуль навукоўцамі не разглядаўся з фразеалагічнага, марфалагічнага, сінтаксічнага і стылістычнага аспектаў. У артыкуле аўтар упершыню ставіць перад сабой мэту вызначыць фразеалагічны склад лістоў. Актуальнасць дадзенай тэмы звязана з неабходнасцю паглыблення, пашырэння і сістэматызацыі вядомых уяўленняў аб фразеалогіі старажытнага перыяду беларускай мовы на падставе новага экзэмпліфікацыйнага матэрыялу.

Займаючыся даследаваннем фразеалогіі старабеларускіх помнікаў і вырашаючы пытанні, звязаныя з яе аб'ёмам, варта адзначыць наступнае: на сённяшні дзень выдзяляюцца два палярныя падыходы разумення фразеалогіі ў вузкім і шырокім сэнсе. З боку кантэксту фарміравання старажытнай беларускай літаратурнай мовы часцей дэкларуецца шырокая трактоўка

фразеалогіі: “на кожным канкрэтным этапе развіцця мовы фразеалогія – неаднародны пласт, складнікамі якога з’яўляюцца адзінкі рознай ступені фразеалагізацыі” [1, с. 160].

Л. Я. Касцючук адзначае наступнае: “Спалучэнні слоў, якія знаходзяцца на перыферыі поля ўстойлівасці, складаюць той фон, на якім найбольш выразна выступае цэнтр (ядро) поля” [2, с. 20]. Л. К. Мароз лічыць, што “вывучэнне летапіснай фразеалогіі прадугледжвае яе шырокае разуменне, паколькі на раннім этапе фарміравання старажытнай літаратурнай мовы разам з уласна фразеалагізмамі, заснаванымі на ўнутраным адзінстве фразеалагічнага вобраза, функцыянавалі пласты ўстойлівых узнаўляльных адзінак мовы з адзнакамі семантычнай цэласнасці” [3, с. 21].

Паводле меркавання Н. В. Паляшчук, “у фразеалагічны склад старабеларускай мовы ўключаны ўзнаўляльныя моўныя адзінкі, якія ўяўляюць сабой пэўную камбінацыю лексем з рознай ступенню семантычнай злітнасці кампанентаў” [4]. Разам з тым даследчыца да аб’ектаў вывучэння дыяхранічнай фразеалогіі адносіць устойлівыя словазлучэнні тэрміналагічнага зместу, штампы, традыцыйныя і этыкетныя формулы, прыказкі і прымаўкі [5]. І. В. Саверчанка моўныя адзінкі перыферыйнага плана (устойлівыя спалучэнні, прыказкі, прымаўкі) разглядае як метафарычныя фраземы [6, с. 386]. Дадзенае даследаванне грунтуецца на шырокім разуменні аб’ёму фразеалогіі, паводле якога, акрамя ўстойлівых словазлучэнняў, звяртаецца ўвага на прыказкі і прымаўкі.

Фразеалагічныя адзінкі эпістальерыя можна размеркаваць па двух тыпах: узуальным і аказіянальным. Да фразем першага тыпу як неад’емных элементаў тэкставага зместу, што ствараліся на базе традыцыйных моўных узораў і адлюстроўвалі тагачасную фразеалагічную норму, адносяцца ўстойлівыя словазлучэнні невялікай ступені семантычнай злітнасці структурных кампанентаў. Не зусім карэктна лічыць абавязковымі элементамі эпістальярных тэкстаў фраземы другога тыпу – метафарычныя выразы і прыказкі, – паколькі іх роля заключаецца ў падкрэсліванні індывідуальнасці аўтарскага почырку і наданні ваенна-веставым лістам мастацкага каларыту і нестандартнасці.

І. У склад фразем **узуальнага** тыпу ўваходзяць:

1. Слоўныя комплексы з ключавым дзеяслоўным і залежным назоўніковым або прыслоўным кампанентамі (складаюць 68 % ад агульнай колькасці):

а) устойлівыя аналітычныя адзінкі са стрыжнёвай лексмай *чинити/учинити*. Як правіла, дадзены дзеяслоў у спалучэнні з назоўнікам абазначае: ажыццяўляць тое, што выказана назоўнікам [7, с. 394]. Напрыклад, **ведомость чинити** – ‘паведамляць’: *я о отправе его и о звращеню борзом ведомости жадное через так долгий час не чыню* (Л. 23) [8, с. 96]; **достаток чинити** – ‘забяспечваць матэрыяльнымі сродкамі’: *приказал есьми ему, абы для славы государское и того панства, звлаца, иж государ новы, жебы гонцу лепший достаток чинил* (Л. 16) [8, с. 80]; **обварунок чинити** – ‘заключаць дагавор’: *а обварунок в час который от того неприятеля*

чынить так, якобы нас марне не подшел и неготовых не застал (Л. 23) [8, с. 97]; *зъезд учинити* – ‘арганізаваць сход’: *зъезд* межю собою в том повете *учынили* (Л. 30) [8, с. 103]; *намову учинити* – ‘заклучыць дагавор, пагадзіцца’: и *намовы* свои ку таковым справам и ку постягнуеню свовольности *учынити* рачыли (Л. 30) [8, с. 103]; *ознаймене учинити* – ‘паведаміць’: юж потем в(аша) п(анская) м(илость) з милостивое ласки своее через посланца, пана Стравинского, *ознаймене учынить* рачил (Л. 19) [8, с. 86]. Паводле меркавання В. П. Сташайцене, “у словазлучэннях са словам *чинити* апошняе можа быць стрыжнёвым не па сваёй асноўнай семантычнай ролі, а толькі па марфалагічнай валентнасці <...> І хаця цэнтр цяжару тут ляжыць на іменным кампаненце, аднак роля дзеяслоўнага кампанента тут таксама значная, асабліва ў адносінах марфалагічнай валентнасці” [9, с. 126].

б) фразеаспалучэнні з дзеясловамі *взяти, делати, дойти, приводити, принять, поразити, покладати* і інш. у якасці асноўнага кампанента. Напрыклад, *в моц взять* – ‘атрымаць, захапіць’ [10, с. 188]: *татаре и черемиса Астрахань осели и в моц свою взяли* (Л. 2) [8, с. 44]; *дела делати* – ‘рабіць справу’ [11, с. 28]: *в том року государ ваш з ним, государем нашим, дела якого делати не будет, на другой, де, год будет трудно до всего прийти* (Л. 7) [8, с. 54]; *дойти лет* – ‘стаць дарослым’ [11, с. 217]: *дошлишы лет своих, будет з матухною своею служити* (Л. 19) [8, с. 90]; *ку памяти приводити* – ‘нагадаць’ [12, с. 213]: *яко ж и ку памяти в(ашей) п(анской) м(илости) привожу* (Л. 13) [8, с. 69]; *конец принять* – ‘памерці’ [12, с. 375]: *покорне прошю о прычину мандату государского с канцелярыи корунное о Кобылиныцы и Левковцы, жебых вже з ними конец прынял* (Л. 5) [8, с. 48]; *наголову поразити* – ‘разбіць праціўніка’ [10, с. 352]: *и тых, де, часов войска его осьми тысяч наголову поразили* (Л. 1) [8, с. 41]; *надею покладати* – ‘ускладваць надзею’ [13, с. 58] *ведь же всю надею в оброне а милостивых ласках в(аших) м(илостей), государей моих, покладаю* (Л. 14) [8, с. 44]; *на око видети* – ‘вызначыць прыблізна’ [14, с. 248]: *на око видим, же за недостатки, а нендзою нашою вшелякие sprawy и тильные потребности омешкиваются* (Л. 28) [8, с. 101];

в) фразеалагізм *чолом бити*. Вядома, што гэты ўстойлівы выраз з’явіўся ў пісьменнасці на мяжы XIII–XIV стагоддзя. На базе першага значэння – ‘кланяцца да самай зямлі’ – узніклі значэнні ‘звяртацца’, ‘кланяцца’, ‘прасіць’, ‘прад’яўляць’, ‘паведамяць’, ‘вітаць’, прычынай чаго стала страта словам *чело* значэнняў ‘лоб’, ‘галава’ [15, с. 36]: *про то и тепер чолом бью государем моим* (Л. 14) [8, с. 74].

2. Назоўнікава-прыметнікавыя (займеннікавыя, дзеепрыметнікавыя) фраземныя адзінкі, у склад якіх уваходзіць назоўнік і залежны ад яго ў ліку, родзе, склоне прыметнік, займеннік або дзеепрыметнік (30 % ад агульнай колькасці):

а) устойлівыя тэрміналагізаваныя словазлучэнні (найменні асоб па сацыяльным становішчы або родзе заняткаў, назвы дакументаў, паняццяў,

прадметаў). Напрыклад, **великий князь** – ‘састаўная частка тытула правіцеля дзяржавы, асоба, якая носіць гэты тытул’ [16, с. 160]: *от цара переконского был у великого князя посол (Л. 7)* [8, с. 54]; **дети боярские** – ‘вольныя слугі князя, дружыннікі, пазней у XVI–XVII стст. павятовыя феодалы’ [11, с. 107]: *всім детем боярским <...> розказал тепер заразом на берег ити (Л. 8)* [8, с. 56]; **лист зашитый** – ‘асобым спосабам запячатаны ліст’ [17, с. 49]: *принесены до мене листы князя великого <...> зашитые и под печатями (Л. 11)* [8, с. 62]; **люди купецкие** – ‘купцы’ [17, с. 179]: *корм и подводы напротивку <...> купецким людем на тот рок выслал (Л. 24)* [8, с. 98];

б) устойлівыя адзінкі з тэмпаральным значэннем. Напрыклад, **вчорашний день** – ‘былое, мінулае’ [11, с. 41]: *з Москвы выехал, вчерашнего дня, в пятницу (Л. 7)* [8, с. 53]; **малый час** – ‘нядоўга’ [7, с. 296]: *поки еще тот час малый от неприятеля во в покою трва (Л. 3)* [8, с. 46]; **тых часов** – ‘тады’ [7, с. 298]: *тых часов, месяца апреля 11 дня, на самый Великдень, в обед здесе до Орши приехал посланец (Л. 10)* [8, с. 60];

в) фразеалагічныя адзінкі, заснаваныя на метафарычным пераасэнсаванні ўнутранага вобраза. Напрыклад, **бронною рукою** – ‘з дапамогай зброі’ [18, с. 222]: *з Астрахани утекли и бронною рукою аж до Казани увошли (Л. 5)* [8, с. 44]; **люди божие** – ‘народ, абраны Богам’ [17, с. 191] (праз дадзеную намінацыю Ф. С. Кміта-Чарнабыльскі параўноўвае народ Вялікага Княства Літоўскага з яўрэйскім народам): *яко и говорят многие во вси стороны: “Не только абы московский князь государем быть мел, але хотя бы вже дьябел с некла, только абы кривды людей божых мстил, а в порадок привел” (Л. 19)* [8, с. 88].

3. Прыслоўныя ўстойлівыя спалучэнні (2 % ад агульнай колькасці). Напрыклад, **въ день и въ ночь** – ‘кожны дзень, пастаянна, не пераставаючы’ [19, с. 42]: *я, служебник в(ашей) п(анскей) м(илости), о том в день и в ночи пильность чиню (Л. 6)* [8, с. 52]; **ни там ани сям** – ‘ні там ні сям’ [20, с. 209]: *и так тот гоньчык был опушон, же было ему ни там ани сям (Л. 27)* [8, с. 10].

II. Фраземы аказіянальнага тыпу.

У многіх працах сцвярджаецца, што вобразнасць – аснова фразеалагічных адзінак, што “фразеалагізмы належаць да яркіх сродкаў вобразнасці і выразнасці” [21, с. 144], “фразеалагізмы – гэта вобразныя адзінкі мовы” [22, с. 296]. Да гэтага тыпу адносяцца метафарычныя выразы, прыказкі і прымаўкі, вобразнасць якіх пабудаваная на:

а) антытэзе: *Чым бы было лихого збыть? Коли топили – топор давали, а выплывши ни топорыща (Л. 13)* [8, с. 69]; *несчастный есьми дворянин, згиб есьми в нендзы, а больш з жалю: люди на кашы переели кашу, а я з голоду здох на сторожы! (Л. 19)* [8, с. 89];

б) іранічна-гумарыстычных інтанацыях: *И подобно виделось, ажебы хромого волка з лисицу стало <...> А теж и тогда тая баба на двое ворожила <...> Ино от него бог збавил (Л. 13)* [8, с. 70];

в) параўнанні: *просто як овца: где их больш берет волк, там она дальше за ним идут!* Большы будет жычливый народу польскому, нижели своему! *Ова просто есмо як рыба в омуте: слепи, неведоми! Не ведаем, куды в сию есмо диру влезли* (Л. 19) [8, с. 87];

г) рытмізаванасці выкладу: *а теж, милостивый государю, не ведати, кому то, на кого и для чего бы жаль было? А то з ласки божий государя маем, которому заховали веру и правду, о котором не думали, ни гадали, да государем нарадили!* <...> *Был бы паном, был а не был* (Л. 13) [8, с. 69–70];

д) эмацыйных інтэнцыях адрасанта (апраўданнях): *пише ми государиня моя троцкая: “Ожогшыся на молоце, велено на воду дуть”.* Я того и первой не знал, што чынить; только што велено чынить, тое чынил (Л. 19) [7, с. 88].

III. Варыянтнасць і сінанімія фразеалагізмаў.

Старажытным устойлівым моўным адзінкам з невысокай ступенню семантычнай злітнасці ўласцівая ў значнай меры лексічная варыянтнасць, заснаваная на пераменнасці наступных структурных кампанентаў:

а) назоўнікавага кампанента: *тратити горло и честь* – ‘падварагацца смяротнаму пакаранню з пазбаўленнем грамадзянскіх правоў’ [20, с. 426] < *тратити горло и почтивость*: *мам ли за то тратить мою почтивость альбо горло?* (Л. 13) [8, с. 70];

б) прыметнікавага кампанента: *лист опасный* – ‘ахоўная грамата’ [17, с. 49]/*лист пропустный*: *ожидают того посланника государя своего Федора Елизарьева от его кор(олевской) м(илости) з листом опасным* (Л. 29) [8, с. 102]/*лист ему свой пропустный дал* (Л. 15) [8, с. 77];

в) дзеяслоўнага кампанента: *внивеч обернутися (оборотитесе)* – ‘зводзіць на нішто, скасоўваць, дашчэнтну знішчаць’ [23, с. 61] < *внивеч пойсти*: *постой за нами <...> о тое заслужоное наше, абы лет наших, маетность потратившы, внивеч не пошло* (Л. 19) [8, с. 89].

У эпістальрыі прасочваецца і фразеалагічная сінанімія: *дати справу/до уха и до рук односити* – ‘паведамляць’: *о неспреспечности и войне князя великого московского с татары дал ми таковую справу* (Л. 15) [8, с. 77]/ *и што з рук их м(илостей) в руки мои приходило, и з уст их в ухо мое входило, то теж до рук и до уха их м(илостей) односил* (Л. 13) [8, с. 69].

Таксама зафіксаваная кантамінацыя двух самастойных фразеаспалучэнняў: *мети на бачности* – ‘мець на ўвазе’ [10, с. 15] і *мети на памяти* – ‘памятаць’ [10, с. 15] < *мети на бачности и памяти*: *на бачности и памяти своей панской маючи, пересторогу о то всё, яко бых ни в чом <...> некоторое трудности не ужил и на заочную справу од неприятель моих не упал, обещал* (Л. 13) [8, с. 66]. Разам з тым адзначаная зейгма (1) і сінанімічная трансфармацыя (2) лексічнага складу ўстойлівага выразу *служити верою и правдою* – ‘служыць верай і праўдай’ [14, с. 113] < *служити верою (* и правдою)* (1) < *всею крепостию и всею моею душою служить* (2): *а пред сем, служачи верою моею, никому больш только в(ашей) м(илости),*

моему милостивому пану, самому спочатку тую реч через писание объявил (Л. 13) [8, с. 69]; ино обещаю в(ашей) м(илости), государю моему милостивому, всею крепостию и всею моею душою служыти ее м(илости), ведле наибольшего преможеня моего! (Л. 19) [8, с. 89].

Ажыщцёўленае даследаванне ў межах заяўленай тэмы дазволіла зрабіць наступныя вывады:

I. Узуальнае фразеалагічнае ядро дадзенага помніка ўтвараюць дзеяслоўна-іменныя ўстойлівыя словазлучэнні – 68 %, выкарыстанне назоўнікава-прыметнікавых (займеннікавых, дзеепрыметнікавых) фразем складае 30 %, прыслоўныя ўстойлівыя канструкцыі адзначаюцца нізкай частотнасцю – 2 %. Ужыванне іх у разглядаемых тэкстах цалкам адпавядае тагачаснай фразеалагічнай норме.

II. Аказіянальны тып фразем прадстаўляе сабой шырокі спектр моўных сродкаў, якія чэрпаюць свае вытокі ў вуснай народнай творчасці. Гэты пласт увабраў у сябе разнастайныя параўнанні, метафарычныя выразы, прыказкі і прымаўкі, дзякуючы якім “Лісты” набываюць форму дынамічных, эмацыяна афарбаваных апавяданняў, дзе ў поўным аб’ёме раскрываецца вобразна-выяўленчы патэнцыял паэтычнай стылістыкі.

III. Для ўстойлівых словазлучэнняў характэрна лексічная варыянтнасць кампанентаў. Аўтар “Лістоў” выкарыстоўвае новыя вербальныя моўныя сродкі для большага насычэння вобразнай асновы фразеалагізмаў. Нароўні з варыянтнымі адносінамі фразеалагізмы здольныя ўступаць і ў сінанімічныя.

Такім чынам, эпісталярый Ф. С. Кміты-Чарнабыльскага – багатая аснова для папаўнення лексікаграфічных фразеалагічных даведнікаў старабеларускай мовы, з’яўленне якіх паспрыяе пашырэнню кірункаў даследаванняў беларускай мовы ў дыяхраніі.

ЛІТАРАТУРА

1. *Трофимович, Т. Г.* Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности / Т. Г. Трофимович. – Минск : БГПУ, 2003. – 223 с.
2. *Костючук, Л. Я.* Псковская фразеология в ее прошлом и настоящем / Л. Я. Костючук. – Л. : ЛГПИ, 1983. – 80 с.
3. *Мароз, В. К.* Мова беларускіх летапісаў у кантэксце фарміравання старажытнай беларускай літаратурнай мовы : аўтарэф. дыс. ... д-ра філал. навук / В. К. Мароз. – Мінск, 2009. – 39 с.
4. *Паляшчук, Н. В.* Фразеалогія старабеларускай дзелавой пісьменнасці і шляхі яе вывучэння / Н. В. Паляшчук // Язык и социум : материалы IX Междунар. науч. конф., Минск, 3–4 дек. 2010 г. : в 3 ч. ; редкол. : Л. Ф. Гербик (отв. ред.). – Минск : РИВШ, 2011. – Ч. 3. – С. 162–165.
5. *Паляшчук, Н. В.* 3 назіранняў над фразеалогіяй “Кнігі Запісаў” (1522–1522 гг.) [Электронны рэсурс] / Н. В. Паляшчук. – Рэжым доступу : file:///F:/Літаратура/Фразеалогія_Кніга%20запісаў.pdf. – Дата доступу : 01.04.2021.

6. *Саверчанка, І. В.* Паэтыка і семіётыка публіцыстычнай літаратуры Беларусі XVI–XVII стст. / І. В. Саверчанка. – Мінск : Беларуская навука, 2012. – 462 с.
7. Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства ; склад.: А. М. Булыка [і інш.] ; пад рэд. А. М. Булыкі. – Мінск : Беларуская навука, 2016. – Вып. 36: Фолькга – чорногрывы. – 437 с.
8. Помнікі старажытнай беларускай пісьменнасці / склад. А. Ф. Коршунаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1975. – 248 с.
9. *Сташайтене, В. П.* Абстрактная лексика на материале старобелорусских письменных памятников XV–XVII вв. / В. П. Сташайтене. – Вильнюс : Периодика, 1973. – 184 с.
10. Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства ; склад.: А. М. Булыка [і інш.] ; пад рэд. А. М. Булыкі. – Мінск : Беларуская навука, 1999. – Вып. 18: Местце – Надзавати. – 374 с.
11. Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства ; склад.: Р. С. Гамзовіч [і інш.] ; рэд. А. М. Булыка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1987. – Вып. 8: Девичий – Дорогость. – 312 с.
12. Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства ; склад.: А. М. Булыка [і інш.] ; пад рэд. А. М. Булыкі. – Мінск : Беларуская навука, 2008. – Вып. 28: Прегроза – пристранство. – 478 с.
13. Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства ; склад.: Т. І. Блізнюк [і інш.] ; пад рэд. А. М. Булыкі [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2006. – Вып. 26: Позней – поробтати. – 444 с.
14. Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства ; склад.: А. П. Груцо [і інш.] ; рэд. А. І. Жураўскі [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – Вып. 3: Вариво – Вкупе. – 320 с.
15. *Волков, С. С.* Лексика русских челобитных XVII в. / С. С. Волков. – Л. : Изд.-во Ленинград. ун.-та, 1974. – 163 с.
16. Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства ; склад.: А. М. Булыка [і інш.] ; рэд. А. М. Булыка [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 1996. – Вып. 15: Катъ – коречный. – 311 с.
17. Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства ; склад.: Т. І. Блізнюк [і інш.] ; рэд. А. М. Булыка [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 1998. – Вып. 17: Лесничий – Местский. – 365 с.
18. Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства ; склад.: А. П. Груцо [і інш.] ; рэд. А. І. Жураўскі [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – Вып. 2: Биецъ – Варивный. – 320 с.
19. Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства ; склад.: Р. С. Гамзовіч [і інш.] ; рэд. А. М. Булыка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. – Вып. 6: Выостренный – Глядати. – 303 с.
20. Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства ; склад.: А. М. Булыка ; пад рэд. А. М. Булыкі. – Мінск : Беларуская навука, 2013. – Вып. 33: Струна – треснутися. – 456 с.

21. Янкоўскі, Ф. М. Беларуская мова / Ф. М. Янкоўскі. – Мінск : Выш. шк., 1978. – 336 с.
22. Аксамітаў, А. С. Прыказкі і прымаўкі : тлумачальны слоўнік беларускіх прыказак і прымавак з архіваў, кафедральных збораў, рэдкіх выданняў XIX і XX стст. / А. С. Аксамітаў. – Мінск : Беларус. навука, 2000. – 319 с.
23. Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства ; склад.: Р. С. Гамзовіч [і інш.] ; рэд. А. М. Булыка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. – Вып. 4: Вкупітисся – Вспение. – 303 с.

Поступила в редакцию 06.01.2023

Старасценка Таццяна Яўгенаўна

кандыдат філалагічных навук, дацэнт,
дацэнт кафедры мовазнаўства
і лінгвадыдактыкі
Беларускі дзяржаўны педагогічны ўніверсітэт
імя Максіма Танка
г. Мінск, Беларусь

Tatiana Starascienka

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Linguistics and Linguodidactics
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Belarus
tstarascienka@gmail.com

РЭАЛІЗАЦЫЯ СЭНСАВЫХ АПАЗІЦЫЙ У ПАЭЗІІ ГЕНАДЗЯ ПАШКОВА

REALIZATION OF SEMANTIC OPPOSITIONS IN THE POETRY OF HIENADŹ PAŠKOŪ

У артыкуле разглядаецца моўная эксплікацыя сэнсавых апазіцый паэзіі Генадзя Пашкова. Паказваецца значнасць не толькі лексічных, але і граматычных сродкаў у стварэнні адметных кантрасных вобразаў. Прааналізавана рэалізацыя эфекту падманутага чакання на сінтагматычным і парадыгматычным узроўні ў разнастайных стылістычных фігурах.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: сэнсавая апазіцыя; дэкадаванне; эфект падманутага чакання; парадыгматычны комплекс; кантрас; стылістычная фігура.

The article deals with the linguistic explication of semantic oppositions in the poetry of Hienadź Paškoŭ. The importance of both lexical and grammatical means in creating special contrasting images is shown. The implementation of the deceived expectation effect at the syntagmatic and paradigmatic levels in various stylistic figures is analyzed.

Key words: semantic opposition; decoding; the effect of deceived expectation; paradigmatic complex; contrast; stylistic figure.

Сэнсавыя апазіцыі як аснова кантраснасці свету з'яўляюцца своеасаблівымі стымуламі, выяўленню якіх садзейнічаюць моўныя рэпрэзентанты паэтычнага тэксту. Ужытыя ў пэўным стылістычным кантэксце, яны ўздзейнічаюць на чытача, ствараючы аснову дэкадавання. Пры гэтым магчыма страта некаторай часткі інфармацыі, аднаўленню якой садзейнічаюць прыёмы вылучэння сэнсавых момантаў твора, значных для аўтара. Асэнсаванне прыёмаў вылучэння на ўзроўні падыходу "ад рэакцыі да стымулу" грунтуецца на стварэнні асаблівай экспрэсіўнасці, якая прыцягвае ўвагу чытача. Сярод такіх прыёмаў, у першую чаргу, неабходна назваць эфект падманутага чакання, які рэалізуюць стылістычныя фігуры кантрасу альтэрнатэза, аксюмаран, антытэза. Гэты прыём дазваляе "распазнаць" сэнсавыя апазіцыі праз пісьменніцкае светаўспрыманне і такім чынам стварыць дыялог чытача і аўтара. Эфекту падманутага чакання садзейнічае несупадзенне чытацкай прэсупазіцыі моўнага вопыту і індывідуальна-аўтарскай рэпрэзентацыі бінарных апазіцый. У выніку рэалізуецца камуніка-

тыўны падыход “ад рэакцыі да стымулу”, які стварае знешнюю дыялагізацыю і дазваляе дэкадаваць адметную паэтычную структуру. Мэтай артыкула з’яўляецца аналіз моўных рэпрэзэнтантаў сэнсавых апазіцый беларускага паэта Генадзя Пашкова. Пры разглядзе фактычнага матэрыялу былі выкарыстаны структурны і семантыка-стылістычны метады аналізу.

У паэзіі Г. Пашкова рэалізуюцца сэнсавыя апазіцыі ‘жыццё – смерць’, ‘мінулае – будучае’, ‘святло – цемра’, ‘многа – мала’, ‘цяпло – холад’ як на сінтагматычным, так і на парадыгматычным узроўні, паколькі кампазіцыйна-моўны прыём кантрасту з’яўляецца ў паэта адным з асноўных спосабаў адлюстравання свету. Эфект падманутага чакання падыходу “ад рэакцыі да стымулу” дасягаецца кантрастам паміж добра вядомымі чытачу моўнымі паняццямі і іх нечаканай паэтычнай рэпрэзэнтацыяй на аснове наступных з’яў:

1. Адначасовая кантэкстуальная супрацьпастаўленасць слоў і тоеснасць граматычнай структуры і сінтаксічнай пазіцыі: *Ідзём на стыку дзён / завеі і цвіцення* (“Наташка”). Паколькі граматычны ўзровень уплывае на семантычны, лексічныя супрацьпастаўленні сэнсава збліжаюцца (такое збліжэнне падтрымліваецца паняццем *стык дзён*). Пара *завея – цвіценне* ў супастаўленай пазіцыі з дапамогай злучніка *і* (які падкрэслівае іх рэляцыйную роўнасць) набывае агульную сутнасць у архісеме ‘вечнасць’. Гэтая архісема пацвярджае веру паэта ў шчаслівы лёс, у выніку чаго лексема *завея* набывае станоўчую эмацыянальную афарбоўку. У разуменні Г. Пашкова свет – гэта кругаварот пераўтварэнняў і метамарфоз, цэласнае адзінства, у якім адбываецца толькі пераход з аднаго стану ў другі. Такое філасофскае асэнсаванне характэрна для іншых апазіцый: *Так журботна і радасна так / адпраўляць перабытыя вёсны* (“Бабіна лета”); *Кроў і песня. / Радасць з болям* (“Разьбяр”); *...што так гарым, буям і віруем / пад месяцам і сонцам залатым* (“Няма ў свеце лішняга нічога...”). Граматычнае супастаўленне кантрастуе з лексічнай супрацьпастаўленасцю, у выніку чаго актуалізуюцца агульныя семы: *журботна і радасна* ‘стан душы’, *кроў і песня* ‘жыццё’, *месяц і сонца* ‘нябесная вышыня’. У выніку ўзнікнення кантэкстуальнай семантыкі складаецца асабліва паэтычная сістэма, якая спараджае новыя правілы інтэрпрэтацыі, звязаныя найперш з чытацкай рэцэпцыяй.

Роля злучніка *і* асабліва відавочная ў аксюмаране. Да аксюмарана як аб’яднання слоў, якія выражаюць лагічна несумяшчальныя паняцці, адносяцца спалучэнні, заснаваныя на антанімічных моўных адзінках, звязаных паміж сабой злучнікам *і*. Іх разгляд як словазлучэнняў зыходзіць з аналізу апазіцыі *словазлучэнне/сказ* па крытэрыі “непрэдыкатыўнасць – прэдыкатыўнасць”. Таму да словазлучэнняў як непрэдыкатыўных сінтаксічных адзінак адносяць канструкцыі, заснаваныя як на падпарадкавальнай, так і на спалучальнай сувязі. Аднак варта звярнуць увагу на той факт, што разнастайная роля спалучэння і падпарадкавання ў структуры сказа вымагае пакінуць паняцце словазлучэння за падпарадкавальнымі спалучэннямі слоў.

Пры разглядзе аксюмарана на ўзроўні спалучэння слоў важнай умовай з’яўляецца тое, што абодва кампаненты стылістычнай фігуры супрацьпастаўлення павінны супярэчліва характарызаваць адзін і той жа суб’ект. Аксюмаран на ўзроўні спалучэння слоў выяўляе ў прадмеце ці з’яве рэчаіснасці адзінства і барацьбу супрацьлеглых пачаткаў, дзякуючы якім магчыма існаванне і развіццё суб’екта. У пазіцыі граматычнай тоеснасці лексічная супрацьпастаўленасць кампанентаў аксюмарана нейтралізуецца ў пэўнай архісеме: *Смяліся і плакалі / тры скрыпкі* (“Над глухатой, над мітуснёй, над страхам”); *І боль, / і радасць – гэты крык* (“Мацярык”); *Спяць злыя і добрыя людзі* (“Неспазнаная песня”). Архісема ‘вечнасць існавання’ нейтралізуе супрацьпастаўленасць антонімаў, што дазваляе пагадзіцца з меркаваннем Р. В. Якабсона: “Любое слова ці сказ, трапіўшы ў пабудаваны на паслядоўным паралелізме паэтычны твор, адразу ж уцягваецца пад уплывам гэтай сістэмы ў шчыльны рад звязаных адзін з адным граматычных формаў і кампанентаў сэнсу” [1, с. 127].

Сінтаксічная будова здольная “здымаць” супрацьлегласць лексічных значэнняў у моўных і кантэкстуальных антонімах, звязаных спалучальным злучнікам *і*, а пры ўмове выкарыстання паміж антонімамі пералічальна-размеркавальных злучнікаў – ствараць умовы альтэрнатыўнага выбару. Актуалізацыя дыялагічных адносін паміж маўленчымі суб’ектамі мастацкай камунікацыі адбываецца дзякуючы сістэме моўных сродкаў. Адным з такіх сродкаў выступае альтэрнатэза, якая абумоўлівае выбар аднаго з супрацьлеглых прадметаў, з’яў, прымет, дзеянняў. Антонімы, звязаныя пералічальна-размеркавальнымі злучнікамі, маюць значэнне ўзаемавыключэння. У навуковай літаратуры існуе думка, што пералічальна-размеркавальныя злучнікі звязваюць незамкнёны рад кампанентаў, ужываюцца ў адкрытых структурах [2, с. 338].

Свой погляд на спецыфіку функцыянавання злучніка *або* ў мове паэтычных тэкстаў В. Мандэльштама падае Ю. І. Левін, адзначаючы, што гэта любімы злучнік паэта не столькі з-за прадастаўленне выбару, “колькі ў сілу яго няпэўнасці, ненавязлівасці, “адкрытасці”, якая дае як магчымасць сумяшчэння членаў дыз’юнкцыі, так і магчымасць неабмежаванага працягу адпаведнага спіса” [3, с. 54]. Тым не менш, у паэзіі Г. Пашкова такія злучнікі, звязваючы кантрасныя лексемы, замыкаюць адпаведны рад, і чытач мусіць зрабіць выбар толькі паміж дзвюх адзінак. На думку М. Л. Макарава, гэта выпадак моцнай дыз’юнкцыі [4, с. 35]: *Небам плыву ці шашою – / звабныя бачу агні* (“Млее спелае лета”); *Каб у дзень, цяжкім ці светлым быў, / лепшыя, адданыя бясконца, / чашу з табой выпілі б сябры* (“Што пражыта – мудрасці зарок...”); *Каса ці камень... / Меч альбо арала...* (“Дзяўчынка з блакітным мячыкам”).

Злучнік *і* ў структуры аксюмарана, пералічальна-размеркавальныя злучнікі альтэрнатэзы выражаюць у паэтычным дыскурсе рэляцыйныя значэнні, ствараючы мадэль індывідуальна-аўтарскага светаўспрымання. Паколькі ў паэзіі граматычны ўзровень праектуецца на семантычны, супрацьпастаў-

ленні могуць сэнсава збліжацца, паміж імі магчымы альтэрнатыўны выбар, што дазваляе зразумець розніцу паміж узуальным значэннем і кантэкстуальным.

2. Адначасовая лексічная супрацьпастаўленасць слоў і фанетычная тоеснасць: *Свеціць з-за хмары / адвечнае сонца. / Толькі самотная песня – / як плач. / Можжа, / той самы / нябачаны стронцый / ногі табе спавівае, / рыфмач?..* (“Сонца і стронцый”). Гукавы паралелізм *онц* імплікуе падабенства значэнняў слоў *сонца*, *стронцый*, якія без кантэксту супрацьпастаўляюцца. У свядомасці чытача існуе звыклая для яго сістэма моўных паняццяў, якая не супадае з семантычнымі супастаўленнямі і супрацьпастаўленнямі паэтычнай арганізацыі тэксту, дзе актуалізуюцца аказіянальныя сінонімы і антонімы. Прыведзенае супрацьпастаўленне *сонца – стронцый* паэтычна актуалізуецца па вертыкальнай восі пункту гледжання тэксту знізу ўверх, ад зямнога, прыніжанага, да нябеснага. У прыведзеным прыкладзе *сонца* як рэпрэзентант верху, неба набывае пеяратаўную канатацыю і становіцца сінонімам лексемы *стронцый*.

3. Апазіцыя ‘**святло – цемра**’ ўключае *верх/ніз*, дзе *верх* звязваецца ў Г. Пашкова са святлом духоўнага росту, эксплікаваным акузатывам: *Крылы раскіне душа, / і арліцай узмые* (“Мітусімся...”). Сінанімізацыя назоўнага склону і акузатыву *крылы* стварае сему гармоніі прыроднай і чалавечай вышыні. Сэнсавая інверсія верху праяўляецца ў яго аднесенасці і да цемры: *Час надыдзе, / не злічыш апалін, / падбіта крыло* (“Мітусімся...”). Супрацьпастаўленне меліяратыўных і пеяратаўных лексем *крылы*, *арліца – цень*, *крыж* сведчыць пра ацэначны характар апазіцыі *верх/ніз*.

4. Апазіцыя ‘**многа – мала**’ звязана ў Г. Пашкова з асіметрычным вобразам лірычнага “я” праз супрацьпастаўленне *я – зорны абшар*, *вякі* (“Маё неба”), *маленькая дачка – Сусвет* (“Даследавалі вучоныя...”). Узнікае сэнсавае прырашчэнне філасофскай значнасці кожнага імгнення, уключанага ў кантэкст бясконцасці, якая пераўтварае адзінкавае лірычнае “я” ў множнае абстрактнае “мы”. Прычым у гэтым выпадку апазіцыя ‘**многа – мала**’ перасякаецца з апазіцыяй ‘**мінулае – цяперашняе**’, паколькі “я” кантамінуе памяць продкаў і гістарычных падзей. Асіметрыя вобразаў узнікае і пры супрацьпастаўленні стылістычна маркіраваных вялікай літарай лексем і памяншальных формаў: *дробненькія барыкадкі – мяцежныя Барыкады* (“Імем барыкад”).

5. Сіметрычнае размеркаванне знешняга (прыроднага) і ўнутранага (інтраспектыўнага) эксплікацыйных планаў апазіцыі ‘**цяпло – холад**’. Для паэтычнага дыскурсу Г. Пашкова характэрны ўзаемапераходы паміж двума сляямі – пейзажным і інтраспектыўным, прычым пейзажны элемент, экспліцытна выражаны, імплікуе эмацыянальны свет лірычнага “я”. Такая імплікацыя адбываецца праз: 1) метафару: *Бярозавых вязанка дроў / сагрэе рукі і ўспаміны* (“Зазімак”). У другім кампаненце супрацьпастаўлення *вязанка дроў – холад рук і ўспамінаў* прысутнічае супастаўленне прамога і пераноснага значэнняў, што дазваляе ўспрыняць розныя паняцці (*рукі, успаміны*)

як аднародныя. Назоўны склон прыроднага пранікае ў аказатыў фізічнага і духоўнага стану чалавека; 2) творны склон: *Душа чужою грэецца вясной, / пакуль свая сумётамі абнятая* (“А ў Івянецкай пушчы ўсё зіма...”). У супрацьпастаўленні *чужая вясна – свае сумёты* сіметрыя прыроднага і інтраспектыўнага планаў выводзіцца на аснове творнага з адценнем шчасця і творнага з адценнем гора.

6. Супрацьпастаўленыя парадыгматычныя комплексы сэнсавых апазіцый ‘**жыццё – смерць**’, ‘**мінулае – будучае**’. Вылучэнне такіх комплексаў арыентуецца на вертыкальны кантэкст, у якім “«гарызантальная» прагрэсія значэння саступае «вертыкальнай сувязі» [5, с. 128]. Пры гэтым галоўную ролю адыгрывае прынцып тоеснасці, які Л. Г. Кіхней і А. У. Меркель адносяць да “прынцыпу кантэкстуальнай семантыкі” [6, с. 55]. Яго сутнасць у тым, што супрацьпастаўленымі могуць быць рады семантычных комплексаў, у якіх слова набывае нечаканыя сэнсавыя прырашчэнні «за кошт гульні лексічных супастаўленняў і супрацьпастаўленняў, якія ўтвараюць складаную сістэму бінарных адпаведнасцей і апазіцый» [6, с. 57].

Для супрацьпастаўленых парадыгматычных комплексаў Г. Пашкова характэрна імплікацыя скрытага аксюмарана, як, напрыклад, у паэме «Дзяўчынка з блакітным мячыкам». Вобраз прасторы, у якой пастаянна шукае сябе лірычны герой Г. Пашкова, складаны і неадназначны. Прасторы Г. Пашкова не ўласціва замкнёнасць, сканцэнтраванасць, самадастатковасць. Месца дзеяння лірычнага героя не дазваляе яму адчуць сябе шчаслівым. Аднак прастора нясе не толькі трагедыю, але і поўніць радасцю перамог, адкрыццяў, самапазнання. Гэта пацвярджае дыялектыку паэтычнага светаадчування Г. Пашкова. Спаленая Пампея ў паэме – адна з сэнсавых варыяцый супярэчлівага вобраза прасторы. І ў гэтай сэнсавай варыяцыі прысутнічае асіметрыя: пусты горад усё роўна поўніцца жыццём. Парадыгмы мінулага і цяперашняга супрацьпастаўлены на аснове аспектуальна-тэмпаральнай апазіцыі з семантыкай ацэначнасці: *застыглі сцены; пагаслы, астылы агонь; закамянеўся нескаромны ложак; выцвілыя фрэскі; замшэлы друз – побач скача мячык, смяецца жвавае дзіця, спявае галасок*. Аспектуальна-тэмпаральная апазіцыя супярэчліва характарызуе і сам горад, у якім цяперашняе пастаяннае мае семантыку жыцця: *Пампея пільна беражэ спакой; гладыш пахне вінаградом, і ў гэта спакойна-размеранае існаванне нечакана ўключаецца сема трывогі: пацягне тхлом з пустэльных камяніц; і ўсё ў душы так скаланецца рэзка; ніхто на крык табе не адгукнецца*. Кантамінацыя мінулага і цяперашняга, жыцця і смерці, спакою і трывогі стварае аксюмараннае ўспрыманне вобраза спаленага горада.

Адметнасцю стварэння парадыгматычнага кантрасту ў Г. Пашкова з’яўляецца ўжыванне злучніка *але* паміж рознымі тэматычнымі лініямі з адносінамі перасячэння, які экспліцытна падрыхтоўвае чытача да ўспрымання супрацьлеглай інфармацыі, што у некаторым сэнсе змякчае сілу ўздзеяння эфекту падманутага чакання. Гэта характэрна і для кампазіцыйнай будовы паэмы “Дзяўчынка з блакітным мячыкам”, дзе апазіцыя ‘**мінулае –**

цяперашняе’ вербалізуецца праз супрацьпастаўленні мінулага (*вулкан; схаладнелая лава; пыл*) і цяперашняга (*дзве коскі з матылькамі; сонечныя вейкі; чыстых словаў радасныя званы; маленькая шчабятуха; вясёлы смех*). Ужыты паміж прыведзенымі парадыгматычнымі комплексамі злучнік *але* садзейнічае паслядоўнаму пераводу чытацкай увагі ў іншы сэнсавы план. Праз сімволіку цяперашняга ярка выяўляецца аўтарская пазіцыя, дзякуючы ўжыванню пазітыўнаацэнчаных прагмем (параўнаем з негатыўнай ацэнкай моўных адзінак *глухія, змрочная, шэры* мінулага).

Такім чынам, камунікатыўны падыход “ад рэакцыі да стымулу” ў паэзіі Г. Пашкова стварае знешнюю дыялагізацыю праз дэкадаванне кантрасных вобразаў, заснаваных на лексіка-граматычных рэпрэзэнтантах. Рэалізацыя сэнсавых апазіцый ‘жыццё – смерць’, ‘мінулае – будучае’, ‘святло – цемра’, ‘многа – мала’, ‘цяпло – холад’ на сінтагматычным і парадыгматычным узроўні ўзмацняецца эфектам падманутага чакання, які ўздзейнічае на эмацыянальную сферу чытача і спрыяе сутворчасці.

ЛІТАРАТУРА

1. *Якобсон, Р. О.* Работы по поэтике : переводы / Р. О. Якобсон ; сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. – М. : Прогресс, 1987. – 464 с.
2. Кароткая граматыка беларускай мовы : у 2 ч. / навук. рэд. А. А. Лукашанец. – Мінск : Беларус. навука, 2007. – Ч. 1.: Фаналогія. Марфаналогія. Марфалогія. – 351 с.
3. *Левин, Ю. И.* Избранные труды. Поэтика. Семиотика / Ю. И. Левин. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 824 с.
4. *Макаров, М. Л.* Коммуникативная структура текста / М. Л. Макаров. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 1990. – 52 с.
5. *Nycz, R.* Literatura jako trop rzeczywistości / R. Nycz. – Kraków : Universitas, 2001. – 277 s.
6. *Кихней, Л. Г.* Осип Мандельштам: философия слова и поэтическая семантика / Л. Г. Кихней, Е. В. Меркель. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2016. – 200 с.

Поступила в редакцию 10.11.2022

Тарасава Тамара Мікалаеўна

доктар філалагічных навук, прафесар,
прафесар кафедры беларускай
і замежнай літаратуры
Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт
імя Максіма Танка
Мінск, Беларусь

Tamara Tarasava

Habilitated PhD in Philology, Professor,
Professor of the Department of Belarusian
and Foreign Literature
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Belarus
tamaratarasava@gmail.com

НАВУМЕНКАЎСКИ АЎТАБІЯГРАФІЗМ І ЯГО АДМЕТНАСЦІ
Ў АПОВЕСЦІ “ВІР”

AUTOBIOGRAPHICAL FEATURES OF I. NAVUMENKA'S PROSE
AND ITS CHARACTERISTICS IN THE STORY “WHIRLPOOL”

У артыкуле на прыкладзе аповесці І. Навуменкі “Вір” (1997) разглядаюцца своеасаблівасці аўтарскага аўтабіяграфізму, якому ўласцівы спавядальнасць (самапрэзентацыя ўласнага вобраза ў кантэксце свайго часу), семантычная множнасць “я” (“я” ўнутранага і знешняга, “я” ў мінулым і “я” ў цяперашнім часе), скрупулёзная ўвага да дэталей, адметная тыпалогія часавых узаемаадносін (непаслядоўнасць фактаў, падзей, фрагментарнасць), кампазіцыйны прыём “рамак”. Сфармуляваны вывад пра тое, што навуменкаўскі аўтабіяграфізм як спосаб мастацкага ўвасаблення біяграфічных фактаў у тэксце, як своеасаблівая стыльвая манера пісьменніка стаў важнай стратэгічнай формай увасаблення рэчаіснасці, асэнсавання феномена чалавека як суб’екта быцця.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *І. Навуменка; аўтабіяграфізм; спавядальны аўтабіяграфізм; дэталі; часавая арганізацыя твора; кампазіцыйны прыём “рамак”.*

The short story “Whirlpool” (1997) by I. Navumenka is analysed in the article to reveal the peculiarities of the author’s autobiographical features in the text, which are characterized by the confession style (self-presentation of the author’s image in the context of his time), the plurality of “I” (the inner and the outer “I”, “I” in the past and present), close attention to detail and to the temporality factor (inconsistency and fragmentation of facts and events), and the frame narrative technique. Navumenka’s autobiographical features in his prose became an important strategic way to represent reality, to conceptualize a person as a subject of existence.

Key words: *I. Navumenka; autobiographical features; confession style; detail; temporality in fiction; frame narrative technique.*

Формы праяўлення пісьменніцкай пазіцыі ў мастацкім творы самыя разнастайныя, найбольш поўна яе прысутнасць выяўляецца ў творы з выразным аўтабіяграфічным пачаткам. Харвацкая даследчыца Магдалена Медарыч піша: “Автабіяграфізмам мы можам назваць стылістычна маркіраваны літаратурны прыём, представляющий собой эхо жанра автобиографии; он появляется в текстах, которые сами по себе не являются автобиографией, не писались и не воспринимались как автобиографии” [1, с. 5]. У аўтабіяграфічным творы гаворка не ідзе пра дакументальную перадачу падзей пісьменніцкага лёсу, дапускаюцца элементы выдумкі, мастацкай

фантазіі, могуць прысутнічаць сітуацыі, матываваныя імпліцытна, але насамрэч прыдуманая аўтарам. Тым не менш каштоўнасць аўтабіяграфічных элементаў відавочная, бо яны дазваляюць раскрыць адметнасць аўтарскай асобы, важныя этапы яе самарэалізацыі.

Паняцце *аўтабіяграфізм* можна выкарыстоўваць у дачыненні да любога літаратурнага жанра, але найбольш глыбока яго сэнс праяўляецца ў аўтабіяграфіі, нават калі яна з'яўляецца мастацкай. Пісьменніцкі аўтабіяграфізм уяўляе сабой аб'ектыўны адбітак аўтарскай свядомасці, праз якую асоба творцы раскрываецца ў суадносінах з лёсавызначальнымі падзеямі ў жыцці народа, з універсальнымі праблемамі чалавецтва. У аўтабіяграфічным тэксце пісьменнік можа захаваць некаторыя індывідуальныя рысы ўласнай асобы, але найперш ён стварае тыповы вобраз сучасніка, які жыве ў сваім часе са сваімі клопатамі. Аўтар мадэлюе вобраз аўтабіяграфічнага героя як літаратурны партрэт прадстаўніка адпаведнай эпохі. Навуменкаўскай прозе ўласціва якраз такая форма праяўлення аўтабіяграфізму ў тэксце.

Пэўныя этапы жыццёвага шляху І. Навуменкі – даваеннае дзяцінства, апаленае вайной юнацтва, журналісцкая і выкладчыцкая праца, навуковая творчасць і іншыя біяграфічныя моманты – увойдуць лейтматывамі ў структуру шматлікіх твораў. Даследчык П. Васючэнка заўважыў, што пачатак творчасці пісьменніка быў ужо пазначаны “аўтабіяграфізмам і матывамі «выхавання»” [2, с. 694].

Абагульнены вобраз інтэлігента часоў “хрушчоўскай адлігі” глыбока прадстаўлены ў адным з апошніх твораў І. Навуменкі аповесці “Вір” (1997), дзе відавочна выяўляецца такая форма аўтабіяграфізму, як спавядальны аўтабіяграфізм. Ён скіраваны ў першую чаргу на самапрэзентацыю праз скрупулёзна падабраныя дэталі ўласнага вобраза ў кантэксце свайго часу і мае на мэце раскрыць у мастацкім тэксце найперш глыбока схаваныя ўнутраныя канстанты асобы пісьменніка, фіксацыя ж асобных момантаў біяграфіі аўтара можа быць даволі сціплай і нават спрэчнай. Праўда, гэта не тычыцца аповесці “Вір”, бо ў творы выразна прысутнічае сюжэтна-падзейная сувязь паміж біяграфіяй пісьменніка і яго героя Несцяровіча, таму падзейны аўтабіяграфізм відавочны таксама.

Твор І. Навуменкі “Вір” пісаўся ў канцы ХХ ст., калі выразна праявіўся крызісны стан мастацтва ў нацыянальнай культуры, але тым не менш беларуская проза гэтага перыяду ў лепшых сваіх узорах імкнулася глыбока паказаць духоўны патэнцыял чалавека, выявіць гуманістычны і філасофскі складнік нацыянальнай думкі, самабытнасць роднага слова. І. Навуменка ў межах невялікай аповесці распрацоўвае праблему сацыяльна-маральных стасункаў у асяроддзі навуковай і творчай інтэлігенцыі пасляваеннага часу.

Жыццё выкладчыка-дацэнта вышэйшай школы, будучага пісьменніка Аляксандра Іванавіча Несцяровіча складваецца няпроста. Няўдалы шлюб з першай жонкай Ізольдай, жанчынай эгаістычнай, самаўпэўненай, для якой шлюб быў толькі прыкрыццём свабоднага кахання і *дзе зусім не абавязковая*

ўзаемная адданасць мужа і жонкі [3, с. 7], прымусіў хлопца быць больш асцярожным з жанчынамі: *Несцяровіч жанаты другі раз. Можна сказаць, што гэта ягоная драма і нават трагедыя. Ён ажаніўся з дзяўчынай першага, яшчэ школьнага, кахання, хоць прадчуваў, што гэтага не трэба было рабіць. <...> Цяпер, з цягам часу, ён разумее, што Ізольда, першая жонка, яго зусім не любіла, звяртаючы ўвагу толькі на сваю асобу* [Там жа].

З другой жонкай Галінай Несцяровіч пазнаёміўся ў Мінску, калі працаваў выкладчыкам на філалагічным факультэце ўніверсітэта. Гэты саюз аказаўся шчаслівым, сям'я была забяспечанай і матэрыяльна. Галіна мела дасціпны розум, валодала гумарам, заўсёды цікавілася справамі мужа, была клапацівай жонкай і маці: *Як у віхурным танцы, закружылася каханне Несцяровіча і Галі. <...> Яна досыць начытаная, хоць вучылася ў наргасе, дзе літаратуру нават не выкладаюць. Гаворку з ёй можна весці на любую тэму. І розум у яе дасціпны, і гумарам валодае. Пазней Несцяровіч зразумеў, што была яшчэ адна, можа быць, самая галоўная прычына, якая з'яднала яго з Галіяй. Ён быў мяккі, сузіральны, яна – дзейсна-актыўная* [3, с. 11].

Герой Несцяровіч-выкладчык – аўтапсіхалагічны персанаж, ён чалавек творчы, падпрацоўваў у рэдакцыі часопіса “Юнацкі свет”, дзе меў магчымасць друкаваць свае нарысы. Яго назіранні за тагачасным літаратурным жыццём удумлівыя, разважлівыя, пазбаўленыя катэгарызму, зайздрасці да таленавітых і кпінаў са слабейшых. Намаляванае аўтарам мікраасяроддзе часопіса тонка фіксуе настроі творчай беларускай інтэлігенцыі, вельмі неаднароднай і далёкай ад ідэалу: *А ў рэдакцыі, аказваецца, былі розныя людзі. Нават такія, што слухалі і запаміналі, перадавалі тое, што ён гаварыў, куды трэба. Прытым, відаць, у пісьмовым выглядзе, магчыма, з уласнымі дабаўкамі і перабольшваннямі* [3, с. 15].

Беларускага пісьменніка І. Навуменку, як заўважае П. Васючэнка, заўсёды цікавіў працэс “фарміравання чалавечай асобы ў зменлівым навакольным свеце” [2, с. 694]. Аўтабіяграфічны герой Несцяровіч свае першыя апавяданні з-за недахопу часу днём пісаў ноччу. Гэта былі нявыдуманая гісторыя пра самаахвярнасць сяброў-таварышаў, якія добраахвотна ўдзельнічалі ў антыфашысцкім падполлі, ішлі ў партызаны, на фронт. *Іх ніхто не арганізоўваў, не даваў заданняў, яны, калі гаварыць высокімі словамі, па ўласнай волі рызыкавалі жыццямі і нават жыццямі родных, блізкіх* [3, с. 15]. Згаданыя ў аповесці партрэтныя, пейзажныя, побытавыя дэталі выразна характарызуюць атмасферу 60-х гадоў ХХ ст., умовы працы, адносіны выкладчыка Несцяровіча да калег, сяброў, прафесійнага абавязку. Герой І. Навуменкі з болем успамінае трыццаць сёмы год, калі бяследна знікалі людзі, разважае над неапраўданым раскулачваннем працавітых сялян, адчувае пасляваенную атмасферу падазронасці ў рэдакцыі, дзе працуе. Пачутае вучыла назіральнасці, жыццёвай мудрасці, асцярожнасці.

Несцяровіч-пісьменнік разумее, што праца творцы – справа нялёгкая, яна патрабуе поўнай самааддачы, адпаведнага настрою: *...Пісанне – пакута, – прызнаецца герой. – Самая цяжкая работа, якая ёсць на свеце. Вядома,*

здараюцца выпадкі, калі пішацца лёгка, натхнёна. За адну ноч можа нарадзіцца апавяданне. Але такія ўзлёты духу бываюць рэдка. Галоўнае – праца. Сядзі, прымушай сябе жыць у часе, пра які пішаш, улазь у скуру герояў, у іхнія душы, выяўляй іх імкненні, жаданні. Пісьменнік – той жа артыст. Але своеасаблівы. Бо нават у невялікім апавяданні вымушаны іграць некалькі роляў. І не так проста даецца слова. <...> для пісання трэба час. <...> Ён пасля ўпартага і тым больш удалага пісання нібы выціснуты лімон. Ён стомлены, шчаслівы і пусты [3, с. 22–23]. Прыведзены ўрывак з аповесці “Вір” надзвычай аўтабіяграфічны, відавочна, што ўнутранае мастакоўскае жыццё – глыбокае і невычэрпнае, пісьменніцкія ацэнкі недагматычныя, а вобраз творцы паўстае як вобраз чалавека разумнага, уважлівага, які ўвесь час знаходзіцца ў творчых і жыццёвых пошуках. Тут мы маем права гаварыць пра адкрыты спавядальны аўтабіяграфізм, герой твора пакутліва ўсведамляе супярэчлівыя змены ў душы, якая знаходзіцца ў пошуках ісціны і балючага разумення той рэчаіснасці, у якой так многа нестабільнасці і хуткаплыннасці. Герой-інтэлігент І. Навуменкі жыве клопатам не толькі пра прыгожае пісьменства, яго, як выкладчыка і даследчыка, хвалююць праблемы тагачаснага літаратуразнаўства, якое не звяртае ўвагі на прыватнае жыццё творцы і тым самым ігнаруе вельмі важны аспект пісьменніцкай лабараторыі.

Выкладчыцкая праца, як лічыць герой, таксама нялёгкая: *Цяжка не лекцыі чытаць. Калі добра падрыхтуешся, асвоіш матэрыял, то стаяць за кафедрай прыемна. Бачыш перад сабой удзячныя твары студэнтаў і выходзіш з аўдыторыі з пачуццём выкананага абавязку. І яшчэ з пачуццём свабоды. Няхай сабе да наступнай лекцыі, якая будзе пасляўтра ці нават заўтра. І ўсё адно: чытанне лекцыі – як прыгон. Выкладчык звязаны імі на руках і нагах. Бо калі лекцыя заўтра, то прыйшоўшы дамоў, паабедаўшы, пачынаеш пра яе думаць. І так месяц за месяцам, год за годам. Гэта нібы ланцугі на нагах* [3, с. 22]. Вышэйназваныя абставіны нараджаюць семантычную множнасць “я”: “я” ўнутранага і знешняга, “я” ў мінулым і “я” ў цяперашнім часе. Такім чынам, у спавядальным аўтабіяграфізме пісьменніка мы бачым ускладненую семантыку “я”.

Шматлікія жыццёвыя клопаты (вялікая загрузанасць на выкладчыцкай працы, беспадстаўныя падазрэнні героя ў быццам бы жончынай здрадзе, сквапная прагнасць былой жонкі да вялікіх аліментаў на сына) выпрабавуюць героя на сумленнасць, загартаванасць, на цярплівасць. Узмацненне ў прозе І. Навуменкі псіхалагічнага пачатку напрамую звязана з пісьменніцкай увагай да дэталей, якія здольны выяўляць “схаваныя сэнсы” (Ю. Бораў): *У інтэрнаце асталеваліся два каты. Каб жыццё грунтавалася на разумных пачатках, то каты маглі пароўну падзяліць уладанні. Кожнаму прыпала б па два паверхі з мноствам масіўных чыгунных урнаў, куды студэнты зносілі недаедкі. Але каты сыходзіліся каля якой-небудзь адной урны на другім ці трэцім паверсе, біліся і наладжвалі такія дзікія канцэрты, ад якіх прачынаўся ўвесь інтэрнат. Катоў разганялі, але праз гадзіну яны зноў*

сходзіліся і пачыналі лямантаваць [3, с. 14]. Дасціпнае назіранне над штодзённым жыццём не пазбаўлена тонкай аналітыкі і філасофскай мудрасці ў спасціжэнні важных законаў быцця. Спавадальны аўтабіяграфізм часта стварае ў аповесці “Вір” эффект дотыку да болевых кропак, да ўласна аўтарскіх экзістэнцыяльных праблем, здольных надаць твору жыццёвую дакладнасць і ўзрушанасць.

У аповесці шмат канстатуючых дэталей (*Жыў на аспіранцкіх інтэрнатах, абараніў дысертацыю, працаваў выкладчыкам, падрабляў у маладзёжным часопісе. Матэрыяльна быў незалежны, хоць аліменты адбіралі значную частку заробку* [3, с. 9] ці *Мінаюць гады. Выходзяць кнігі: адна, другая, трэцяя. Нават нейкае імя ўжо мае Несцяровіч. І вось нарэшце раман* [3, с. 18]). Гэтыя дэталі задаюць адпаведную дынаміку аповяду, ствараюць танальнасць віхурнасці, імклівасці.

Мастацкая дэталі як літаратуразнаўчая катэгорыя ў сціслай форме выяўляе аўтарскую ідэю, становіцца адметным сродкам абагульнення. Побывавыя дэталі пасляваеннага Мінска ў творы характарызуюць сацыяльна-эканамічны ўзровень жыцця народа. Яны дакладна перадаюць атмасферу часу “хрушчоўскай адлігі”, калі *многія жыхары трымалі кароў, свіней, курэй, мелі агароды, умелі таўчы ў ступах крупы, а ў ліхую гадзіну на жорнах малоць муку* [3, с. 12]. І. Навуменка праз тонкае адчуванне семантыкі дэталей падае маштабны малюнак добраўдомага яму тагачаснага жыцця.

Гістарычна дакументальны матэрыял эпохі дапаўняецца ў аповесці аўтарскай фантазіяй і яго суб’ектыўнай інтэрпрэтацыяй. Пісьменнік на матэрыяле асобных момантаў сваёй біяграфіі стварае тыповы вобраз інтэлігента 60-х гг. ХХ стагоддзя. І. Навуменка падрабязна фіксуе псіхалагічную атмасферу ў грамадстве, пакутлівыя творчыя пошукі героя, духоўна блізкага аўтару.

Выпадковаму чытачу выявіць у тэксце аповесці “Вір” прысутнасць аўтабіяграфічных імпульсаў даволі цяжка, і аналізаваць твор праз знешнія біяграфічныя супадзенні аўтарскага “я” і “я” героя/персанажа не варта. Толькі *псіхабіяграфічны* падыход у даследаванні структуры характару персанажа здольны агаліць глыбінныя канстанты душэўнага жыцця аўтабіяграфічнага героя і пісьменніка.

Нельга гаварыць пра тоеснасць паміж аўтарам і аўтабіяграфічным персанажам у творы, бо герой толькі фіктыўна падобны мастаку слова і мае ўпарадкавана-структураваныя погляды, у той час як сістэма поглядаў аўтара пастаянна мяняецца. Індывідуальны ўнутраны вопыт Навуменкі-пісьменніка пашыраецца да ўніверсальных маштабаў мастака-творцы ўвогуле. Праз побытавае, малое выяўляецца вялікае, эпахальнае. Сітуацыі, у якія трапляе герой беларускага пісьменніка, пераканаўча рэальныя, але яны неабавязкова мелі месца ў жыцці аўтара. Сапраўды, нельга не пагадзіцца з даследчыкам А. М. Болдыравай, што “автабіяграфізм – это принцип преломления автобиографии в художественном творчестве, соотношение художественной и внехудожественной реальности. Такой принцип преломления заключается

в трансформации автором автобиографического, жизненного материала для собственных текстов в наиболее выгодном для автора свете” [4, с. 245]. Несцярковіч, як мы ўжо засведчылі, – персанаж аўтапсіхалагічны, у структуры яго характару ўвасоблены найбольш уласцівыя аўтару рысы, здольныя пры гэтым спалучаць у сабе цэлы спектр пісьменніцкіх іпастысяў і ствараць абагулена-тыповы вобраз эпохі.

У аповесці “Вір” можна вылучыць тры лініі развіцця падзей: лёс героя-пісьменніка, лёс яго пакалення і рух самой гісторыі праз прызму аўтарскага “я”. Сямейна-бытавая тэматыка падаецца ў творы не на ўзроўні апісальнасці, яна цесна пераплецена з псіхалагічным аналізам душэўных перажыванняў Несцярковіча. Такім спосабам пісьменнік пазбягае абытаўлення зместу, маральна-псіхалагічны аналіз застаецца прыярытэтным у творы. Падыход І. Навуменкі да індывідуальнага як звышкаштоўнага цалкам адпавядае характару сённяшняга часу і сучаснаму літаратурнаму працэсу.

Навуменкаўскі аўтабіяграфізм запатрабаваў сваю тыпалогію часавых узаемаадносін. Пісьменнік адмовіўся ад жорсткай паслядоўнасці фактаў, падзей, ён “расчляняе” ўспаміны Несцярковіча на фрагменты, якія мяняюць “фокус изображения” і такім чынам выдзяляюць “припоминаемую деталь крупным планом, останавливающим время” [5, с. 347]. Складаная структура аповесці праяўляецца і ў спалучэнні аповеду пра “я”-героя ў мінулым і “я” ў цяперашнім часе. Відавочна, што ў творы дамінуе ацэнка Несцярковіча жыццёва мудрага, вопытнага, разважлівага. Праз прызму пазнейшага часу глядзіць герой-пісьменнік на даўно мінулыя прыгоды дзяцінства, юнацтва. Часавая арганізацыя твора – істотны для нас момант, бо час падзей, пра якія ідзе гаворка ў тэксце, не супадае з часам аповеду пра іх. Часавая дыстанцыя можа істотна ўплываць на аўтарскую пазіцыю, ацэнку, на ўспрыманне жыцця наогул. У аповесці той, хто апісвае, і той, каго ён апісвае, супадаюць у адной асобе, такім чынам адбываецца “спалучэнне розных часавых планаў” [6, с. 120]. Менавіта гэты ракурс вельмі важны. Супастаўленне некалькіх часавых планаў надае апавядальнай структуры ўсяго твора шматмернасць, нараджае семантычную множнасць “я”-апавядальніка. Парушэнне часава-прасторавых параметраў, пільная ўвага да мікрадэталей спрыяюць глыбокаму выяўленню пісьменніцкай экзістэнцыі І. Навуменкі ў крызісны час канца ХХ стагоддзя.

У аснове аповесці “Вір” ляжаць рэтраспектыўнае ўзнаўленне падзей і тонка прадуманы кампазіцыйны прыём “рамак” (Б. Успенскі): пачатак твора – Несцярковіч у Доме творчасці падчас зімовай сесіі студэнтаў, канец аповесці – восеньскі Дом творчасці, куды прыехаў дацэнт Несцярковіч для напісання доктарскай дысертацыі. Такое рамачнае абрамленне вызначае часавую перспектыву, гэта значыць, герой глядзіць на сваё жыццё “з часу, пра які ён піша, і часу, у якім ён піша” [5, с. 276]. Абраная форма пабудовы твора сведчыць аб выбары І. Навуменкам жыццёвых каштоўнасцей, пераадоленні ім унутраных канфліктаў, яго стасунках з эпохай, зменлівай, складанай, супярэчлівай.

Такім чынам, мы трактуем аўтабіяграфізм як спосаб мастацкага ўвасаблення біяграфічных фактаў у тэксце, як своеасаблівую стылёвую манеру пісьменніка. Адметнасць яе праяўлення ў творчасці І. Навуменкі заключаецца ў тым, што аўтабіяграфізм (спавядальны і сюжэтна-падзейны) стаў у пісьменніка важнай стратэгічнай формай увасаблення рэчаіснасці. Праз уласны біяграфічны вопыт адбываецца асэнсаванне феномена чалавека як суб'екта быцця, экзистэнцыяльнай рэфлексіі жыцця. Жыццёвы падзейна-эмацыянальны фон актывізаваў творчую актыўнасць пісьменніка, і па-мастацку засвоены факт біяграфіі стаў агульназначным.

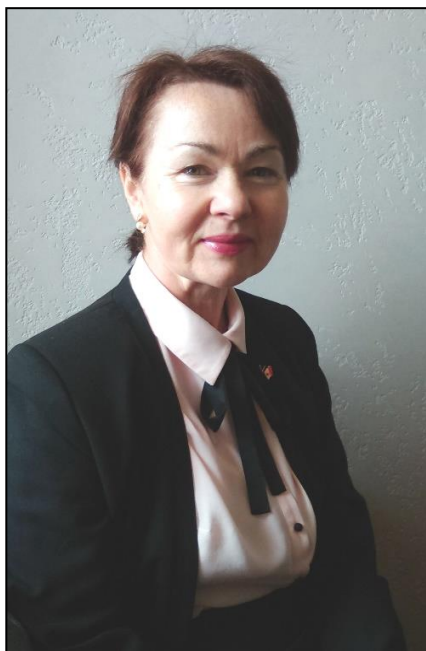
Аўтабіяграфізм у апавесці “Вір” – гэта аўтарская мастацкая манера, адметнасць яго эстэтычнай канцэпцыі. Спалучэнне знешніх фактаў гісторыі і фантазіі, рэалій асабістага знешняга і ўнутранага вопыту трансфармуецца І. Навуменкам у мастацка-вобразную сістэму літаратурнага твора, здольнага выявіць глыбінную сутнасць асобы і свету.

ЛІТАРАТУРА

1. *Медарич, М.* Автобиография/автобиографизм / М. Медарич // Автоинтерпретация: сб. статей по русской литературе XII–XX вв.; под ред. А. Муратова, Л. Иезуитовой. – СПб.: Изд-во С-Петербур. ун.-та, 1998. – С. 5–32.
2. *Васючэнка, П. В.* Иван Навуменка / П. В. Васючэнка // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы ; навук. рэд.: У. В. Гніламёдаў, В. П. Жураўлёў. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – Т. 3 : 1941–1965. – С. 689–713.
3. *Навуменка, І.* Гуканне над верасамі : апавесці, апавяданні / І. Навуменка. – Мінск : Маст. літ., 2002. – 219 с.
4. *Болдырева, Е. М.* Автобиографизм и автобиография: самоконструирование и семиотизация субъекта // Ярослав. вестник. – 2017. – № 4. – С. 242–251.
5. *Николина, Н. А.* Поэтика русской автобиографической прозы : учеб. пособие для вузов / Н. А. Николина. – М. : Флинта : Наука, 2002. – 424 с.
6. *Успенский, Б.* Поэтика композиции / Б. Успенский. – СПб. : Азбука, 2000. – 352 с.

Поступила в редакцию 19.01.2023

ПАМЯТИ...

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЛЮБОВИ ВЛАДИМИРОВНЕ ПЕРВУШИНОЙ –
ТАЛАНТЛИВОЙ КОЛЛЕГЕ, РАНО УШЕДШЕЙ...

Труднее всего писать о Человеке, которого мы хорошо знали, любили, уважали, Человеке добром, гармоничном, умном, отзывчивом... И невольно задаешь себе вопрос: почему он ушел в лучший мир в середине своего жизненного пути, полный сил, научных планов, на пике служебной карьеры и преподавательского совершенства....?

Такой была ЛЮБОВЬ ВЛАДИМИРОВНА ПЕРВУШИНА (20.03.1960–23.09.2021).

Жизнь ее была удивительной, интеллектуально насыщенной, связанной с Минском, где она родилась, росла, училась, работала. Любовь Владимировна закончила среднюю специальную музыкальную школу (1978), затем – Белорусскую государственную консерваторию им. А. В. Луначарского по классу скрипки (1983) и начала трудовую деятельность учителем детской музыкальной школы им. Л. П. Александровской (класс скрипки). Одновременно Л. В. Первушина училась в Институте философии и права Академии наук БССР, которую успешно закончила, завершив и свою первую научную работу «Воспитание музыкальной культуры молодежи». Возможно, именно это и вызвало желание автора продолжить гуманитарное образование через изучение иностранных языков и зарубежных литератур. В 1992 г. Любовь Владимировна Первушина поступает в Минский государственный педагогический институт иностранных языков по специальности «Английский и немецкий языки» и в 1996 г. заканчивает с дипломом с отличием и степенью бакалавра Минский государственный лингвистический университет, куда и была направлена на работу на должность преподавателя-стажера кафедры грамматики английского языка.

В 1997–2000 гг. Любовь Владимировна Первушина училась в очной целевой аспирантуре Минского государственного лингвистического университета. Ее научным руководителем стал широко известный в мире науки

американист, профессор, доктор филологических наук Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ МУЛЯРЧИК.

Аспирантка избрала тему диссертации по современной американской литературе «Идейно-творческие искания Эрики Джонг в контексте современной литературы США», которую успешно защитила в 2008 г. в Совете по защите кандидатских и докторских диссертаций при Белорусском государственном университете. По сути, завершение аспирантуры, служебные поездки в университеты зарубежных европейских стран и США изменили преподавательскую и научную судьбу Л. В. Первушиной. Видимо, она издавна стремилась к литературе, а ее образование – музыкальное, философское и лингвистическое, помогли лучше понять и воспринять литературу эмоционально и эстетически.

Известно много случаев, когда писатели предваряли научные открытия (скажем, Г. Уэллс, С. Лем), решали сложнейшие философские проблемы (В. Гёте, Вольтер, А. Франс), но очень немногие сумели выразить с помощью музыки милозвучность слова, как это делали Р. Роллан, Т. Манн, Я. Ивашкевич, К. Паустовский. Воспользовавшись опытом мировой литературы, Любовь Владимировна нашла и свою проблему, и свой путь в науке о литературе и в переводческой деятельности, а также в преподавательской работе. Именно работа педагога часто влияет на выбор научных интересов, хотя, как правило, доцент и профессор читают курсы, особенно по зарубежным литературам, объем которых намного превышает его научные пристрастия. Об этом свидетельствуют фундаментальные лекционные курсы, спецкурсы, спецсеминары, которые вела Любовь Владимировна. И хотя в центре ее внимания была современная литература США, она серьезно занималась и проблемой традиции в европейских литературах.

В 2009 г. Л. В. Первушиной была присуждена ученая степень кандидата филологических наук по специальности «Литература народов стран зарубежья (американская)», а в 2012 г. – ученое звание доцента по специальности «Литературоведение». Полученные научные результаты способствовали ее продвижению по службе в МГЛУ: в должности доцента кафедры зарубежной литературы, заместителя декана по учебной и научной работе факультета английского языка, заведующей кафедрой второго иностранного языка, затем – заведующей кафедрой восточных языков (2021г.); активизации научно-дидактической и научно-общественной деятельности в нашей стране и на международном уровне.

Духовное достояние ученого и преподавателя вуза заключается не только в его публикациях, что, несомненно, имеет огромное значение, но и в его манере, характере, научном уровне чтения лекций и работе со студентами. Этот вид деятельности остается в памяти студентов, влияя на их сознание, духовный рост и личностное становление. Лингвистический университет имеет свою специфику, так как в нем получают образование не

только студенты Беларуси, но и других стран. Следует подчеркнуть, что Любовь Владимировна пользовалась авторитетом у коллег и любовью и уважением своих учеников.

Научное и научно-методическое наследие Л. В. Первушиной представлено на русском, белорусском и английском языках почти в 90 печатных источниках, издаваемых в научных журналах и сборниках Москвы, Киева, Минска, Иваново, Полоцка, Бреста и др. Оно отличается проблемно-тематическим многообразием, но в нем легко прослеживается интерес и внимание автора к традициям европейской культуры, творчеству ее любимой писательницы Эрики Джонг, гендерным вопросам, женской прозе, постмодернизму, модернизму и его модификациям в литературном процессе США в XX–XXI вв.

Первая брошюра научно-методической направленности Л. В. Первушиной – материалы в помощь студентам «Эпоха Возрождения: Шекспир» (2011) посвящена творчеству «столпа» европейской литературы, что стало надежной опорой для исследования произведений писателей США. Культура этой страны как и сама страна еще довольно молодая и «выросла из шинели европейских традиций». Даже в XIX в. многие ее представители были или выходцами из Европы, или их потомками. Достоинством культуры США было активное использование европейских традиций и ускоренное ее развитие. А колониальная политика Англии в свое время повлияла на становление государства США, его язык, культуру, традиции. Это определило значимость английского фактора во всех сферах жизни страны, в культуре которой одно из главных мест заняли традиции непревзойденного Уильяма Шекспира.

Любовь Владимировна Первушина посвятила ряд научных публикаций проблеме традиции в литературе США, вызвавших интерес в среде белорусских, российских и зарубежных ученых. Таким образом, переход автора в сферу современности (конец XX – начало XXI вв.) совершился после тщательного и научно обоснованного изучения литературы прошлого, явившегося своеобразной основой для изучения новой, самостоятельной, эстетически и проблемно оригинальной литературы США, ныне представляющей интерес для мирового процесса развития культуры. Следует обратить особое внимание на те его важные проблемы, которыми занималась Л. В. Первушина: женская проза, гендерные вопросы, постмодернистские искания, эмиграция писателей в США в XX–XXI вв.

Своеобразным «рефреном» научных интересов Любви Владимировны является творчество Эрики Джонг, проходящее «вдоль» научной биографии исследователя. Начало его связано с темой диссертации и по ее материалам изданной книгой «Творчество Эрики Джонг в контексте современной американской литературы» (Минск, 2009). В диссертации же творчество Джонг показано в свете ее собственных идейно-художественных исканий. Это дало возможность диссертанту раскрыть впервые в литературе славянского ареала творческие особенности Джонг и определить ее место

в эстетическом процессе США во второй половине XX – начале XXI вв. Иной характер анализа представлен в названной выше монографии. Командировки в университеты европейских стран и США дали возможность Л. В. Первушиной познать «изнутри» университетскую жизнь, идейно-художественный мир ныне живущих создателей и исследователей литературы этих стран, в том числе и США.

Значимым событием было личное знакомство Любови Владимировны с Эрикой Джонг – внучкой белоруса из Дятлово, выросшей до уровня классика не только американской, но и мировой литературы, лауреата престижных премий, успешно проявившей себя во многих видах творчества, отличающегося неповторимостью и идейно-жанровым и проблемно-художественным новаторством. Обогатили книгу и документальные ранее неизвестные источники, фрагменты новых произведений и особенно – интервью автора монографии с писательницей. Эрика Джонг стала своеобразным стимулом для Л. В. Первушиной в ее дальнейших исследованиях литературы США. В ее статьях появляется новая для белорусского литературоведения проблема, связанная с творчеством писателей США – эмигрантов из славянских стран, прежде всего из Беларуси. В научных трудах Л. В. Первушиной представлены десятки имен деятелей культуры Америки, имеющих славянские корни. Материал этих работ представляет и научную, и дидактическую значимость. На примере творчества писателей-эмигрантов решаются важнейшие проблемы современной литературы США, поскольку в контекст англоязычных исследований автор вводит и имена исторических и литературных деятелей Беларуси (Евфросиния Полоцкая, Виктор Казько), проблемы исторической памяти, любви и материнства в американской литературе, но представленные белорусскими писателями.

На основании серьезных научных достижений Любовь Владимировна принимает решение поступить в 2015 г. в докторантуру при кафедре славянских литератур Белорусского государственного университета, которую заканчивает (2018 г.) представлением монографии по теме диссертации «Литература славянской эмиграции в США: Дойна Галич Барр». Книгу автор успела подготовить к публикации, но, к сожалению, сраженная болезнью, покинула этот мир. Монография, которая открывает читателю новое имя в истории зарубежной литературы, наконец, увидела свет (Минск: МГЛУ, 2023) и станет частью материальной памяти о Любови Владимировне Первушиной, а также напоминанием нам всем о ее оригинальном видении литературы США и о Ней самой, как о Человеке с ярким дарованием, сердечной добротой и любовью к людям.

Авторы:
доктор филологических наук, профессор *С. Ф. Мусиенко*,
доктор филологических наук *М. С. Рогачевская*,
О. Ю. Белякова

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 1 (122), 2023

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *Л. А. Тарасевич*

Редакторы: *В. М. Василевская, Л. А. Каштанова*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 22.02.2023. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 7,67. Уч.-изд. л. 7,93. Тираж 100 экз. Заказ 10.
Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 10.07.2020 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172